

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ГУЛМИРЗОЕВА ЗАРИНА УМАРОВНА

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЮВЕЛИРНОЙ ЛЕКСИКИ И НАИМЕНОВАНИЙ
ДЕКОРАТИВНЫХ УКРАШЕНИЙ**

**(на материале произведений
персидско-таджикской литературы IX-X веков)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (языки народов
Европы, Азии, Африки, Америки) (таджикский язык)

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Д. Р. Хомидов

Душанбе – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Отраслевая лексика и её место в таджикской лингвистике	13
1.1. Отраслевые лексические единицы и определение их значения в источниках.....	15
1.2. История и степень изученности отраслевых лексических единиц в таджикском языкознании.....	27
1.3. Развитие отраслевых лексических единиц и наименований декоративных украшений в период независимости.....	33
Глава II. Семантический анализ ювелирной лексики и наименований декоративных украшений	40
2.1. Ювелирная лексика, обозначающая драгоценные декоративные камни.....	42
2.2. Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений, относящиеся к военному снаряжению.....	55
2.3. Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений, имеющие отношение к сфере государственного управления.....	64
2.4. Лексика ювелирных изделий и наименования декоративных украшений, относящиеся к сфере повседневной жизни	73
Глава III. Анализ лексики ювелирного искусства и наименований декоративных украшений с точки зрения этимологии и структуры	81
3.1. Отраслевая лексика ювелирного искусства и наименования декоративных украшений с точки зрения происхождения	81
3.1.1. Таджикская ювелирная лексика и наименования декоративных украшений.....	85
3.1.2. Арабские заимствования в ювелирной лексике и наименованиях декоративных украшений.....	91
3.1.3. Европейские заимствования лексических единиц ювелирного искусства и наименований декоративных украшений.....	98

3.1.4. Смешанная заимствованная лексика ювелирного искусства и наименования декоративных украшений (гибридные).....	103
3.2. Лексика ювелирного искусства и наименования декоративных украшений в аспекте структуры.....	107
3.2.1. Простая лексика и простые неделимые лексемы ювелирного искусства и наименований декоративных украшений.....	109
3.2.2. Составная лексика ювелирного искусства и наименований декоративных украшений.....	118
3.2.2.1. Лексические единицы, связанные с ювелирной сферой, образованные с помощью приставок	118
3.2.2.2. Суффиксальный способ образования ювелирной лексики и наименований декоративных украшений.....	120
3.2.3 Сложные слова ювелирной отрасли.....	127
3.2.4. Лексемы-словосочетания в сфере ювелирного искусства и наименований декоративных украшений.....	134
Заключение.....	142
Приложение 1. Список сокращений.	146
Приложение 2. Краткий глоссарий ювелирной лексики и наименований декоративных украшений IX-X веков.....	147
Список использованной литературы.....	152

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Таджикский язык имеет древнюю историю, и многие сочинения, созданные на этом языке в разные исторические периоды, сохранились до наших дней. Они стали предметом исследования учёных-лингвистов, которые, аргументируя результатами изученных данных древних трактатов, дают оценку тем или иным элементам и особенностям таджикского языка. Таджикский язык используют его носители с древних времен, то есть с периода обретения письменной формы. Таджикская письменность имеет две ветви – литературно-художественный письменный язык и письменный язык делопроизводства. Очевидно, что литературные, исторические и им подобные произведения написаны письменным литературным языком. Эта ветвь таджикского языка развивается и совершенствуется, и поэты, писатели и историки, как в далеком прошлом, так и в настоящее время, создавали и продолжают творить художественные произведения на литературном языке. История свидетельствует, что «изящный, выразительный поэтический таджикский язык стал известен ещё при дворе Тахиридов и Саффарилов, а затем при дворе Саманидов как язык государственного управления и делопроизводства. Первые таджикские стихи были написаны на этом языке в Хорасане и Мавераннахре, а в последующие столетия были созданы тысячи томов исторических, научных, философских и религиозных произведений» [82, с.15]. Произведения классического периода, большая часть которых хранится в сокровищнице мировой цивилизации, нуждаются в изучении. Каждая эпоха выводит на арену истории великих деятелей, однако период Саманидов в истории таджикской цивилизации – это особый, «золотой» век, уникальность которого, по словам Лидера нации, уважаемого президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, заключается в следующем: «Правители династии Саманидов, обеспечив все условия для возрождения культуры и цивилизации, прилагали большие усилия по обеспечению государственного статуса таджикского языка. Формирование всемирно

известного таджикского языка неразрывно связано с усилиями и деятельностью этого государства и его мудрых и просвещенных лидеров. Именно в ту эпоху поэзия Рудаки обрела всемирную известность, и великие поэты Абу Мансури, Дакики, Абушакури Балхи, Шахиди Балхи, Кисои Марвази и другие создали свои бесценные стихи. Абулкасим Фирдавси, начал создавать свой бессмертный шедевр – «Шахнаме» [82, с.27].

Следует отметить, что история развития таджикского литературного языка тесно связана с историей народа, его социальной и культурной жизнью; изучение и анализ его семантических особенностей, в частности лексических пластов, связанных с терминологией ювелирного искусства, имеют большое теоретическое и практическое значение. С момента своего зарождения и становления таджикский литературный язык претерпел историческую эволюцию, становясь богаче, полнее, и являясь значимым средством удовлетворения потребностей общества. В связи с этим изучение ювелирной отраслевой лексики и наименований декоративных украшений на основе литературных произведений IX-X веков позволяет не только выявить лексико-семантические особенности, характер функционирования данного лексического пласта таджикского языка, но и познакомиться с традиционной культурой народа, с его мировосприятием, этическими нормами, эстетическими взглядами, что обусловило актуальность данной диссертационной работы.

Интересно то, что при изучении ювелирной отраслевой лексики и наименований декоративных украшений IX-X веков, лексика таджикского языка способствует анализу истории лексикологии, прежде всего науки о таджикской лексикологии и отраслевой лексики.

Степень разработанности темы. В таджикском языкознании изучением ювелирной отраслевой лексики исследователи стали заниматься не так давно и на сегодняшний день все еще не проведена обширная фундаментальная работа по анализу данного лексического пласта, но это не означает, что в этой области ничего не сделано. Вместе с тем исследователи не обходили вниманием понятийную сферу ювелирного искусства и декоративных

украшений. В частности, материалы, так или иначе касающиеся ювелирной лексики, имеются в трудах лингвистов и исследователей А. Каримова "Хрестоматия пехлевийского языка" [1978], С. Халимова «История таджикского языка» [1979], Т. Зехни «Из истории лексики таджикского языка» [1987], М. Шукурова «Наш язык – наше существование» [1991], Г. Джураева «Десять лет Закону о языке» [1999], С. М. Сабзаева «Язык и стиль поэтов-просветителей» [2000], Д. Саймиддинова «Лексикология среднеперсидского языка» [2001], М. Н. Касымовой «История таджикского литературного языка» [2003], Х. Маджидова «Современный таджикский литературный язык. Лексикология» [2007] и в ряде научных работ, посвящённых области ремесленных искусств: лексике орнаментации текстиля [Усманова, 1971], гончарного ремесла [Бурханова, 1982], швейного и вышивального искусства в самаркандских говорах таджикского языка (исследование проводилось на основе около 3000 слов и терминов, в подборе которых автор принимала непосредственное участие в ходе экспедиций) [Истамова, 1983], лексике профессий и ремесел как источнику таджикской технической терминологии [Шаропов, Джураев, 1991], кулинарного искусства [Мухаммадиева, 1979], лексике головных уборов (на материале «Шахнаме» Фирдавси) [Исмаатов, 2004], профессиональной лексике в произведениях Сайидо Насафи [Халимова, 2002], лексике одежды [Набиева, 1980; Халимова, 2002]. Тематику нашего исследования также затрагивали Б. Розиков («Лексика ювелирного и медницкого мастерства в таджикском языке (по материалам лексики хуждандских и уратюбинских мастеров)», 2000), М. Махмудов («Лексика и терминология ювелирного и медницкого искусства», 2007), М. У. Бобомуродова («Этнолингвистическая характеристика женских украшений в таджикском языке», 2012) и др.

Данные работы внесли значимый вклад в изучение лексики отдельных отраслей лексической системы таджикского языка не только в лингвистическом векторе, но и в лингвокультурном, этнокультурном аспектах. Вместе с тем в таджикской лингвистической науке, на наш взгляд, остаются еще недостаточно изученные вопросы истории развития и современного состояния словарного состава языка, в том числе в художественном дискурсе, где отраслевая лексика выполняет не только

общезыковую номинативную функцию, но и особые – художественные задачи. Безусловно, в художественных произведениях поэтов и писателей, творивших в разные исторические периоды, нашли отражение особенности языка того или иного времени. Привлекая богатый потенциал родного языка, они воссоздавали картину духовной и материальной жизни эпохи. Все вышесказанное и предопределило выбор темы нашей диссертационной работы.

Стоит отметить, что в Советском Союзе изучением особенностей языка разных веков, языка учёных, писателей и литераторов прошлого занимались их непосредственные преемники – таджикские лингвисты.

Научные исследования таджикских учёных посвящены лексическим особенностям того или иного отдельного произведения. Следует сказать, что к этой теме обращалось большинство исследователей. Насколько нам известно, исследователями изучены лексические характеристики 7 научных, литературных и исторических произведений наших предков.

В частности, С. Хошимов изучал лексические особенности «Гулистана» Саади, Ш. Кабиров – «Таърихи Бадахшон» («Историю Бадахшана»), С. М. Сабзаев «Кашф-уль-Олам», Д. Бахриддинов «Чароғи хидоят», Сироджиддин Алихан и С. Эрназаров исследовали «Аҷоиб-ул махлуқот ва ғароиб-ул-мавҷудот».

В их исследованиях лексика конкретного произведения сгруппирована по принадлежности к разным сферам общественной жизни. Большое внимание уделено также анализу синонимов и антонимов. Основное внимание исследователей привлекла особая лексика произведений, которую невозможно найти в других источниках, в том числе в современном таджикском языке. Также проанализированы общие и отличительные черты слов и выражений этих произведений и современного таджикского языка, а также эволюция некоторых слов.

Цель исследования состоит в систематизации, описании и анализе важного пласта лексической структуры таджикского языка – ювелирной отраслевой лексики и наименований декоративных украшений в литературных произведениях IX-X

веков. В основе исследования лежит комплексный анализ процесса становления и эволюции данной лексической системы, выявление основных источников и закономерностей её развития.

Цель работы предопределила решение следующих **задач**:

- рассмотреть основы формирования ювелирной лексики и наименований декоративных украшений в поэтических произведениях IX-X веков;
- выявить роль экстралингвистических факторов в формировании ювелирной отраслевой лексики и наименований декоративных украшений;
- провести анализ лексико-семантических особенностей ювелирной отраслевой лексики и наименований декоративных украшений;
- рассмотреть текстовые функции наименований ювелирных и декоративных украшений, их роль в моделировании идиостиля поэтов IX-X веков;
- определить источники обогащения лексического состава наименований ювелирных и декоративных украшений (исконная и заимствованная лексика);
- по мере возможности показать область распространения лексем ювелирной отрасли и наименований декоративных украшений поэтических произведений IX-X веков в лексической структуре языка и на этой основе выявить общее и различия ювелирной отраслевой лексики и народных традиций в лексических пластах таджикского языка.

Источники исследования. Диссертация подготовлена на основе иллюстративного материала в объеме одной тысячи библиографических карточек [картотека], собранных в течение 2014-2021 годов из литературных произведений поэтов IX-X веков, словарей, а также из речи работников ювелирной сферы городов, районов и разных регионов Таджикистана.

Литературными источниками исследования послужили диван Рудаки, сборник «Поэзия современников Рудаки», поэма «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси, сборник «Ахтарони адаб» («Звёзды литературы»), которые классифицируются и используются по главам и разделам.

Научная новизна исследования. Впервые в таджикском языкознании ювелирная отраслевая лексика и наименования декоративных украшений изучаются на основе литературных произведений поэтов IX-X веков, а также исторических и лексикографических трудов. Обосновано, что ювелирная отраслевая лексика и наименования декоративных украшений занимают особое место в лексической структуре нашего языка, и эти лексемы проанализированы со структурной точки зрения. Выявлен семантический потенциал и роль ювелирной отраслевой лексики и наименований декоративных украшений в развитии персидско-таджикского языка, проведена их тематическая классификация, а также ранжирование на исконные и заимствованные.

Научно-теоретическая значимость диссертации определяется тем, что на примере ювелирной лексики и наименований декоративных украшений литературных произведений IX-X веков можно проследить пути формирования и развития лексической системы языка. Результаты исследования представляют интерес для лингвокультурологии и социолингвистики, поскольку охватывают аспекты экстралингвистического характера – истории, культуры, этнографии. Теоретическая значимость диссертации заключается также в обосновании системной организации ювелирной лексики и наименований декоративных украшений, что может быть использовано при упорядочении лексической структуры таджикского языка с учетом внутренних и внешних факторов её формирования и развития.

Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащийся в нем фактологический материал и результаты его научного осмысления могут быть полезны при изучении исторической терминологии, лексикографии таджикского языка и отраслевой лексикологии. Содержание диссертации может привлекаться в учебном процессе при чтении курсов по истории таджикского языка, этнолингвистике, стилистике, лексикологии, а также спецкурсов «История становления и развития ювелирной лексики в таджикском языке», «Термины ювелирной отрасли и их роль в развитии таджикского литературного языка», «Лингвистика художественного текста», по

общей и иранской терминологии и отраслевой лексике. Результаты исследования могут быть использованы при составлении учебников по терминологии, по современному таджикскому языку, на практических занятиях студентов филологических факультетов.

Методология и методы исследования. Методологической базой диссертации послужили труды известных отечественных и зарубежных лингвистов, в том числе В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой, Г. О. Винокура, Н. М. Шанского, Е. М. Галкиной-Федорук, Д. Шмёлева, О. Сиротиной, С. Айни, А. М. Мирзоева, Н. Махсуми, Б. Ниёзмухаммадова, Д. Т. Таджиева, Р. Гаффорова, М. Н. Касымовой, Б. Камолиддинова, С. Халимова, Х. Маджидова, Д. Ходжаева, Д. Саймуддинова, С. Назарзода, М. Х. Султонова, З. Мухторова, Ф. Х. Шарифовой, Ш. Исматуллозода, М. Саломийён, Д. Хомидова, Ж. Б. Гулназаровой, С. Халимовой, М. Бобомуродовой, К. Турахасанова и других.

В работе используется ряд апробированных методов анализа явлений языка и культуры, среди которых методы сравнительно-исторического, синхронного, исторического (диахронического), лексико-семантического анализа. В некоторых случаях при необходимости также привлекаются статистический, описательный и этимологический методы.

На защиту выносятся следующие положения:

- Семантика лексических единиц со значением «ювелирные и декоративные украшения» в таджикском языке охватывает богатый спектр явлений и предметов данной сферы и отражает не только специфические свойства таджикского языка, но и экстралингвистические факторы, связанные с уникальными особенностями материальной и духовной культуры носителя этого языка.

- В ходе этимологического анализа выяснилось, что в поэтических произведениях IX-X веков слова, имеющие отношение к ювелирному искусству, имеют давнюю историю, но с течением времени претерпели формальные и семантические изменения.

•Как и любой сегмент лексической системы таджикского языка, номинативные единицы, обслуживающие понятийную сферу «ювелирные и декоративные украшения», связаны с определенным культурно-историческим периодом, в связи с чем их изучение способствует воссозданию процесса их эволюции, выявлению структурно-семантических изменений данного пласта отраслевой лексики, а также особенностей его функционирования в художественной речи эпохи.

•Отраслевая ювелирная лексика и наименования декоративных украшений несут в себе полифункциональную нагрузку, т.е. кроме номинативной функции, они реализуют художественно-эстетические задачи, придавая произведению особую выразительность и экспрессивно-эмоциональный настрой.

•Основу отраслевой лексики ювелирного искусства и наименований декоративных украшений составляют такие мотивационные зоны, как назначение предмета, материал изготовления, красота и ценность драгоценных камней, использованных при изготовлении украшения, способ изготовления, форма, место ношения, детали и др.

•С точки зрения путей и способов обогащения лексики ювелирных и декоративных украшений в процессе её формирования и развития можно выделить две основные тенденции: использование собственных языковых ресурсов и заимствования из других языков, главным образом из арабского языка (арабская и арабизированная греческая и латинская лексика).

•Лексические единицы и наименования декоративных украшений, относящиеся к ювелирной сфере, как отражение истории материальной культуры современного общества таджикского народа, тесно связаны с бизнессообществом и деятельностью современных ювелиров. В этом смысле их научное изучение будет способствовать формированию и развитию нового раздела таджикской социолингвистики.

•Структурный и семантико-функциональный анализ лексических единиц и наименований декоративных украшений, относящихся к области ювелирного искусства, можно представить в исследуемых поэтических произведениях

изучаемого периода в простых, составных, сложных и композиционных формах.

Непосредственный вклад автора исследования. Данная тема впервые в таджикском языкознании была системно исследована автором в форме диссертации. Личный вклад соискателя состоит в определении и обосновании цели и задач исследования, сборе и систематизации фактического материала, определении и обобщении теоретических основ, в получении и обсуждении результатов, изложенных в диссертации, в формулировке её основных положений и выводов, в опубликовании полученных результатов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается достаточным объемом иллюстративного и научного материала и обоснованным выбором методов анализа, адекватных цели и задачам работы. Основные результаты исследования отражены в шести статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации. Промежуточные итоги данного исследования неоднократно обсуждались на заседаниях и научных семинарах кафедры истории языка и типологии Таджикского национального университета. Основные проблемы и выводы диссертации были представлены в виде докладов на научных конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского национального университета, а также на международных и республиканских научно-практических конференциях (2014-2023гг.).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры истории языка и типологии Таджикского национального университета (протокол №8 от 23.01.2024 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников, а также краткого глоссария ювелирной отраслевой лексики и наименований декоративных украшений в литературе IX-X веков.

ГЛАВА I. ОТРАСЛЕВАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ МЕСТО В ТАДЖИКСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Тематический анализ исследования. Лексические единицы в лингвистике – один из важнейших предметов изучения исследователей и учёных с давних времён. По мнению учёных, лексические единицы или отраслевые лексические единицы как отдельного языка, так и языков в целом, вне связи с их принадлежностью к определенной области человеческой деятельности, в основном возникли в глубокой древности и содержат множество исторических сведений. Данные результаты, полученные в ходе исследования, связанные с обсуждаемыми проблемами в области терминологии, лексикографии, лексикологии, словообразования, заимствований, этимологии и т. д., имеют большое научное и практическое значение.

Отраслевая лексика как одна из ветвей языка не всегда планомерно развивалась и в зависимости от социальной ситуации того времени претерпевала изменения, развитие и кризисы. Например, язык отраслевой лексики после завоеваний Александра Македонского (IV-III вв. до н.э.) значительно изменился. Лексическая структура этой ветви языка включала лексические единицы греческого и арабского языков, а в определенные периоды использовалась отраслевая лексика других языков. Эта традиция также соблюдается после правления монголо-тюркских, мангитских военачальников, колонизаторства царской России на территории бывшего Советского Союза, когда отраслевая лексика таджикского языка на какой-то период утратила свою значимость и функцию, ее устойчивые формы и штампы потеряли былую ценность, и особое место приобрёл преобладающий язык.

К счастью, после обретения независимости Таджикистаном отраслевая лексика таджикского языка развивается вместе с литературным языком, постепенно возрождаются исторические формы лексических единиц. Кроме того, отраслевая лексика таджикского языка как устойчивая и неотъемлемая

часть таджикского литературного языка играет важную роль в защите интересов нашего независимого государства. Защита таджикского языка государством и правительством Таджикистана подтверждается двумя важными государственными документами – Конституцией Республики Таджикистан (6 ноября 1994 г., статья 2) и Законом Республики Таджикистан «О государственном языке» (5 октября 2009 г., статья 1). [34, 1994]. Следует отметить, что официальное включение таджикского языка в законодательство нации и народа в качестве государственного языка делопроизводства, официального, увеличивает ответственность и обязанности как носителей языка, так и иных представителей социума.

Отрадно, что в период обретения независимости изучению таджикского языка в стране уделяется большое внимание. На этом языке на высшем правительственном и государственном уровнях разрабатываются официальные документы и необходимые нормативно-правовые акты для использования в стране и за рубежом, которые становятся доступными для всех. По мнению лингвиста С. Назарзода, состояние языка делопроизводства в наше время выглядит следующим образом: «После обретения Таджикистаном независимости стало ясно, что политическая и социальная роль таджикского языка как государственного значительно возросла. Сотни политических документов и официальных государственных нормативно-правовых актов были подготовлены на этом языке, и день ото дня возникает необходимость переводить различные тексты и научные работы с разных языков мира, а также возвращать или создавать и совершенствовать новые отраслевую лексику и термины. В связи с этим эта ветвь, которая постоянно развивает и совершенствует государственный язык, должна уметь выражать хотя бы необходимые общественно-политические термины, и они должны быть единообразными, проверенными и устойчивыми» [63, с. 6].

Можно с гордостью отметить, что нет никаких препятствий для развития таджикского литературного языка, который является одним из самых богатых языков в мире. Как уже отмечалось, в Конституции нашей

страны статус таджикского языка обозначен золотыми буквами в статье 2 как государственный, а таджикский литературный язык находится под защитой государства [34, с. 3]. Каждый из нас несёт ответственность за каждый изъян и неточность в языке.

1.1. Отраслевые лексические единицы и определение их значения в источниках

После распада Советского Союза образовались независимые национальные государства, где в каждом из них среди прочих возникла необходимость развития национального научного языка – важнейшего средства развития и функционирования научной и культурной жизни для каждого современного общества. В решении этой важнейшей проблемы, прежде всего, важное место отводится средствам выражения, а также поиску и изучению научных концепций, составляющих язык науки в целом. Язык науки, обладающий специфичностью и относительно узким диапазоном использования, нельзя назвать фундаментальным явлением. Он является самостоятельной ветвью национального языка. Иными словами, лексемы, отраслевые лексические единицы и другие средства выражения, используемые в языке науки для объяснения научных концепций и теорий, являются единицами того или иного национального языка. Из сказанного вытекает, что язык науки есть высшая ступень становления национального языка, высшая степень его развития и совершенствования, имеющая свою отраслевую лексику.

Научная отраслевая лексика является одним из основных разделов языкознания и мощным средством его формирования и развития. Другими словами, научная отраслевая лексика является одним из путей и способов обогащения лексического запаса языка. Как известно, из общих правил языкового развития и обогащения, в зависимости от развития различных сторон жизни, общества, науки, техники, промышленности и литературы лексический запас языка постоянно пополняется новыми словами и научной

отраслевой лексикой. Учитывая этот факт, необходимо отметить, что отраслевая лексика и отбор лексических единиц являются одним из содержательных и богатых средств создания лексических норм словообразования. Научная отраслевая лексика занимает особое место и положение в формировании и развитии языка.

Во времена СССР таджикский язык науки и отраслевой лексики был лишён влияния арабского языка и в такой же степени попал под влияние русского языка – официального и языка межнационального общения в социалистическом обществе. В советский период огромное число научных отраслевых лексических единиц из русского и других европейских языков внедрялись в словарный состав таджикского языка. В настоящее время, с обретением государственной независимости, таджикский научный язык вступил в качественно новую эру развития и совершенствования. Важным моментом данного периода развития таджикского научного языка является то, что таджикские ученые и исследователи изыскали способы правильной передачи и объяснения событий, явлений, знаний и опыта, открытий и изобретений всех прошлых и настоящих результатов научного исследования человечества.

В советском языкознании большое внимание уделялось вопросам словообразования как одного из основных способов обогащения словарного запаса. Достаточно перечислить труды и научные исследования известных советских лингвистов – В. В. Виноградова, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, Е. А. Земской и других, в которых всесторонне освещаются важнейшие вопросы словообразования и, в частности, словообразования русского языка.

Следует отметить, что в контексте словообразования иранских языков было проведено немало исследований. Дстойное место среди них занимают работы А. С. Пейсикова, Т. А. Чавчавадзе, Т. Д. Чхеидзе, Ш. Рустамова, Ф. Р. Амоновой, коллективный труд «Асосҳои забоншиносии Эрон» («Основы

иранского языкознания»), а также труды иранских лингвистов Фарруха Хусрави., Т. А. Касрави и других.

Большинство авторов поддерживают точку зрения, согласно которой словообразование признается отдельной отраслью лингвистической науки. Когда-то, как известно, она традиционно считалась неотъемлемой частью морфологии.

Такой способ решения вопросов словообразования, несомненно, даёт более широкие возможности для всестороннего изучения с научной точки зрения различных аспектов этого раздела языкознания.

Как известно, в период независимости началось изучение таджикской лексической единицы в неразрывной связи с историей таджикского языка, а в последние годы исследователями в данном направлении была проделана большая работа. Можно привести в качестве примера ряд научных и методических работ, посвящённых дискуссионной теме, касающейся таджикской лексики, в которых приведены полезные и интересные сведения о её возникновении и эволюции, изменении и сфере употребления. Например, А. Каримова «Хрестоматия пехлевийского языка» [1980], Р. Х. Додихудоева и Л. Г. Герценберга «История таджикского языка» [1988], С. Назарзода «Аҷоиб-ул-махлуқот» Ахмада Туси как источник исторической лексики» [1999], А. Мухторова «Саманиды: время и место» [1999], С. Назарзода «Язык и терминология» [2003], «Попытки модернизации таджикского литературного языка» [2004], «Формирование терминологии таджикского языка в XX веке» [2004], «Роль прессы и перевода в формировании терминологии таджикского языка» [2004], «Речь должна быть источником жизненной силы» [2004], З. Мухторова «История таджикского языка» [2001], Д. Саймиддинова «Лексикология среднеперсидского языка» [2001], М. Н. Касымовой «Коротко о ранних таджикских языковых реформах» [2003], «Древняя таджикская терминология» [2007], Д. Ходжаева «Формирование и эволюция средневековой персидской и таджикской лингвистической мысли» [1998], Б.

Гафурова «Таджики» [2010] и некоторые другие. По мнению вышеуказанных авторов, отраслевые лексические единицы используются для объяснения официальных понятий определенных областей науки и технологий, промышленности, социальной и материальной культуры, экономики, политики, культуры и так далее. Кроме того, отраслевые лексические единицы как средство выражения научных понятий функционируют, в основном, в письменной форме и имеют узкий диапазон использования, так как данные лексические единицы применимы в определённой сфере.

На сегодняшний день отраслевые лексические единицы и история их возникновения – один из важнейших краеугольных вопросов в области лингвистики. Отраслевые лексические единицы каждого языка, независимо от их отношения к той или иной деятельности человека, в первую очередь, имеют свою историю происхождения, хранят в себе множество фактов, изучение которых может способствовать решению ряда важных вопросов в области лексикографии, словообразования, этимологии и т. д.

Следует отметить, что анализ и исследование таджикских отраслевых лексических единиц и их истории как особого пласта лексикологии имеет как теоретическое, так и практическое значение. Теоретическая часть включает в себя определение истории формирования данного вида лексики и его места в лексическом составе языка, определении сферы его использования в разные периоды времени. Практическое значение заключается в использовании, исправлении недостатков и создании новых лексем в отдельных отраслях.

Как было отмечено выше, лексический состав таджикского литературного языка включает разные лексические пласты, одним из которых является отраслевая лексика. Лексические единицы таджикского языка возникли в глубокой древности и постепенно формировались в ходе исторического развития, имеют определённую систему и достаточно устойчивы. Следует отметить, что связь языка с духовным миром человеческой природы особенно заметно проявляется в области отраслевых

лексических единиц. Отсюда следует, что отраслевые лексические единицы отражают все стороны жизни общества и постоянно совершенствуются как отдельный раздел лексикологии. Отраслевые лексические единицы называются наименования объектов или понятий в той или иной конкретной сфере в виде специальных лексических единиц, которые функционируют именно в этой области. Иными словами, отраслевая лексика – это отдельный словарь конкретной области науки и техники, искусства, культуры и т. д., характеризующийся особенностями и спецификой отдельной сферы науки. Лингвистика изучает множество проблем, одна из них – это системное изучение научных отраслевых лексических единиц в таджикском языкознании, – которая всё ещё требует глубокого изучения. В настоящее время, когда общество стремительно развивается, появляются совершенно новые отрасли науки и техники. В связи с этим перед таджикскими учёными встают очень важные и ответственные задачи, такие, как становление и совершенствование состава и системы отраслевых лексических единиц таджикского языка. «Проблема перевода научно-технической литературы, отраслевых лексических единиц, подготовка толковых, полутолковых, двуязычных и многоязычных словарей, отраслевых глоссариев и справочников, а также работа по формированию и совершенствованию той или иной области лексических единиц и т. д. – одна из первостепенных задач таджикского языкознания. Лексические единицы или отраслевые слова составляют ещё одну часть книжной лексики» [46, с.78]. Отраслевые слова должны отличаться точностью, прямолинейностью, краткостью. Особенность отраслевых лексических единиц – их моносемантичность, конкретность, отсутствие синонимов и обязательная направленность, т.е. специализация в какой-либо области науки. Иногда то или иное многозначное слово языка также может перейти к разряду отраслевых лексических единиц. Оно теряет другие свои значения и выступает в роли омонимов. Например, лингвистический термин существительное «означает именную часть речи, предмет»; предложение – «основную синтаксическую

единицу, содержащую законченную мысль»; ударение – «слог, который произносится громче, чем другие слоги слова» [46, с.147-148].

Отраслевые лексические единицы и термины в общем языкознании изучались и имеют долгую историю. Изучение лексических единиц началось одновременно с формированием лингвистики, как науки, т.е. в XVIII-XIX веках. «Первые определения этого термина появились в конце XIX и начале XX веков. Одним из первых более полных определений этого термина является определение двух английских ученых – Киттриджа и Гринафа, которые определили термин как математические формулы. По их словам, этот термин используется только для описания конкретного понятия» [99, с.3]. Лексическая структура языка состоит из разных лексических пластов. Самыми распространёнными и важными являются лексические единицы, которые в таджикском языке тесно связаны с историей народа, формировались на протяжении многих веков и образовали определённую и устойчивую систему.

Научная отраслевая лексика таджикского языка берёт начало ещё с формирования культуры, науки и искусства в эпоху Саманидов и до неё.

Основоположником таджикской отраслевой лексики является Абуали ибн Сино, создавший в своё время бессмертную «Донишнома» («Книга знаний»), подняв тем самым научный таджикский язык на новый уровень. Он создал много таджикских терминов и отраслевой лексики, часть из которых не потеряла своего значения и в наши дни [2, с.120-161].

По мнению учёных, Абуали ибн Сино также считается основоположником таджикской лингвистики в истории лингвистической мысли, и он был, по сути, одним из первых учёных, пытавшихся обогатить научный словарный запас. В своём философском произведении «Донишнома» («Книга знаний») он говорил о двух источниках создания терминов и отраслевой лексики: а) из наследия пехлевийского и среднеперсидского языков, которые относятся к среднему периоду развития

иранских языков; б) из словаря нового персидского языка, который сформировался и развился в IX-X веках [22, с. 68].

Как мы уже говорили, эпоха Саманидов была периодом расцвета и формирования отраслевой лексики, когда был создан прочный культурный базис и благоприятная научная атмосфера, а города Хорезм и Самарканд, Марв и Нишапур, и особенно их столица Бухара, считались величайшими центрами науки и культуры своего времени. В эту эпоху всемирно известные поэты и учёные, такие, как Рудаки и Фирдавси, Беруни и Байхаки, Носир Хусрав и некоторые другие, достигли совершенства в творчестве, создав свои шедевры, а в работе по переводу и написанию отдельных и оригинальных книг на персидском языке дари они добились таких успехов, что их эпоху поистине можно назвать не только временем расцвета поэзии и прозы, но и наиболее плодотворным периодом персидского (дари) языка с точки зрения лексикографии и терминологии. В связи с этим С. Назарзода выражает своё мнение следующим образом: «Безусловно, новые разработки, развитие и совершенствование различных отраслей науки нуждались в конкретной лексике и терминах, которые либо должны были быть найдены из разных источников, либо созданы их эквиваленты. Поэтому авторы и переводчики второго поколения обратили внимание на специфические особенности персидского языка (дари), наилучшим образом подходящие для создания лексики и терминологии. В этот период на языке дари были написаны два важных с точки зрения темы нашего исследования произведения: «Ат-Тафхим» Абу Райхона Беруни (1029 г.) и «Донишнама» Ибн Сино (1023-1037 гг.) [63, с. 98].

Абу Райхон Беруни и Ибн Сино использовали разные способы создания лексики. Они пользовались как словарём живого языка народа, так и выбирали слова из текста существующих книг. Если этих способов было недостаточно, они использовали знакомую лексику и употребляли слова в новом переносном смысле. В процессе словообразования и терминообразования эти учёные не использовали широкоупотребительную

или переведённую с помощью существующих слов лексику, но, наблюдая за способностью и возможностями своего родного языка, создавали слова и термины, которые ранее не встречались в работах авторов, такие, как: *шумор* (число), *шуморгар* (счётчик), *шуморанда* (счётный), *истодагӣ ба худии худ* (стоящий сам по себе), *баърапазир* (полезный), *пайвандпазир* (связываемый), *пайванддор* (связуемый), *љунбишпазир* (подвижный), *љунбиши рост* (правильное движение), *љихатгар* (многогранная), *хонагар* (бытовая), *илми миёнгин* (промежуточная наука), *њаст будан* (существующая), *коркуниши* (работающая), *монандагӣ љустан* (искать подобия) и т. д. [63, с.100].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Абу Райхон Беруни и Ибн Сино проделали огромную работу по обогащению словарного запаса, созданию терминов персидского языка и диапазона их употребления. Их опыт в данной сфере показывает, что при пристальном внимании таджикско-персидский язык имеет массу возможностей для лексикографии и терминообразования. Различные случаи употребления составных слов и созданных ими терминов доказывают, что эти слова приобрели универсальный характер, ведь если Беруни использовал большинство общеупотребительных слов в аспекте астрологии, расчёта и тому подобного, то Ибн Сино употреблял их в философских значениях.

После Беруни и Сино другие их последователи и учёные продолжили их работу в лексикографии. Известные писатели и учёные Носир Хусрав, Мухаммад Газали и Афзалуддин Кашони являются одними из самых успешных продолжателей этой деятельности. Труды этих учёных насыщены отраслевой лексикой, смешанными терминами и понятиями в области социальных наук. В отличие от Абу Райхона Беруни и Ибн Сино (особенно Беруни), которые создавали произведения на персидском (дари) языке для небольшого числа читателей, Носир Хусрав был проповедником исмаилитской веры, высказывал мысли на персидском и писал на их родном языке для большинства читателей (то есть своих последователей).

Традиции простоты изложения и творческие поиски с целью выбора подходящей лексики и создания новых слов в соответствии с требованиями общественно-политического, культурного и экономического развития, зародившиеся в эпоху Саманидов, продолжались в начале правления первых тюркских династий Мавераннахра и Хорасана – Газневидов (999-1187) и во время правления Сельджукидов (1040-1190). Причина заключалась в том, что вначале Сельджуки набирали большую часть администраторов и служащих своего придворного аппарата из числа жителей Хорасана и Мавераннахра, по словам Саида Нафиси, «те, кто нашёл свой путь при дворе Сельджукидов, были образованными и учёными людьми» [8, с. 6-13]. Именно эта связь и интерес послужили основой для создания в этот период ряда шедевров персидской (дари) прозаической литературы, таких, как «Кабуснаме» Унсурулмаоли Кайковуса, «Сиёсатнаме» знаменитого Ходжи Низамулмулька, «Кимиёи саодат» и «Насихат-уль-Мулук» Имама Мухаммада аль-Газали в области этики, политики и общества, «История Байхаки» Абульфазли Байхаки, «Зайн-уль-Ахбар» Махмуда Гардези, «Муджмал-ут-Таварих ва-л-кисас» Абульхасана Али ибн Зайди Байхаки, «Рохат-ус-судур» Абу Бакра Рованди по истории, «Чахор макола» Низами Арузи, «Хадойик-ус-сехр» Рашиди Ватвота по литературе, «Асар-ут-тавхид» Мухаммада ибн Мунаввара и «Тазкират-уль-авлиё» шейха Фариддуна Аттара о суфизме, ««Альоиб-ул-махлуқот ва ғароиб-ул-мављудот» Ахмада Туси (энциклопедический труд), «Калила и Димна» Абулхамида Абульмаоли, «Самаки айёр» Фаромарза ибн Худодода, «Марзбоннама» Испахбада ибн Рустама ибн Шарвина, «Синдбоднаме» Захири Самарканди, «Абу Муслимнаме» Абу Тахира Тарсуси и других в художественной литературе.

Нельзя не отметить, что в последние годы было опубликовано множество аналитики, статей и работ о состоянии современного таджикского литературного языка, его различных проблемах, связанных со всеми языковыми уровнями, словообразованием, терминологией и т.д. В частности, подчёркивается, что обращение к истории персидско-таджикского языка,

использование и доступность бесценных трудов предков, дающих важные сведения о словарном составе языка и связанных с языком и литературой, относится к числу важнейших направлений деятельности по возрождению и дальнейшему сохранению культуры и цивилизации народа.

Лексический состав того или иного языка – совокупность слов всех лексических уровней и пластов языка, посредством которых передаются многовековой опыт и знания человека, сформировавшиеся в процессе его труда и жизни. «Процесс образования слов языка – одно из длительных и сложных событий человеческой истории... единство отдельных звуков или фонетических конструкций со значениями создаёт языковые единицы», – отмечает лингвист Х. Маджидов в одной из своих работ, говоря о месте и статусе слов в лексическом составе нашего языка, а в другом месте добавляет, что «слова, входящие в группу простых слов и употребляющиеся в выражении таджикских наименований, не всегда легко интерпретировать» [46, с. 67].

В языкознании эквивалентом слов (в таджикском языке) является лексика, лингвистический термин, происходящий из греческого языка и выражающий значение совокупности слов языка, его лексический состав. Этот термин используется для разных пластов лексики (бытовая, деловая, поэтическая), а также для обозначения всех слов в литературных произведениях (129, с. 25). Лексика является предметом лексикологии, семасиологии и ономастики, она прямо и косвенно отражает действительность. Лексический состав таджикского языка тесно связан с историей таджикского народа и с условиями его жизни, независимо от того, конкретное или абстрактное значения они имеют, являются ли синонимичными или общими словами, словами с ограниченным употреблением, терминами или экспрессивными словами, неологизмами или архаизмами – все они входят в лексический состав.

Устойчивая часть лексики языка образует основной лексический фонд. Источником основной лексики служат корневые слова. Корневая лексика

является основным источником для образования новых слов и производных значений: *сар* (голова), *чаим* (глаз), *пой* (нога), *аст* (есть), *лаб* (губа), *забон* (язык), *санг* (камень), *замин* (земля), *осмон* (небо), *нон* (хлеб), *орд* (мука), *асп* (лошадь), *кор* (работа), *роъ* (дорога), *сафед* (белый), *сиёъ* (чёрный), *сурх* (красный), *калон* (большой), *рафт* (пошёл), *омад* (пришёл), *дарав* (жатва), *кам* (меньше), *пеш* (раньше), *пур* (полный), *пок* (чистый) и подобные слова, давно уже употребляемые в сокровищнице основного фонда национального таджикского языка, остались устойчивыми и неизменными, были использованы для создания новых лексических единиц: например, из слова «сар» («голова») образовано много составных и сложных: *сарак* (головка (макушка, верхушка)), *хамсар* (супруг (супруга)), *сарафроз* (награждённый), *сархам* (понурий), *сарбаланд* (-она, -ї) (гордый), *сарбоз* (солдат), *сарнагун* (свергнутый), *саргаранг* (растерянный), *саргардон* (озабоченный), *саргарм* (увлечённый), *саргум* (запутанный), *саркарда* (зачинщик), *сарлашкар* (полководец), *сарлuch* (с непокрытой головой) и т.п.

Изучение лексических единиц предполагает обращение к определённой специфике данной категории слов. В большинстве случаев слова и фразы используются учёными как аналоги, но в некоторых случаях различия очевидны.

Слова или отраслевые лексические единицы как слово или фраза в определённой научной области имеют конкретное значение и чётко выражают конкретное понятие. В качестве отраслевых лексических единиц в какой-либо отрасли науки слово может утратить своё значение в другой отрасли и использоваться как обычное и общеупотребительное понятие. С развитием лингвистической науки, как мы видим, проводятся обширные исследования в данной области, где исследователи и лингвисты в сфере общего языкознания высказывают свои взгляды относительно теоретических и практических аспектов рассматриваемой проблемы.

Таким образом, отраслевая лексика обогащает лексический состав нашего языка и образует его особый пласт.

Вхождение специализированной лексики в лексический состав языка в основном происходит двумя путями: поэзия, научная и художественная проза. Как отмечает З. Мухторов, «достойный вклад в эту сферу внёс Хаким Санои Газнави, являющийся одним из лидеров суфийских поэтов...» [55, с. 16]. Этот же автор отмечает и роль других поэтов первого периода развития суфийской лексики: «В становление и эволюцию суфийских произведений с лингвистической точки зрения, расширение его лексического диапазона, совершенствование символического языка суфиев бесценный вклад внесли отдельные личности, такие, как Хоким Санои, Аттор, Руми» [55, с. 16].

Другая группа отраслевой лексики охватывает слова, выражающие понятия профессии и работы, и эта область также оказывает влияние на лексемы определённых групп своими особыми свойствами. Определённый диапазон употребления группы слов, выражающих понятия профессии и рода занятий в истории таджикского литературного языка, неслучаен. Прежде всего, самотечение суфизма обычно было более распространено среди ремесленников, считавшихся в Средние века наиболее активным и организованным классом общества.

О лексике ювелирного искусства и наименований декоративных украшений приводятся необходимые сведения в трудах исследователей М. Н. Касымовой [2003], Б. Розикова [2000] и ряда других, отмечавших, что в Средней Азии и за её пределами наши предки славились развитием этого ремесла, а их продукция реализовалась на крупных рынках. Также о развитии лексики ювелирного искусства в средние века можно судить по трудам «Худуд-уль-олам», «Китаб-ут-Тафхим» и «Китаб-уль-Джавахир» Абу Райхона Беруни, «История Бухары» Мухаммада Наршахи, «История Систана», «История Масуда» Байхаки и некоторых других, где приводятся важные сведения исторические материалы, имеющие высокую научную ценность, о различных отраслях ремёсел, искусстве ювелиров и медников.

Необходимо подчеркнуть, что изучение отраслевых лексических единиц как особого раздела лексикологии имеет и теоретическое, и практическое

значение. Изучение с теоретической и практической точки зрения имеет как культурно-образовательное, так и социальное направление. Точно так же изучение отраслевых лексических единиц ювелирных украшений в таджикском языке немаловажно и своевременно. Наличие богатейшего материала является свидетельством того, что лексические единицы ювелирных украшений прошли длинный исторический путь становления и эволюции, формировались на протяжении многих столетий и образовали определённую систему. Лексические единицы данной области в разное время формировались путём использования древних слов и словосочетаний таджикского языка, а также заимствований, и представляют большой интерес с точки зрения семантики, структуры и языковой принадлежности, этимологических факторов. Ювелирное искусство – одна из важных составляющих социальной и культурной жизни нашего народа, и лексические единицы этой отрасли играют важную роль в понимании и разъяснении социальных и культурных аспектов таджикского народа.

1.2. История и степень изученности отраслевых лексических единиц в таджикском языкознании

В исторических и научных источниках история формирования и эволюции таджикского языка в том числе процесс его совершенствования, как и других иранских языков, разделены на три исторических периода: а) древний; б) средний; в) новейший, или современный.

Первый исторический период – это период древнеиранских языков (древнеперсидский, авестийский, скифский, мидийский), начавшийся с формирования иранского языка как особой группы, т. е. «с конца второго тысячелетия до нашей эры до IV в. и III вв. до н.э. Было доказано существование уже тогда зачатков общеиранского языка и его говоров, его важнейшие черты наблюдаются в ходе сопоставления в письменных источниках древнеиранских языков» [50, с. 34]. К письменным источникам древнего периода относятся древнеперсидские клинописные таблички и

дошедшая до нас книга «Авесто» – важнейшие источники для изучения языковых особенностей древности. Конец античности совпадает с завоеванием Александра Македонского и образованием постгреческих государств.

Второй период в истории иранских языков начался в IV-III веках до нашей эры и длился до VIII-IX веков, и этот период даёт нам более подробную информацию об эволюции иранских языков. Следует отметить, что количество письменных источников, относящихся к началу второго исторического периода, очень ограничено, и большинство из них относятся к концу второго периода. Письменные трактаты средневековья в основном представлены на среднеперсидском, согдийском и парфянском языках и в меньшей степени на хорезмском и бактрийском языках. Конец средневековья совпал с арабским завоеванием и созданием Арабского халифата.

Третий период – это новая эпоха иранских языков, который датируется VIII-IX веками до наших дней. Новая эра иранских языков известна своим богатым литературным наследием и великими литературными, культурными и историческими шедеврами. За этот период увеличилось количество различных иранских языков и их диалектов (более 40 языков и диалектов). В свою очередь, новый период иранских языков можно разделить на общие и отдельные исторические этапы [56, с.19-20].

Об истории иранских языков, особенно таджикского, а также степени употребления и функционирования отраслевых лексических единиц содержится много интересной информации в трудах исследователей истории таджикского языка. Мы можем перечислить труды ряда исследователей истории иранских языков, в том числе таджикских, таких, как А. Каримов «Лексико-грамматический анализ древнетаджикских текстов» [1979], и «Хрестоматия пехлевийского языка» [1980], Р. Х. Додихудоев, Л. Р. Герценберг «История таджикского языка» [1989], В. С. Расторгуева «Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология» [1990], Д. Саймиддинов «Лексикология среднеперсидского

языка» [2002] и «Древнеперсидский язык» [2007], З. Мухторов «История таджикского языка» [2002], П. Джамшедов и А. Мирбобоев «Иранистика» [2007], А. Мирбобоев «Введение в иранскую филологию» [2015] и некоторые другие, которые в своих трудах напрямую отражают ситуацию лексических и грамматических особенностей древних языков, а также информацию об использовании различных отраслевых лексических единиц в древних текстах, степени их эволюции и изменении. Лингвист Д. Саймиддинов так прокомментировал историю возникновения и эволюции понятия отраслевой лексики и развития иранских языков в средние века на основе изучения материалов среднеперсидского, являющегося прямым прародителем таджикского языка: «Исследование лексики среднеперсидского языка имеет большую значимость и особую ценность как для исторической лексикологии иранских языков, так и анализа лексики восточноиранских языков и диалектов. Кроме того, труды на этом языке, в том числе переводы «Авеста» и трактатов на пехлеви, а также тексты зороастризма, являются важнейшими источниками для изучения текста Авесты и проблем её лексики и отраслевой лексики» [87, с. 5].

Еще один древнеиранский язык античного периода, послуживший основой для формирования нескольких восточно-иранских языков, – это авестийский. Авестийский язык – один из древних иранских языков, благодаря которому до нас дошли богатейшие письменные материалы, а важнейшим источником в анализе и описании исторического ландшафта древних иранских языков является письменное наследие авестийского языка, которое также имеет большое значение в изучении древнеперсидского языка. Сравнивая письменные произведения древнеиранских языков, важно отметить, что, хотя текстов на древнеперсидском языке меньше, их ценность заключается в том, что они были написаны на табличках в период своего зарождения, охватывая материал других языков, и сегодня их изучают учёные. [32; 87; 50 и др.].

В исследованиях ряда других учёных и лингвистов, которые в своих трудах приводят сведения о состоянии истории таджикского литературного языка в новый период, т.е. после IX-X веков, также анализируется состояние научной и отраслевой лексической единицы. Здесь можно назвать работы исследователей истории таджикского литературного языка, которые провели изыскания по той или иной научной и отраслевой лексической единице. Например, М.Н. Касимова «Древнетаджикские лексические единицы» [2007], «История таджикского литературного языка (т.1)» [2010], «История таджикского литературного языка» [2016], С. Халимов «История таджикского литературного языка» (X век) [1979], «История таджикского литературного языка» (XI-XII века) [2002], «Действие (глагол)» [2013], М. Султонов «Становление и развитие персидско-таджикских научных терминов» [2008], А. Юсуфов «Медицинские термины «Хидоят-уль-мутааллимин фи-т-тиб» Ал-Ахмада ал-Ахавайни Бухарои» [2003], С. Сулаймонов «Лингвистические основы топонимики в трудах арабского средневекового писателя Якута-аль-Хаммави (XIII век)» [1978], «Становление арабской и таджикской философской терминологии: на базе философского наследия Ибн Сино» [1997], Ш. Исматуллозода «Лингвистические и функциональные особенности отраслевой терминологии таджикского языка XI-XII вв.» [2013], С. Абодуллоева «Ономастика «Фарснаме» Ибн ал-Балхи» [2009], «Ономастика суфийской поэзии: структурный, семантический и функциональный аспекты (на материале произведений Абулмаджи Санаи, Фаридадидина Аттора и Джалалиддина Балхи)» [2017], Д. Хомидов «Таджикский язык и номенклатура (сборник статей)» [2018] и другие, которые провели исследования в этой области и предоставили в своих трудах историческую информацию о различных терминах и отраслевой лексике в данной сфере.

Изучение отдельных аспектов, связанных с терминологией и отраслевой лексикой таджикского языка, было продолжено и в дальнейшем. Но серьёзное изучение проблемы началось в начале 1960-х годов XX в.

Академик С. У. Умаров в своей статье «Упорядочение терминологии – неотложная задача», имевший характер руководства, рассказал о систематизации терминологии таджикского языка и источниках терминологии в различных областях науки, а также обозначил задачи учёных в этой связи [1960]. В 1960 году при Академии наук Таджикистана был создан Комитет по терминологии, основной задачей которого было составление словарей таджикских терминов и отраслевой лексики для каждой отрасли науки. Для выполнения этих задач Комитет по терминологии разработал основные критерии составления терминов и отраслевой лексики на таджикском языке, которые позже стали доступны в виде отдельной брошюры. В ней показаны два фактора создания и использования терминов и отраслевой лексики в таджикском языке: а) создание терминов и отраслевой лексики из словарного запаса самого таджикского языка; б) использование в случае необходимости, готовых русских и международных терминов и отраслевой лексики.

В 1961 г. вышла совместная статья Б. Ниёзмухаммадова, А. Л. Бухоризода и Я. И. Калонтарова о работе, проделанной в области терминологии и лексических единиц в Таджикистане, которая стала в некоторой степени подведением итогов и охватывает большую часть проделанной к настоящему времени работы [29, с.3]. В статье Я. И. Калонтарова «Проблемы терминологии в Таджикистане», опубликованной в 1970 году, обсуждается изучение ряда важных вопросов терминологии в стране [29, с.17].

Изучение грамматических и лексических особенностей древних научных терминов и отраслевой лексики таджикского языка – относительно новая проблема для современной таджикской лингвистики, которая стала традицией главным образом в период перестройки и обретения независимости бывшим советским Таджикистаном.

По определённым причинам в научно-исследовательской литературе советского периода таджикский язык и терминология, а также отраслевая

лексика не изучались. Основным вопросом, который обсуждался таджикскими учёными в таджикской прессе в советское время, касался терминологии и отраслевой лексики. Известный таджикский учёный С. Назарзода в своей монографии разделил советскую литературу по этому вопросу на четыре группы:

1. Сборник статей, опубликованных в прессе в 20-х - начале 30-х годов прошлого века, и их авторы (С. Айни, Н. Бекташ, М. Расули, О. Исмати, Б. Азизи и др.) о некоторых вопросах литературного языка и современной таджикской научной терминологии.

2. Сборник статей и научных работ по терминологии и отраслевой лексике, созданных после утверждения Установки терминологии таджикского языка в 1936-1952 гг., в большинстве из которых подвергается критике продолжение традиционных методов заимствования и создания терминологии и отраслевой лексики таджикского языка при выборе или создании новых научных и отраслевых лексем.

3. В советское время некоторые таджикские учёные начали изучать различные аспекты терминологии и отраслевой лексики таджикского языка из материалов прессы и сборников. Внимательно изучив данные источники, они попытались выразить свои взгляды по поводу ситуации, сложившейся в данной области. Ими высказаны интересные идеи и мысли. Среди таких учёных можно назвать М. Шукурова, Н. Шарофова, Х. Юсуфова, Ш. Рустамова, А. Турсунова, С. Кодир и Т. Бердиеву.

4. Сборник статей и научных работ, опубликованных в период независимости рядом исследователей персидского, дари, арабского и современного таджикского языков, таких, как С. Сулаймонов, С. Назарзода, С. Саймиддинов, М. Б. Султонов, А. Байзоев, А. Юсупов, Ш. Исматуллозода, П. Нуров, в которых затронут вопрос о методах и способах заимствования Абу Райхоном Беруни, Ибн Сино и другими великими средневековыми персидскими и таджикскими учёными» [63, с.11-12].

Среди других работ, очень актуальных для предмета нашего исследования, два ценных исследования таджикского лингвиста, профессора М. Н. Касымовой, в которых автор классифицирует и группирует многие примеры древнетаджикских терминов в соответствии с их лингвистическими особенностями и областью применения.

Изучению терминологии и отраслевой лексики посвящены диссертации С. Анвари «Военная терминология в Шахнаме»; одно из исследований, близкое к теме нашего исследования, – работа А. Юсуфова и лингвистическое исследование заимствованных терминов одного из трудов Ахавайни Бухари, посвящённое сфере медицины.

В диссертации другого таджикского исследователя П. Нурова «Термин и терминотворчество в таджикском литературном языке» анализируется история становления и эволюции таджикского научного языка, проблемы и задачи, трудности, общие и лексические особенности научно-технической литературы.

1.3. Развитие отраслевых лексических единиц в период независимости

По инициативе сотрудников Комитета по терминологии к началу 1990-х годов было издано много двуязычных терминологических словарей, но большинство из них не соответствовало первоначальным критериям, по созданию списков (словарей) терминов и отраслевой лексики, установленным Комитетом. Составители действовали по второму критерию и усовершенствовали систему терминологии и отраслевой лексики таджикского языка за счет русских и международных заимствований, в то время как лексический запас таджикского языка обладает большим научным потенциалом для замены большинства из них. Кроме того, важная и значимая с научной точки зрения работа была проделана в области терминологии и отраслевой лексики таджикского языка. Здесь следует назвать труды С. У. Усмоновой ««Лексика орнаментации текстиля в таджикском языке» [1971], Н. Абдуллоева «Формирование таджикской астрономической терминологии

космономии» [1979], Х. Мухаммадиевой «Профессиональная и бытовая лексика кулинарного искусства в таджикском языке» [1979], Х. Бурхоновой «Лексика гончарного производства в таджикском языке» [1982], С. Сабзаева «Лингвистическое исследование суфийской терминологии таджикско-персидской прозы XI-XII вв» [1996], М. Бекмуродова «Лексико-семантический и структурный анализ строительной терминологии» (на материале таджикского и английского языков) [2002], С. Халимовой «Профессиональная лексика в произведениях Сайидо Насафи» [2002], Т. Шарипова «Компьютерная лексика таджикского языка (Структурно-семантический анализ)» [2003], М. Б. Султанова «Научная терминология в «Китаб-ат-тафхим» Абурайхона Беруни» [2003], А. Юсупова «Медицинские термины «Хидоят-уль-муталлимин фи-т-тиб» Ахевайни Бухорои» [2004], Т. Вахобова «Социологические аспекты развития таджикского литературного языка (20-30-х гг. XX века) [2006], Т. К. Джураева «Отраслевая техническая терминология современного таджикского языка (в сопоставлении с русским, персидским и дари)» [2010], Т. С. Шокирова «Формирование и развитие юридических терминов таджикского языка» [2011], Х. А. Саидова «Система дипломатических терминов в таджикском и английском языках» [2013], С. Абдулфайзова «Лексико-семантический анализ дипломатических терминов таджикского языка» [2013], Фатимы Асад «Семантические особенности отраслевых терминов в «Наводир-уль-вакое» Ахмада Дониша» [2014], Ш. И. Хаитовой «Лингвистические и функциональные особенности отраслевой терминологии таджикского языка XI-XII веков» [2014], К. Ш. Турахасанова «Формирование таджикской медицинской терминологии (на материале первоисточников медицинского наследия IX-XI вв)» [2022] и другие, завершённые на уровне кандидатских и докторских диссертаций.

Данные исследования отражают научную направленность, и имеют практическое значение, в них представлено обсуждение теории лексических единиц, выделяются особенности и отличительные признаки терминов и

отраслевой лексики по сравнению с нейтральной лексикой языка, положение отраслевой лексики как особого пласта в лексической системе языка и т.п.

За годы независимости были проведены некоторые лексикографические исследования, в которых отраслевые лексические единицы и термины таджикского языка сгруппированы по отдельным областям. Были также опубликованы лексикографические труды Ш. Раджабалиева «Краткий русско-таджикский словарь по неврологии», [1998], П. Нурова «Термин и терминология в таджикском научном языке (с приложением краткого словаря физических терминов)» [2006], Таджикско-русский словарь (под ред. С. Д. Саймиддинова, С. Д. Холматовой и С. Каримова) [2006], Ш. Бобомуродова, З. Мухторова «Краткий словарь лингвистических терминов» [2016], М. М. Комилова «Таджикско-англо-русский словарь философских терминов» [2020], Т.Б. Джумаева «Французско-таджикский словарь» [2022] и др.

Поскольку выбранной нами темой является изучение ювелирной лексической единицы и наименований декоративных украшений IX-X веков в таджикском языке, считаем необходимым высказать своё мнение относительно работ, касающихся предмета нашего исследования.

В работе профессора Х. Маджидова «Современный таджикский литературный язык. Лексикология» об отраслевой лексике и о сфере ювелирного искусства, в частности, говорится следующее: «И сегодня исконные ремёсла наших дедов всё ещё действуют, и многие мастерские занимаются своими древними ремёслами. Среди нашего народа всё ещё процветают древние профессии кузнеца, ювелира, вышивания, гончарного дела и десятки других. Естественно, слов, выражающих понятия профессий и ремёсел, очень много, и они собраны далеко не полностью [44, с.154].

Лингвист Г. Набиева, анализируя диван поэта Мавлоно Низомиддина Махмуда Кори Язди, известного под псевдонимом Низами Альбиса, в части стихотворений уделила особое внимание его лексике, с помощью которой описывается одежда. Исследователь в своей статье отмечает, что «Альбиса

описал одежду как главных героев своих стихов» [61, с.76]. Она объясняет и интерпретирует здесь словарь и материалы дивана Альбиса, связанные с названиями одежды. Исследователь говорит о важности дивана Альбисы и подчёркивает, что именно благодаря поэзии Низами многие названия одежды дошли до нашего времени [60, с.31]. Исследователь Г. Набиева в другой своей статье, посвящённой истории ткачества и шитья, отмечает, что «искусство ткачества существовало в Бактрии во II веке до нашей эры» [60, с.30]. В другом эпизоде, она, перечислив разнообразные сорта тканей, ставшие «экстралингвистическими источниками развития лексики одежды, на основе дивана Альбиса комментирует и объясняет многие слова, относящиеся к этой области [60, с.30].

Лингвисты Н. Шаропов и Т. К. Джураев в своей работе «Лексика ремёсел – источник таджикской технической терминологии», проанализировав данную лексику, исследовали слова, относящиеся к ювелирному искусству [114, с.52-53]. Изучив и проанализировав способы словообразования лексики сферы ткачества и орнамента, особенно лексические единицы вышивки, они отметили два очень важных аспекта. Прежде всего, изучение слов в этой области, как и других единиц лексики других ремёсел, позволяет нам узнать об истории зарождения и развития древнего таджикского искусства – вышивки, и о связи этого народного искусства с другими видами искусства народов Средней Азии, а также народов зарубежного Востока, прежде всего, Ирана, Афганистана и арабских стран. Во-вторых, важен лингвистический анализ лексики вышивки, включая полисемичность, процессы её словообразования, а также определение различных диалектных различий этих элементов (на примере узоров, сюжетов вышивки, способов техники вышивания и так далее).

Изучение и анализ ювелирных лексических единиц также основывается на диалектах и говорах таджикского языка. В данном направлении выполнены три диссертационных исследования. Автором первой работы «Лексика ювелирного и медницкого мастерства в таджикском языке (по материалам лексики худжанских и уратюбинских мастеров» является Б. Розиков [2000], второй – «Лексика,

обозначающая понятие «одежда» в таджикском языке (на основе материалов говора Худжанда и его окрестностей» М. Халимова [2002] и третьей – «Этнолингвистическая характеристика лексики женских украшений в таджикском языке (на основе разговорного материала)» М. У. Бобомуродова [2014]. В них говорится о месте понятий из области ювелирного ремесла, чеканки, шитья одежды и изготовления украшений в северном диалекте, что очень важно для изучения лексики, относящейся к этой области.

Таким образом, из изложенного выше следует, что в области лексических единиц отраслевой лексики на таджикском языке был выполнен ряд работ, но изучение и анализ научной литературы показывает, что многие аспекты этого вопроса с точки зрения лингвистики не рассматривались. Одним из таких аспектов являются лексические единицы сферы ювелирного искусства и наименования декоративных украшений IX-X веков. Учитывая важность этой темы, считаем необходимым изучить и проанализировать отраслевую лексику ювелирной сферы и наименования декоративных украшений с точки зрения их семантики и структуры.

Выводы

В данной главе, состоящей из трех разделов, даётся определение отраслевой лексики с точки зрения лингвистов. Также мы рассмотрели историю и степень изученности отраслевой лексики в таджикском языкознании и её развитие в период независимости. Анализ определений лексических единиц позволил выделить ее общие и частные характеристики. Среди общих свойств подчеркнуты ее однозначность (в пределах одной лексемы), точность, дефинитивность, системность, мотивированность. Частными свойствами выступают прагматичность семантики, общеструктурная детерминированность, диффузность. Употребление лексических единиц в тексте в том или ином значении не всегда соответствует их строго закрепленной дефиниции в лексикографической литературе. Причина тому – базовая оппозиция, противопоставляющая готовые языковые образцы их речевым вариантам. Речевая деятельность склонна к изменчивости терминологического знака, выражающейся, с точки зрения содержания, в появлении смысловых

дополнений, обусловленных определенным контекстом, терминопотреблением отдельного ученого, определенным этапом научного знания, классификационными перегруппировками, со стороны формы – нахождением минимально протяженной терминологической конструкции, выражающей то же значение, что и полный вариант.

Терминология и интерпретация ее лексического и номенклатурного значения показывают, что в трудах лингвистов и учёных есть много интересных сведений об этом слове. Эти работы являются свидетельством того, что термины и отраслевая лексика в последние годы стали предметом дискуссий в отдельных областях лингвистики и находятся в постоянном развитии. Изучение терминологии и отраслевой лексики в лингвистике – одна из важнейших проблем, с древних времен привлекавшая внимание исследователей и учёных. Следовательно, по мнению учёных, термины или отраслевая терминология и отдельного языка и языков в целом, независимо от их принадлежности к определенной области человеческой деятельности, в большинстве своём имеют древнюю историю и содержат множество исторических свидетельств. Изучение и результаты, полученные в ходе исследования, связанные с обсуждаемыми проблемами в области терминологии, лексикографии, лексикологии, словообразования, заимствований, этимологии и т. д., имеют большое научное и практическое значение.

В советское время в прессе и в различных сборниках нашло отражение изучение различных аспектов терминологии и отраслевой лексики таджикского языка таджикскими учёными, которые проявляли осторожность в выражении своих мнений, и с целью урегулирования ситуации, сложившейся в этой сфере, высказывали интересные идеи и мысли. Среди таких учёных можно отметить М. Шукурова, Н. Шарофова, Х. Юсуфова, Ш. Рустамова, А. Турсунова, С. Кодири и Т. Бердиеву. Сборник статей и научных работ, опубликованных в период независимости рядом учёных и знатоков персидского, дари, арабского и современного таджикского языков, таких, как С. Сулаймонов, С. Назарзода, С. Саймиддинов, Мирзо Хасан Султонов, А. Байзоев, А. Юсупов, Ш. Хаитова, были посвящены изучению методов заимствования терминов и отраслевых лексических

единиц и способов их создания Абу Райханом Беруни, Ибн Сино и другими великими средневековыми персидскими и таджикскими учёными» [63, с. 11-12].

Следует отметить, что в области терминологии и отраслевой лексики на таджикском языке был выполнен ряд небольших и крупных работ, но изучение научной литературы показывает, что многие аспекты этого вопроса с точки зрения лингвистики не рассматривались. Одним из таких разделов является отраслевая лексика ювелирного искусства IX-X веков. Учитывая важность этой темы, мы хотели бы изучить и проанализировать отраслевую лексику ювелирной сферы и наименования декоративных украшений с точки зрения их семантики и структуры

ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЮВЕЛИРНОЙ ЛЕКСИКИ И НАИМЕНОВАНИЙ ДЕКОРАТИВНЫХ УКРАШЕНИЙ

Тематический анализ. В культурно-исторических трудах исследователи отмечают, что с того дня, как человек познал себя и вошёл в мир первобытной цивилизации, он смотрел на себя и окружающую среду удивляясь красоте природы, которые помогли ему выйти из пещер и войти в мир, чтобы соорудить хижины и шалаши, не ходить наги, а приобрести для себя одежду. «Позже появились дворцы и замки, и в то же время представление о человеческой красоте и убранстве постепенно углублялось и совершенствовалось. Для этого человек регулярно использовал природные ресурсы» [176, с.34]. По мнению академика Б. Гафурова, ещё в каменном веке жители Средней Азии занимались изготовлением инструментов для росписи украшений и декоративных предметов [20, с.23].

Культура как высшее достижение человечества как результат его деятельности, труда, традиций и обычаев, определяет статус и достоинство каждой нации и представляет значимость государства в мировом сообществе. В этом смысле уважаемый Президент нашей страны Эмомали Рахмон считает культуру сутью нации и постоянно подчёркивает уважение к ней, насчитывающей более чем пятитысячелетнюю историю, указывая на необходимость изучения обычаев и традиций, наследия предков, национальных традиций и духовного развития общества [82, с.64].

Богатая культура таджиков, восходящая к зороастрийской традиции, «добрые слова, добрые мысли, доброе поведение» являются определяющими в мире науки и литературы, в образе жизни и одежде, в создании разноцветных тканей, изделий для украшения, отражают место и статус, а также определяют вклад нашего народа в развитие человеческой цивилизации.

Независимый Таджикистан с его богатой всемирной историей и культурой предпринимает решительные шаги по изучению и

совершенствованию достижений современной культуры в построении светского государства, в соответствии с законом.

В период независимости таджикский язык приобрёл статус государственного, сформировался на основе исторических и литературных норм и постепенно стал языком общения между представителями разных национальностей, проживающих в стране. Поэтому государственная независимость рассматривается как реальный фактор возрождения нашего языка. «Первостепенная задача всех нас – укреплять независимость нашего государства, воспитывать подрастающее поколение в духе патриотизма и национальной гордости, преданности историческим и культурным традициям нации и уважения общечеловеческих ценностей. ...Культура – это зеркало, в котором отражаются все стороны жизни. И эта точная и беспристрастная шкала отражает политический, экономический, социальный и интеллектуальный уровень общества в разные периоды истории и определяет вклад каждого народа и нации в развитие человеческой цивилизации. Культура является духовной связью между поколениями, укрепляет историческую память нации, ведёт её детей к здоровым и образцовым ценностям человеческого общества» [82, с.52].

Естественно, что неуклонное развитие культуры украшений и обработки ювелирных изделий в различных сферах человеческой деятельности сыграло свою роль в совершенствовании словарного запаса языка. Следовательно, в лексической структуре таджикского языка с течением времени появляется ряд слов и терминов в области украшений и эстетики, которые являются названиями ювелирных изделий, что внесло значительный вклад в лексику других отраслей.

Для всестороннего изучения таджикского национального языка и закономерностей его развития большое значение имеет привлечение богатого лексического материала, в том числе ювелирной лексики и наименований декоративных украшений. Ювелирная отраслевая лексика – очень широкое понятие, она связана с бытом, обычаями, культурой и родом занятий народа,

но, к сожалению, в таджикском языкознании данная область еще недостаточно изучена. Несмотря на то, что отраслевые слова ювелирной лексики и наименования декоративных украшений отражают прошлую и настоящую культуру людей, они лишь недавно привлекли внимание лингвистов.

2.1. Ювелирная лексика, обозначающая драгоценные декоративные камни

Таджикистан – это рай на земле, хотя его территорию более чем на 93 процента составляют горы. В нашем горном крае есть все виды декоративных драгоценных камней, что позволило нашим великим писателям упомянуть о них в своих произведениях с помощью символов и художественных средств. Также большое количество наименований этих драгоценных камней широко используется в исторических, научных, литературных, культурных источниках и толковых двуязычных, трехязычных переводческих словарях, изданных на таджикском языке. Чтобы подкрепить свою мысль, приведём несколько примеров из стихотворений IX-X веков, таких, как «Диван» Абуабдулло Рудаки, стихи современников Рудаки, «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси и другие. Например, слова, которые встречаются в сохранившихся до наших дней произведениях Рудаки, «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси и других литературных источниках этого периода: *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг), *гуҳар* (*guhār* – перламутр), *ҷавҳар* (*javhar* – драгоценный камень), *ёқут* (*yāqut* – яхонт), *забарҷад* (*zabarjad* – хризолит), *лаъл* (*la'l* – рубин, лал), *фирӯза* (*firūza* – бирюза), *лочувард* (*lājuvard* – лазурит) и другие, – использованы как для выражения декоративного значения, так и в переносном значении.

Слово *гуҳар* (*guhār* – жемчужина, перламутр) является одним из таких слов и объясняется в «Словаре таджикского языка» и других словарях следующим образом: «*Гуҳар* – *guhār*, жемчужина, драгоценный камень [153, с.248]. Слово *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг) – то же самое, что и *гуҳар* (*guhār* –

жемчуг), и объясняется в «Ғиёс-ул-луғот» следующим образом: «*Гавҳар* (*gavhar* – *жемчужина*) – это род предмета и основа всего; и *ҷавҳар* (*javhar* – *драгоценный камень*) – его арабизированная форма; а в «Бурхони котеъ» *гавҳар* (*gavhar* – *жемчуг*) означает жемчужину; и в широком смысле драгоценности, такие, как: *рубины, яхонты, изумруды, бриллианты* и прочее; и в смысле происхождения, расы и рода; и в смысле ребёнка; и в смысле скрытых атрибутов, интеллекта и культуры» [142, с. 200].

Ниже приведен пример восприятия жемчуга как символа райской красоты:

Ба дебову *гавҳар* биёроста,
Ба сони биҳиште пур аз хоста (204, с.260).
В платье нежном, украшенном *жемчугами*,
Подобна раю, с желанными благами.

В следующих строках поэт утверждает, что мудрость ценнее жемчуга:

Он кас, ки мар хирадро *гавҳар* ниҳад ҳаме,
Ман пеши ӯ гушод нахоҳам забон (201, с.144).
Кто мудреца осыпает золотом и *жемчугами*,
Его великодушие не выразить словами.

В нижеприведённых строках украшение и красота платья уподобляют возлюбленную самому прекрасному времени года – весне:

Або ёраву тавқу бо гӯшвор,
Зи *дебову гавҳар* чу боғи баҳор (204, с.280).
В браслете, в колье и золотых серьгах,
Одеждах в *жемчугах* она подобна весеннему цветнику.

Здесь украшение и красота платья подобны драгоценному камню. Следует отметить, что в литературных произведениях IX-X веков лексическая единица *гавҳар* (*gavhar* – *жемчуг*) часто используется в сочетании со словом «*дебо*» (*debä* – *газ* – *тонкая шелковая ткань*). Эти слова, образуя пару «*дебо*» и «*гухар*», создают пленительный образ возлюбленной.

Туро бо хунар *гавҳар* асту хирад
Равонат ҳаме аз ту ромиш барад (206, с.182).
Мудрость и богатство – плоды твоего мастерства,
Твоя душа творца не знает ни покоя, ни сна.

В этом отрывке поэт говорит о связи искусства с поколениями и о роли человека – творца в создании прекрасного. Это историческое выражение до сих пор используется в народе в форме «ремесло – золото, а ремесленник – ювелир». Эти слова по структуре – простые, а существительные имеют таджикское происхождение.

Описано украшение короны жемчугом:

Яке *точи пургавҳари* шоҳвор,
Яке тавки заррин забарчаднигор (204, с.255).
Кому-то царский в *жемчугах венец* носить дано,
Кому-то златое с хризолитами ярмо.

Выражена значимость велирных украшений:

Ба чанг омадаш чанд гуна *гуҳар*,
Чу ёкуту бечодаву симу зар (204, с.62).
В руках его всех видов *жемчуга*,
В бесполезности своей как пыль и мгла.

В приведенном выше примере почти все лексические единицы и наименования декоративных украшений, связанные с ювелирными изделиями, используются для обозначения и передачи глубокого смысла. Это означает, что поэты постоянно использовали эту отраслевую лексику в своих литературных произведениях для выражения высших идей и придания выразительности языку.

Слово *гуҳар* (*guhār – перламутр*) // *гавҳар* (*gavhar – жемчуг*) в литературных произведениях писателей IX-X веков, в том числе в шедевре Абулқасима Фирдавси «Шахнаме», также имеет переносное значение:

– слово *гавхар* (*gavhar* – жемчуг) можно встретить в литературном наследии этого периода в значении расы, поколения, когда говорится о том, что ушло в прошлое «жемчужное» поколение:

Равон андар *ӯ гавҳари* дилфирӯз
К-аз *ӯ* равшаной гирифтаст рӯз (204, с.29).
Его одухотворенность – жемчуг, озаряющий сердца,
От которого исходит яркий свет солнечного дня.

В значении высокого художественного мастерства:

Гухар гарчи боло, на беш аз хунар,
Зи баҳри хунар шуд гиромӣ хунар (201, с.151).
Хоть жемчуг не дороже мастерства,
Талант стал дорогим в угоду мастерству.

В этом стихе поэт определяет ремесло выше жемчуга и наставляет всегда уважать ремесленника и обучаться ремёслам.

В значении богатства:

Беандоза зарру *гуҳар* доштам,
Ба сар-бар яке тоҷи зар доштам (205, с.344).
Несметным числом злата и жемчугов я владел,
Но лишь одну корону золотую на голову надел.

В значении великого знатного рода:

Пашанг он ки пури бародар-ш буд,
Нажод аз гаронмоя *гавҳар-ш* буд (204, с.176).
Поскольку Пашанг был сыном брата его,
Род был самым дорогим жемчугом для него.

В значении другого рода, племени:

Шумо гарчи аз *гавҳари* дигаред,
Ҳамон тоҷу аврангро дархваред (204, с.339).
Пусть вы и из других жемчугов,
Однако жаждете тех же тронов и венцов.

Саранчом ҳарду ба хок-андараст,
Ки ҳар *гавҳаре* кушта з-ин гавҳараст (204, с.339).
В итоге оба будут преданы земле,
Ведь каждый род убиен рукой этого племени.

В значении темперамента, поведения, характера:

Ки тундӣ маро *гавҳар* асту сиришт,
Чунон руст бояд, ки Яздон бикишт (205, с.266).
Горячень моя – мой *жемчуг*, основы моей крестец,
Произрастать надобно таким, каким создал тебя Творец.

В литературном наследии IX-X веков можно встретить ещё одну лексему связанную с ювелирным искусством – *ёқут* (*yäqut* – *яхонт*), в частности, в «Шахнаме». Автор работы «Некоторые лексические особенности «Шахнаме»» М. Мухаммадиев пишет: «Яхонт широко используется как средство украшения, освещения и убранства» [58, с.45]:

ёқути зард (*yäqut-i zard* – *жёлтый яхонт*):

Ба пеши падар шуд чу хуршеди Шарк,
Ба *ёқути зард* – андарун гашта ғарқ (204, с.308).
Предстало пред отцом солнце Востока,
Утопая в сиянии *яхонта цвета золота*.

Здесь *ёқути зард* (*yäqut-i zard* – *жёлтый яхонт*) – символ солнца, то есть свет Востока, освещающий Вселенную. Выражение «жёлтый яхонт» относится к разряду образных выражений, создателями которых являются поэты, и в литературных источниках трактуется как изафетное образное выражение.

То же самое: *сурхёқуту зар* (*surkhyäqutu zar* – *красный яхонт и золото*):

Ҳама пайкараш *сурхёқуту зар*,
Ҳама зар шуда нопадид аз гуҳар (204, с.296).
Всё тело его цвета *яхонта и золотого блеска*,
Всё золото поблекло пред сиянием жемчуга.

Убранство женских волос из рубинов:

Ба мушку ба анбар сараш бофта,
Ба ёқуту гавхар танаш тофта (204, с.272).
Амброй и мускусом сплетены пряди волос,
Яхонтами и жемчугами увешаны тело и торс.

Ёқути сурх (*yāqut-i surkh* – *красный яхонт*) является синонимом слова *лаъл* (*la'l* – *рубин*), что означает *красный, яркий* [57, с.46]:

Ҳамоил яке дашна андар бараш,
Зи ёқути сурх афсаре бар сараш (204, с.281).
Сбоку острый секущий меч,
Голову украшает из *красного яхонта* венец.

Слово *ёқут* (*yāqut* – *яхонт*) также используется как метафора и уподобление, например, в значении «чаша из рубина»:

Нишастанд фарзонагон шодком,
Гирифтанд ҳар яке зи ёқут чом (204, с.124).
Сидят в кругу избранные мудрецы,
С кубками вина из *яхонта* они.

Слово *ёқут* (*yāqut* – *яхонт*) также имеет переносное значение. В следующем стихе это означает *сияющий, яркий, светлый*:

Чу зад бар сари кӯху бар теғ шед,
Чу ёқут шуд рӯи гетӣ сафед (204, с.175).
Лишь вонзило солнце меч в вершины гор,
Подобно *яхонту* осветился небес простор.

Слово *ёқут* (*yāqut* – *яхонт*) с суффиксом *-фом* (*-fām*) описывает душевное состояние – радость, счастье:

Биёмад аз он чойгаҳ шод ком,
Рух аз хуррамай гашта ёқутом (204, с.341).
Ликующим с тех мест возвратился,
Лик его от радости цветом *яхонта* светился.

В «Шахнаме» употреблено много глаголов, словосочетаний и глагольных конструкций, которые поэт использует для изображения солнца,

его восхода [100, с. 81]. Следующий стих описывает восход солнца, используя сочетание *ёқути зард* (*yäqut-i zard* – жёлтый яхонт):

Дигар рӯз чун гунбади лочвард,
Бароварду бинмуд *ёқути зард* (204, с.72).
В день другой, небесную лазурь,
Осветил *золотой яхонтовый* блик.

В приведённом выше примере выражение «*гунбади лочвард*» (*gunbad-i läjvard* – *лазурный небосвод*) является аллегорией неба, а выражение *ёқути зард* (*yäqut-i zard* – *жёлтый яхонт*) – аллегория солнца.

Ту гуфтӣ, ки бар *гунбади лочвард*
Бигустард хуршед *ёқути зард* (204, с.84).
Чудилось так, что будто *лазурный небосвод*
В солнечных лучах вел *золотых яхонтов* хоровод.

Употребляется в значении средства обмена; то есть вместо жемчуга, кораллов, денег и монет используются яхонты:

Ки ҳар рӯз *ёқут* бор оварад,
Хирад бори он дар канор оварад (204, с.266).
Ведь каждый день *яхонт* плодит,
А разум эти плоды собирает и чтит.

В своём стихотворении поэт Мунчики Тирмизи (современник Рудаки) использует слово *ёқутчодар* (*yäqutčädar* – *яхонтовый шатёр*) в переносном смысле, чтобы описать небо в форме синего полога:

...Ту гуй ҳар кучо хури биҳишт аст,
Ба дасти ҳар як аз *ёқут* чодар.
Забони абр бар гулҳои сахро
Забони хоҷа гашт аз бори гавҳар (201, с.423).
... Кажется тебе, что повсюду райские гурии кружат,
Что с *чадрой из яхонта* в руках, в небесах парят
Языки облаков на цветы степей и лугов
Щедро проливаются дождем из жемчугов.

Таким образом, лексема «ёқут» (*yäqut* – *яхонт*) в литературных произведениях IX-X веков употреблялась как в прямом, так и в переносном значении, делая содержание литературных произведений этого периода ещё более красочным и увлекательным. Переносное значение этих слов отражено в том факте, что большинство поэтов данного периода использовали его как описательное средство, чтобы выразить красоту украшения и неповторимость своего лирического героя.

Слово *лочвард* (*läjvard* – *лазурит*) также является одним из выражений лексических единиц ювелирного искусства, в словарях приводится несколько его значений. В частности, в словаре «Ғиёс-ул-луғот» [137, с.10] оно представлено в значении зелёного, желтоватого и изумрудного драгоценного камня. В нижеприведённом бейте оно использовано в своем исконном значении:

Биёрстандаш ба дебои зард,
Ба ёқуту пирӯзаву *лочвард* (205, с.347).
Нарядили его одеждою золотыми,
Усеянными яхонтами, бирюзой и *лазуритами*.

Хотя слово *лочвард* (*läjvard* – *лазурит*) используется в значении украшения, то есть в прямом своём значении, однако не означает радость, потому что цвет этого камня темный, этот цвет символизирует печаль, например, его используют для украшения гробниц:

Ба оини шоҳон яке дахма кард,
Чи аз зарри сурху чи аз *ложвард* (204, с.224).
По царскому обычаю в корону облачился
Из красного золота с блеском *лазурита*.

В приведенных выше примерах слово, относящееся к ювелирной лексике, *лочвард* (*läjvard* – *лазурит*), употреблено в форме *ложвард* (*läjvard* – *лазурит*), что свидетельствует о том, что оно первоначально использовалось именно в этой версии.

Ряд слов в собранном нами материале употреблялся в переносном значении. Стилистический приём – название части вместо названия целого, частного вместо общего и, наоборот, являющийся одним из самых ярких выразительных средств литературного языка, называется *синекдохой* [152, с.90].

В значении разрушения, опустошения, мрачности:

Ҳама рӯи гетӣ шаби *лочвард*,
Аз он шамъ гаштӣ чу ёкути зард (204, с.40).
Весь мир как будто стал ночью *лазуритом*,
А ночь от той свечи желтым яхонтом светилась.

Из приведённых выше примеров очевидно, что в литературных произведениях IX-X веков эти слова употребляются для выражения нескольких значений в качестве аллегорий или уподоблений, поэтому писатели также использовали их с целью придания красочности. Более того, в данных литературных источниках эти слова употребляются в двух формах – *ложвард* (*lājvard* – *лазурит*) – (древняя форма) и *лочвард* (*lājvard* – *лазурит*).

Еще одна лексема ювелирного искусства – слово *лаъл* (*la'l* – *рубин*), что означает «красный драгоценный камень» [151, с. 508]. Сведения об этой лексеме встречаются и в других древних словарях. К примеру, в словаре «Ғиёс-ул-луғот» приводятся следующие сведения: *лаъл* (*la'l* – *рубин*) – арабизированное *лол* (*lāl* – *рубин*), в значении чего-либо красного; в значении драгоценного камня красного цвета, в частности (в арабизированном своде правил в какой-либо области ремесленного производства) и в «Чароғи хидоят» написано, что *лаъл* (*la'l* – *рубин*) – это арабизированное «*лол*» (*lāl* – *рубин*), которое является общим для хинди и персидского языка, или является заимствованием персов, владевших арабским; а в «Баҳори Аҷам» сказано, что *лаъл* (*la'l* – *рубин*) – это красные драгоценные камни; и на самом деле слово писалось с буквы *алиф*, которое персы – носители арабского – пишут с *айн*; Мир Садруддин Мухаммад говорил в «Ҷавоҳирнома» (Книга

ювелирных украшений), что «залежи рубинов находятся в Бадахшане, это большое достояние, поскольку их местоположение тщательно скрывалось до времён раннего Аббасидского халифата, когда сильное землетрясение потрясло Хатлон, и гора Сакнон треснула, где обнаружили залежи рубинов. Они снискали себе славу; эти рубины разнообразны: они бывают гранатового, желтовато-шафранового, финикового, пурпурного, алого цвета, и распространены разные его виды» [138, с.211].

В материале литературных произведений писателей IX-X веков, в том числе в сохранившихся стихотворениях Рудаки, даны следующие значения: -лаъл (la'l – рубин) как разновидность розового, красного, малинового цвета рубина:

Пешам омад бомдодон он нигорин аз кадӯх,
Бо ду рух аз бода *лаълу* бо ду чашм аз сеҳршӯх.
Чанд аз-ӯ сурх чун ақиқ ямонӣ,
Чанд аз-ӯ *лаъл* чун нигини Бадахшон (203, с.138).
Из бани ранним утром та красавица пришла,
Щеки от вина – рубины, игривы озорством глаза.
Многие из-за неё краснеют как йеменский рубин,
Многие как Бадахшанский рубин.

В следующем бейте Рудаки использует слово *лаъл* (la'l – рубин) в значении «губы»:

Рӯят – дарёи хусну *лаълат* – марҷон,
Зулфат анбар, садаф – даҳан, дурр – дандон (200, с.89).
Лицо твоё – море красоты, губы, как *рубин*,
Локоны – амбра, ракушка – рот, жемчуга – зубы.

В другом стихе Рудаки тоже сравнивает алые губы с рубином:

Ба яке чон натавон кард суол,
К-аз *лаби лаъли* ту як бўс ба чанд (203, с.138).
Имея жизнь одну, спросить тебя невозможно,
Что в *губы рубиновые* твои один раз поцеловать можно?

В другом эпизоде Рудаки сравнивает красное вино с рубином:

Лаъли майро зи дурчи хум даркаш,
Дар кадунима кун, ба пеши ман ор (203, с.138).
Осадок *рубинового вина* со дна кувшина в себя всплесни,
Разлей в две половинки тыквы и мне поднеси.

Во всемирно известной поэме «Шахнаме» Фирдавси эти ювелирные лексемы чаще используются в переносном значении:

Красный:

Ба хун гар шавад *лаъл* мӯйи сапед,
Шаванд ин далерони мо ноумед (204, с.417).
Коль от крови эти седины в *рубин* превратятся,
Наши отважные богатыри надежды лишатся.

Бикуштанду чанд зи кирдоварон,
Ки шуд *лаъл* хок карон аз карон (204, с.186).
Убили так много противников своих,
Что земля превратилась в *рубиновый* родник.

В этом примере *лаъл* (*la'l* – *рубины*) используется для выражения красивых красных губ.

Се чиз бандаи *лаълу* чамоли ў шудаанд:
Яке бихишту дувум Кавсару сеюм Хуро (201, с.370).
Три вещи стали рабами её красоты и *рубиновых* уст:
Рай, Кавсар (райский источник) и Солнце.

В этом отрывке поэт воспеваёт красоту возлюбленной и использует для её описания фразу *дурру лаъл* (*durru la'l* – *жемчуга и рубины*).

Чи *дурр* аст он ба зери *лаълу* шаккар,
Чи моҳ аст он ба зери меғи анбар (201, с.423).
Что за *жемчуг* под *рубином* медовых губ скрывается,
Что за луна в благоухании твоих локонов отражается.

Таким образом, лексема ювелирного искусства – *лаъл* (*la'l* – *рубин*) – используется в произведениях поэтов IX-X веков чаще в переносном значении, что делает стихи поэтов этого периода очень выразительными. Переносное значение этих слов отражено в том факте, что большинство поэтов использовали их как описательное средство для выражения цвета губ, вина и красоты.

Слово *бечода* (*bijäda* – *гранат*) также относится к разряду лексем ювелирного искусства, и в «Фарҳанги забони тоҷикӣ» («Словаре таджикского языка») его толкование дано как выражение понятия красного и жёлтого камня, обладающего свойствами янтаря [151, с. 182]. В литературных произведениях поэтов IX-X веков, в том числе в «Шахнаме» Абулқасима Фирдавси, оно используется как в прямом, т.е. описано, из чего сделаны шахская корона и необходимые предметы, так и в переносном смысле:

Севум ҳафта чун корҳо гашт рост,
Маю чому ёкуту *бечода* хост (205, с.129).
Как только на третьей неделе дела вверх пошли,
Просил вина, кубок, рубины и *гранат* принести.

В приведённом примере слово *бечода* (*bijäda* – *гранат*) используется для выражения значения вина.

Зи *бечода* тоцеву тавқе зи зар,
Ба зар-андарун чанд гуна гуҳар (206, с.280).
Из *граната* корона, из злата ожерелье,
А в золоте горят драгоценные каменья.

В приведенном выше примере слово *бечода* (*bijäda* – *гранат*) используется для описания материала, из которого сделана шахская корона.

Таким образом, лексема ювелирного искусства «*бечода*» (*bijäda* – *гранат*) менее распространена в произведениях поэтов IX-X веков, в частности в «Шахнаме» Фирдавси, и используется как в прямом, так и в переносном смысле.

Слово *фирӯза* (*firuzā* – бирюза) также принадлежит к группе слов, используемых в описании ювелирных украшений, и является названием декоративного драгоценного камня, синего или небесно-голубого цвета. В литературных произведениях поэтов IX-X веков эти слова употребляются в исконном значении.

В приведённом ниже примере халат царя украшен бирюзой и рубином.

Яке чомаи шахриёрӣ ба зар,
Зи ёкуту *пирӯза* тоҷу камар (205, с.35).

Один поднес царский, золотом расшитый халат,
В яхонтах и *бирюзе* корону и кушак.

Камень бирюзы использован в украшении короны:

Се дигар фиристодани тахти оч,
Бад-ин зиндапилону *пирӯза* тоҷ (204, с.187).

Трое других прислали из слоновой кости трон

Заслуженным богатырям, прославившим *бирюзовый* трон.

Описывается украшение чаши бирюзовым камнем:

Ҳама зарру *пирӯза* буд чомашон,
Ба равшан гулоб – андар ошомашон (204, с.277).

Из золота и *бирюзы* были все кубки их,

В вине чистейшем отражались улыбки их.

В литературных произведениях писателей IX-X веков, в том числе в сохранившихся стихотворениях Рудаки и его современников, «Шахнаме» Абулқасима Фирдавси, некоторые слова выражают два понятия, оба из которых указывают на исконное значение. В «Современном таджикском литературном языке» написано: «Два объекта или явления, которые так или иначе обозначены одним словом, называются метафорами; предмет или явление, похожее по структуре, цвету, форме и т. д. [154, с.15].

В «Словаре таджикского языка» слово *алмос* (*almās* – алмаз) трактуется следующим образом: «Алмаз – драгоценный, прозрачный, твёрдый и декоративный минерал» [151, с.65]. Слово *алмос* (*almās* – алмаз) часто

используется в «Шахнаме» для обозначения острого инструмента, например, клинка:

Ту гуфтӣ, ки *алмос* марчон фишонд,
Чӣ марчон, ки дар кин ҳаме чон фишонд (204, с.420).
Тебе показалось, что кораллы осыпал *алмаз*,
Не кораллы то были – гневный крик души в тот час.

В целом, поэты IX-X веков достаточно активно привлекали названия драгоценных камней, которые, как правило, использовались в переносном значении. Наименования драгоценных камней занимают важное место в истории таджикского литературного языка, что отражено в литературных произведениях IX-X веков, таких, как «Диван» Абуабдулло Рудаки, поэзия современников Рудаки, «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси и других, они широко использовались как в прямом, так и в переносном смысле. Как выяснилось, среди наиболее часто встречающихся названий декоративных драгоценных камней выделяются: *гуҳар* (*guhār* – жемчуг), *ёқут* (*yāqut* – яхонт), *забарҷад* (*zabarjad* – хризолит), *лаъл* (*la'l* – лал, рубин), *фирӯза* (*firūza* – бирюза), *лочувард* (*lājuvard* – лазурит) и другие. Они используются в литературных произведениях IX-X веков как для изображения самих украшений, так и для описания красоты ландшафта, возлюбленной, красочности окружающего мира.

Итак, в первом разделе второй главы под названием «Ювелирная лексика, обозначающая драгоценные декоративные камни» в качестве примера ювелирной лексики и наименований декоративных украшений IX-X веков мы привели около 60 бейтов из «Шахнаме» Фирдавси и отдельные стихотворения Рудаки, его современников и проанализировали их по лексическому содержанию.

2.2. Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений, относящиеся к военному снаряжению

Лексическая структура языка любого произведения состоит из разных лексических пластов. Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений, передающие оформление и украшенность военной амуниции, также являются одним из широко употребляемых лексических пластов литературных произведений IX-X веков. Эти понятия присутствуют в «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси. По мнению исследователя И. Ализода, «Шахнаме» – один из величайших литературных шедевров и военных эпосов персидско-таджикского языка, мировую известность которого не нужно описывать» [133, с.34]. другой исследователь – С. Анвари пишет: «Сюжет «Шахнаме» от начала до конца включает в себя слова мира, войны, раздора, битв и сражений и в то же время отражает ход войны, меры, принимаемые витязями для устранения врага» [7, с. 5].

Следует отметить, что в серии словарей языка литературных произведений IX-X веков, в том числе «Шахнаме», большое место занимают слова с военным значением, а их статус связан с творческим замыслом поэта, содержанием, идеями и стилем произведения. В истории нашей литературы нет такого эпоса, как «Шахнаме», который бы так исчерпывающе отражал военное искусство арийского народа. Именно из этого шедевра и других литературных произведений того периода мы можем почерпнуть сведения по вопросам развития боевых искусств, способов использования военного снаряжения и так далее. Следовательно, среди словарей военного искусства можно обнаружить слова, обозначающие названия оружия, которые до сих пор используются в современном таджикском литературном языке как широкоупотребительные, а также часть слов с их различными синонимами. Ювелирная лексика, относящаяся к военному снаряжению, может быть сгруппирована в зависимости от характеристики предметов снаряжения: а) слова, обозначающие вооружение, и б) лексические единицы, обозначающие средства защиты воинов.

а) Слова, обозначающие вооружение. К вооружению и боевому оружию можно отнести следующие наименования оружия IX-X веков: *найза* (*naiza* –

копье), *тег* (*teğ* – клинок), *шамшер* (*šamšer* – меч), *гурз* (*gurz* – молот, палица, булава), *чавшан* (*javšan* – кольчуга), *хūd* (*khud* – шлем), *сипар* (*sipar* – щит), *корд* (*kārd* – нож), *ханчар* (*khanjar* – кинжал), *тир* (*tir* – стрела), *пайкон* (*paikān* – дротик) и т. д. Стоит отметить, что «человечество сначала создало некоторые орудия труда, чтобы заработать себе на жизнь, а затем использовало их в качестве средств защиты и оружия войны» [195, с.83]. Древние цари Ирана, владевшие несметными богатствами, использовали золото и драгоценные камни для украшения своего оружия и в качестве символа инкрустировали их камнями и металлом. В частности, в нижеследующем бейте рукоятка длинного копья имеет форму голову льва и изготовлена из золота. Лев в данном случае выражает символ государства:

Дурафшаш бубин аждахо пайкар аст,

Бар он *найза* бар *шери заррин* сар аст (204, с. 256).

На облако взгляни, подобное могучему дракону,

Подобное *копью*, с *златою головою льва*..

Лексема *тег* (*teğ* – клинок), также используется для описания оружия IX-X веков. Нередко к нему добавляется эпитет «алмазное лезвие». Слово *алмосгун* (*almāsgon* – словно алмаз) помогает поэту выразить уверенность в непобедимости оружия иранских воинов:

Ба ёд ор он *теги алмосгун*,

К-аз он *тег гардад чахон пур зи хун* (206, с.99).

Вспомни тот *алмазоподобный меч*,

От которого по всему миру кровь будет течь.

В приведенном выше примере слово, обозначающее боевое оружие – *тег* (*teğ* – клинок), объединено со словом *алмосгун* (*almāsgon* – словно алмаз) в рамках изафетного именного словосочетания. Лексема *алмосгун* (*almāsgon* – словно алмаз) уподобляет остроту лезвия алмазу, что делает содержание бейта более образным.

Гурз (*gurz* – молот, палица, булава) также является одним из слов отраслевой лексики, используемых для описания военного оружия, что

означает разновидность древнего оружия с округлой рукояткой, имеющей выступы, похожие на гвозди, палицу, железную булаву [151, с.99]. Использовалось в составе *гурзбон* (*gurzbän*), *кн., уст.* воин с палицей; *гурздор* (*gurzdär*) *уст.* обладатель палицы. В литературных произведениях IX-X веков эти слова употребляются для выражения военных понятий:

Чахончӯй бар тахти заррин нишаст,
Ба сар-бар яке тоҷу гурзе ба даст (206, с.280).
Жаждающий править миром на золотой трон взошел,
С короной на голове и с палицей в руке.

В приведённом выше примере слова, выражающие значение военного снаряжения *гурз* (*gurz* – *молот, палица, булава*), использованные вместе со словом *тоҷ* (*täj* – *корона*), показывают, что в руках у царя богатырская палица, а на голове – царская корона. Слово *тоҷ* (*täj* – *корона*) относится к царю, и поэтому слово *гурз* (*gurz* – *молот, булава, палица*) также является показателем могущества шаха того времени.

Сиёвахш буд хуфта ба тахти зар,
Або чавшану тарку гурзу камар (206, с.394).
Сиявуш дремал беспечно на троне золотом,
Облаченный в доспехи, с палицей в руках и с мечом.

В приведённом выше примере слова, обозначающие военную амуницию *чавшан* (*javšan* – *кольчуга*), *гурз* (*gurz* – *молот, палица, булава*), используются для описания королевской одежды и вооружения.

Лексема *шамшер* (*šamšer* – *меч*) является одним из отраслевых лексем, используемых для описания военного оружия, и определяется в словарях следующим образом: «Меч – это холодное железное или длинное стальное оружие с односторонним или обоюдоострым клинком» [151, с.99]. Эти слова очень активны в переносных выражениях и словообразовании: *шамшербадаст* (*šamšerbadast* – *тот, у кого в руке меч; воин с мечом*), *шамшербоз* (*šamšerbäz* – *тот, кто играет с мечом*), *шамшербозӣ* (*šamšerbäzi* – *фехтование, парный вид состязания на мечах*), *шамшергар* (*šamšergar* –

тот, кто изготавливает мечи), *шамшерзабон* (*šamšerzabān* – метафора язвительный, острый на язык; мастер речи), *шамшерзан* (*šamšerzan* – тот, кто хорошо владеет мечом; храбрый, отважный человек), *шамшерзанӣ* (*šamšerzani* – занятие фехтовальщика), *шамшерқалам* (*šamšerqalam* – талантливый литератор, умело владеющий пером), *шамшермонанд* (*šamšermānand* – что-то вроде меча, похожее на меч), *шамшерсоз* (*šamšersāz* – кузнец, специализирующийся на ковке мечей) [152, с.652].

В произведениях поэтов IX-X веков эти слова использовались для обозначения военных снаряжений:

Зи аспони тозӣ ба зарринситом,
Зи *шамшери ҳиндӣ* ба зарринниём (205, с.414).
А рядом гарцевали быстроногие кони, златогривые,
По бокам их свисали *мечи индийские в ножнах золотых*.

В приведённом выше примере слово, обозначающее *шамшер* (*šamšer* – меч), использовано со словом *ҳиндӣ* в составе изафетного словосочетания, и показывает, что меч индийский, а ножны из золота, что особенно интересно.

Табар (*tabar* – топор) описывается в «Толковом словаре таджикского языка» как боевое оружие следующим образом: «железный инструмент с рукояткой, острым лезвием для рубки деревьев и колки дров [154, с.293]; слово также используется в образных выражениях: *табар ба кунда расидан* ударить топором по колоде (пер. воздействовать, оказать влияние на кого-либо, что-либо); *ба решаи касе (чизе) табар задан* (ударить в корень чего-то (чего-то)) (уничтожить, ликвидировать); *худро ба теғу табар задан* (бить себя мечом и топором, т.е. терпеть все невзгоды, не отворачиваться от невзгод):

Зи бас тарги заррину зарринсипар,
Зи кӯполи заррину *зарринтабар* (206, с.350).
От множества копий золотых и щитов,
Палиц золотых и *золотых топоров*.

В этом примере, взятом из «Шахнаме» Фирдавси, это сложная лексема, *зарринтабар* (*zarrintabar*) означает *золотой топор*.

Лексема *лаҷом* (*lajām* – *уздечка*) представляет собой арабскую форму *лагом* (*lagām*) // *лигом* (*ligām*) – *уздечка,украшенная золотом*:

Ҳамон този аспон ба заррин лагом,

Ҳамон теғи ҳиндӣ ба заррин ниём (205, с.28).

Все те же скакуны в уздечках золотых,

Все те же мечи индийские в ножнах золотых.

Слово *нигор* (*nigār* – *корона*) используется в составе парных слов, описывает и объясняет слово «корона»:

Зи афсар сари пилбонон пурнигор,

Зи гӯш андар овехта гӯшвор (207, с.265).

По воле *венценосца* головы хозяев слонов в жемчугах,

И уши их блистают в златых серьгах.

Пайкон (*rajkān* – *дротик*) – это слово, используемое для описания боевого оружия, в «Словаре таджикского языка» оно определяется следующим образом: «острый наконечник копья и стрелы, пика; копьё, стрела; пер. ресницы возлюбленной» [152, с.58]. В литературных произведениях IX-X веков вместе со словом **алмос** (*almās* – алмаз) в составе изафетного словосочетания образуют лексему «острая, как алмаз, стрела» (дротик из твёрдой породы дерева, из которого делали также стрелы, копья и сёдла):

Стрела с алмазным наконечником из твёрдого дерева:

Яке тири *алмоспайкон* хаданг,

Ба чарх андарун рондам бедаранг (207, с.133).

Стрелу прямую с *алмазным наконечником*

Пустил без промедленья в ось земли.

Стрела с алмазным наконечником:

Ба тире, ки *пайконаш алмос* буд,

Зиреҳ пеши ӯ ҳамчу қиртос буд (207, с.138).

Перед стрелой с *алмазным наконечником*

Броня была, как лист бумаги.

Алмазный дротик:

Сиях шуд зи гарди сипах офтоб,

Зи *пайкони алмосу* парри уқоб (207, с.43).

От пыли конниц войска почернело солнце,

От ветра стрел *алмазных* с опереньями орла.

Алмазные копья и пики:

Зи захми *синонҳои алмосгун*,

Ту гуфтӣ хаме борад аз абр хун (204, с. 33).

От ран остриёв *алмазных копий*,

Казалось, дождь кровавый льет из облаков.

Примеры, которые мы представили, в основном взяты из томов эпоса Абулкасима Фирдавси «Шахнаме», цель которых – отразить содержание произведения, то есть описать битвы и защиту родной земли.

б) Лексические единицы, обозначающие средства защиты воинов: *чавшан* (*javšan* – кольчуга, доспехи), *хӯд* (*khud* – шлем), *кулоҳ* (*kulāh* – шапка, шлем), *синар* (*sipar* – щит) и т. д. Стоит отметить, что поэты и писатели IX-X веков, к примеру, баталисты, мастерски изображали события и великие сражения, поражения и победы витязей на поле боя. Эти выражения чаще всего встречаются в касыде «Модари май» Рудаки и «Шахнаме» Фирдавси. К лексемам, наиболее часто используемым в литературных произведениях IX-X веков для описания средств защиты воинов, могут быть отнесены: *чавшан* (*javšan* – кольчуга, доспехи), *хӯд* (*khud* – шлем), *кулоҳ* (*kulāh* – шапка, шлем), *синар* (*sipar* – щит), *зирех* (*zireh* – панцырь).

Синар (*sipar* – щит) – это название древнего вооружения, которое, использовалось для защиты головы и тела от ударов вражеского меча или стрел; 2) приспособление для предохранения от чего-нибудь, ограждения чего-нибудь; 3) доска, установленная на улице и во дворе учреждения, к которой прикреплены фотографии или объявления [152, с.168]. *Синар кардан*

(*sipar kardan* – что-либо защищать), *сипарбоз* (*siparbâz* – ловкий в защите воин), *сипардевор* (*sipardevâr* – преграда, стена для защиты; группа солдат, которым было поручено создать стену перед врагом, чтобы обеспечить скрытность военной операции), *сипардевора* (*sipardevâra* – искусственные преграды для предотвращения чего-либо (например, с обеих сторон железной дороги, чтобы избежать снежных заносов), *сипардор* (*sipardâr* – со щитом в руке; защищённый), *сипардорӯ* (*sipardâri* – защищаться щитом; оборона, защита), *сипардорӯ кардан* (*sipardâr-i kardan* – защищать, оборонять). [152, с.255]. *Сипар* (*sipar* – щит) изготавливали из воловьей кожи или металла и он служил для защиты тела от смертельных ударов.

Приведём несколько примеров:

Чу хуршед аз чархи гарданда сар

Баровард бар сони заррин сипар (206, с.13).

Как солнце, на небосводе появился

И словно щит золотой светом озарился.

В следующем бейте слово *сипар* (*sipar* – щит) в составе сложного слова *зарринсипар* (*zarrinsipar* – золотой щит) выражает переносное значение восхода солнца:

Чу хуршед бардошт зарринсипар,

Замоно баровард аз чарх сар (205, с.275).

Подобно солнцу поднял он свой щит золотой

И весь мир озарил его жгучей желтизной.

Лексема *чавшан* (*javšan* – кольчуга, доспехи) определяется как боевое оружие в словаре «Бурхони Қотъ» следующим образом: «Кольчуга – это название одежды из железа или стали, которую богатыри носили поверх другой одежды во время войны» [142, с. 400]. В другом месте того же словаря: «Панцирь – это оружие, отличное от кольчуги, сделанной из колец, а панцирь сделан из железных монет» [142, с.401].

Слово *чавшан* (*javšan* – кольчуга, броня), как и другие слова, выражающие военные понятия, сочетается с другими описательными элементами и образует образные словосочетания:

Або *чавшани зар* дурахшон чу моҳ,
Бад-ӯ андарун хира гашта сипоҳ (205, с. 294).
С бронёй золотой как луна он светился,
При виде его стан врага отступился.

В этом примере автор описывает доспехи из золота, что очень хорошо отражает ситуацию. Это выражение образовано в форме изафетного словосочетания, оба компонента которого относятся к имени существительному, и с точки зрения этимологии они таджикские. Это описательное словосочетание используется для описания ловкости войска или витязей.

Хӯд (*khud* – *шлем*) как название боевого оружия описывается в «Словаре таджикского языка» следующим образом: «Военный головной убор из металла» [152, с. 491]. Это слово принадлежит к группе исконных таджикских слов и не является многозначным. Мухаммад Муин назвал его металлической шапкой, указывая на то, что в древнем персидском языке оно употреблялось в форме *хауда* [143, с. 45]. По словам лингвиста С. Исмадова, Фирдавси 88 раз употребил слово *хӯд* (*khud* – *шлем*) в «Шахнаме», что раскрывает не только его семантику в стихах поэта, но и структурный элемент [28, с.79].

Надеть золотой шлем:

Сиёвуш биёмад ба пеши падар,
Яке *хӯди заррин* ниҳода ба сар (205, с.385).
Сиявуш пред отцом своим предстал
В шлеме золотом, словно солнце сиял.

Таким образом, приведя 16 бейтов с использованием ювелирной лексики и наименований декоративных украшений из «Шахнаме» Фирдавси, из творчества Рудаки и его современников во втором разделе главы под названием «Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений, относящиеся к военному снаряжению», мы проанализировали их по лексическому содержанию. Надо отметить, что ювелирная лексика и

наименования декоративных украшений в области военной амуниции занимают особое место в истории таджикского литературного языка и используются в литературном наследии IX-X веков для выражения мира, войны, раздоров как в прямом, так и в переносном значении. К ним относятся слова и компоненты ювелирной лексики *найзаи дурафи* (*naiza-i durafš* – блестящее копье), *хӯди заррин* (*khud-i zarrin* – золотой шлем), *зарринсинар* (*zarrinsipar* – золотой щит), *зарринситом* (*zarrinsitām* – золотая конская сбруя), *зарринниём* (*zarrinniyāt* – ножны меча, украшенные золотом), *зарринлаҷом* (*zarrinlajām* – золотая уздечка), *тири алмоспайкон* (*tir-i almāspraykān* – алмазный дротик), *ҷавшани зар* (*javšan-i zar* – золотые доспехи), *пайкони алмос* (*praykān-i almās* – алмазный дротик), *синонҳои алмосгун* (*sinānhā-i almāsgon* – алмазные копья) и др.

2.3. Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений, имеющие отношение к сфере государственного управления

Привлечение ювелирной лексики для описания сферы государственного управления также обусловлено темой и идеей литературных произведений IX-X веков. Писатели этого периода использовали лексику ювелирного искусства с целью придания значимости описываемым реалиям государственного управления, что играло важную роль в реализации идейного замысла произведения. В качестве примеров приведём несколько лексических единиц и проанализируем их: *ганҷ* (*ganj* – казна, сокровище), *гарзан* (*garzan* – корона), *дебо* (*debā* – газ – тонкая шелковая ткань), *дирафи* (*dirafš* – стяг), *зар* (*zar* – золото), *сика* (*sika* – монета), *тахт* (*takht* – трон), *тоҷ* (*tāj* – венец), *шоҳ* (*šāh* – царь) и так далее.

Ганҷ (*ganj* – казна) – это слово, используемое для описания лексем ювелирного искусства, которое в «Словаре таджикского языка» определяется следующим образом: «имеющиеся или спрятанные в земле золото, серебро и драгоценности, сокровищница, хранилище, клад; *ганҷи ниҳон* (*ganj-i nihān* – спрятанное сокровище, секретное хранилище, клад),

ганчи ноёб (*ganj-i näyāb* – редкое сокровище, редкий жемчуг), *панҷ ганҷ* (*panj ganj* – пять сокровищ) метафора из “Хамса” Низами Гянджеви, *ганҷ кушодан* (*gānj kušādan* – найти клад, богатство), *дари ганҷ кушодан* (*dār-i ganj kušādan* – букв. открыть дверь сокровищницы, иносказание – овладение сокровищем, получение сокровища), *аз сухан ганҷу гуҳар рехтан* (*az sukhan ganji guhar rekhtan* – произносить содержательную речь. [151, с.315].

Калиди дари ганҷ (*kalid-i dar-i ganj* – ключ от двери сокровищницы) является метафорой со значением «владение сокровищем», получение сокровища:

Ба милод биспурд Эронзамин,
Калиди дари ганҷу тоҷи нигин (205, с.54).
К рождеству земли Ирана отдал он наконец,
Ключи от сокровищниц и свой золотой венец.

Спрятанные сокровища, как клад в руинах, могут состоять из серебра и золота в недоступном, незаметном месте:

Зи ганҷи куҳан тоҷи зар хостанд,
Ҳама пушти пилон биёростанд (204, с.180).
Из *старой сокровищницы* золотую корону пожелали,
Спины всех слонов дорогими попонами наряжали.

Сокровища из золота, серебра и драгоценных камней, которые есть или спрятаны под землей; сокровищница, хранилище, казна:

В-аз он пас ҳама номдорони шаҳр,
Касеро, ки буд *аз зару ганҷ* баҳр (204, с.119).
Затем именитых горожан,
Что были дороже *злата и жемчугов*.

Дебо (*debā* – газ – тонкая шелковая ткань) – это лексема, используемая для описания понятий ювелирной сферы, которая определяется в «Словаре таджикского языка» следующим образом: «тонкая шёлковая ткань, цветной шёлк» [151, с.321].

Дебои зарбафт (*debä-i zarbaft* – вид платья, сшитого из золототканого материала):

Дирам хост бо зарру гавхар зи ганч,

Гаронмоя *дебои зарбафт* панч (204, с.270).

Дирамы с золотом и жемчугом из казны попросил,

Дорогими одеждами, расшитыми золотом себя нарядил.

Дирафш (*dirafš* – стяг, знамя, штандарт) – это слово, используемое для описания понятий ювелирной сферы и представленное в «Словаре таджикского языка» следующим образом: «дирафш (*dirafš*) // дарафш (*darafš*) – один из символов государства, который украшен разными цветами, узорами. Другие его синонимы – *байрақ* (*baýraq* – флаг), *ливо* (*livä* – стяг), *алам* (*alam* – штандарт), *парчам* (*parčam* – знамя)» [151, с.381]. В следующем бейте из «Шахнаме» Фирдавси рассказывает о развивающемся на вершине флаге, украшенного золотом:

Барафрохт аз кӯҳ заррин *дурафш*,

Нагунсор шуд парниёни бунафш (210, с.87).

Всколыхнул с горных вершин *стяг золотой*,

Исчез от которого вмиг облаков лиловых флер.

Поскольку стяг, штандарт – это символы государственности, во время сражений знамя служило символом победы или поражения. Лингвист С. Анвари называл знамя символом армии [7, с.67]. В следующем бейте *дурафш* (*durafš* – стяг) служит символом поражения, на что указывает тусклость лазурита (тёмный цвет – знак печали) [102, с.153].

Бурун рафт тозон ба монанди гард,

Дурафше паси пушти ӯ ложвард (212, с.59).

Вырвался наружу *стяг* мгновенно, как пыль,

За лазурными облаками свой лик он скрыл.

Кулоҳ (*kuläh* – шапка, головной убор) – это слово, используемое для описания понятий военной амуниции и описанное в «Словаре таджикского языка» следующим образом: «то, что шьётся из кожи, войлока и др. и

надевается на голову; головной убор; остроконечная шапка дервишей; шлем; королевская корона» [151, с.621].

Зарринкулоҳ (*zarrinkulāh* – золотая шапка, золотой головной убор) образовано в структуре сложного слова, выражает значение золотого головного убора:

Се дигар чу Кашводи *зарринкулоҳ*,
Ки омад ба Омул, бибурд он сипоҳ (205, с.29).
Трое других, подобно Кашводу в *короне золотой*,
Пришедшему в Омул и уведшему войско за собой.

Прийти на шахский приём в золотом одеянии и золотом головном уборе:

Пас, ороста Золро пеши шох,
Ба зарриннамуду ба *зарринкулоҳ* (204, с. 244).
Затем, нарядив Заля, представили царю
Во всей его красе и с *золотым шлемом*.

Taxm (*takht* – трон) – это стул или беседка из железа и дерева; особое место, на котором падишах сидел во время церемоний; *тахти равон* (*takht-i ravān*) – переносная кушетка, на которую клали стариков и больных и вчетвером переносили в нужное место; *аз тахт фурувардан* (*az takht furāvardan*) – *свергнуть с престола*; *ба тахт нишастан* (*ba takht nišastan*) – *взойти на престол*» [152, с. 335].

Корона и трон:

Бигуфташ, ки бар ман чӣ омад зи бахт,
Ба хок андаромад сари *тоҷу тахт* (205, с.62).
Сказал: “Что за несчастье на меня напало,
Что опрокинут мой *трон*, и *короны* не стало.

Дорогие, роскошные трон и булава:

Ман ин тоҷу ин *тахту гурзи гарон*,
Бигардонам аз шоҳи Мозандарон (205, с.86).
Я эту *корону*, *палицу* тяжелую свою и *трон*
Верну от царя Мазандарана, нанесшему мне урон.

Трон, инкрустированный драгоценными камнями:

Нишаст аз бари *тахти гавҳарнигор*,

Або тоҷу бо гурзаи говсор (205, с.183).

Сев рядом с тронем в камнях и жемчугах,

В короне золотой и с палицами ужасающими в руках.

Корона и трон:

Агар ман пазируфтаме *тоҷу тахт*,

Набудӣ туро ин бузургиву бахт (205, с.258).

Если бы я владеть короной и тронем хотел,

Ты бы этого величия и счастья не имел.

Лексема *тоҷ* (*täj* – *венец, корона*) – одна из наиболее широко используемых в поэзии X века, и, по мнению исследователя языка «Шахнаме» Фирдавси С. Исмадова, «Фирдавси использовал его 1435 раз. Причина широкого употребления этого слова прочно связана с содержанием «Шахнаме», в котором пышное и торжественное восхваление царей занимает особое место» [28, с. 90]. Слово *тоҷ* (*täj* – *венец, корона*) исконно таджикское, и в некоторых древних словарях составители упоминали его как арабское или арабизированное:

Преклониться перед тронем, короной и драгоценными камнями:

Заминро бибӯсиду кард офарин,

Бар он *тахту тоҷу* кулоху нигин (204, с.221).

Поцеловав землю, сыпая хвалебные слова,

Он трон его, *корону* и величие прославлял.

Бирюзовый трон и золотой венец:

Ҳамон тахти пирӯзаву *тоҷи зар*,

Ҳамон муҳри ёкуту зарринкамар (204, с.248).

Тот же в жемчугах бирюзовый трон и в *золоте венец*,

Та же печать из яхонта и пояс золотой.

Нарядиться в золотошвейный халат и в золотую корону:

Ки омад або халъату *тоҷи зар*,

Або аҳду маншуру зарринкамар (204, с.249).

И вот он в золотых одеждах и *короне золотой* пришел,

С договором, указом и правом на царский престол.

Светящийся венец (корона):

Нишаст аз бари номвар тахти оч,

Ба сар барниход он *фурузанда тоҷ* (204, с.254).

Рядом с известным, сидящим на троне из слоновой кости, присел,

И на голову свою тот *сверкающий венец* надел.

Тавқ (*tavq* – *ожерелье, петля*) – это что-то круглое, обвивающее что-либо, ожерелье, кольцо [152, с.302]. В «Шахнаме» Фирдавси эта лексема используется в буквальном смысле:

Ожерелье как лексема ювелирного искусства:

Ҳам аз *тавқу* ҳам тахту ҳам гӯшвор,

Ҳамон тоҷи заррин забарчаднигор (205, с.40).

Все те же *ожерелья*, те же серьги и тот же трон,

Все ту же корону золотую в камнях имел он.

Украшение шаха короной, ожерельем и серьгами:

Або тоҷу бо *тавқу* бо гӯшвор,

Ҷунон чун бувад дархури шахрёр (204, с.183).

Корону, *ожерелья*, серьги и трон, цвета киновари,

Все те, атрибуты, что должен иметь государь.

Украшение ожерелья драгоценными камнями:

Абар пушти пилон-ш бар тахти зар

Зи гавҳар ҳама *тавқи* шерони нар (204, с.189).

На спинах слонов его из золота трон,

Из жемчугов *ожерелья* на главах львов, охранявших его.

В следующем стихе это слово означает царское ожерелье:

Ниҳоданд бар пешгоҳ тахти оч,

Ниҳоданд ҳам *тавқу* пурмоя тоҷ (212, с.16).

В почетном месте из слоновой кости поставили трон,

Рядом с ним *колье из жемчуга* и златую корону.

Слово *ангуштарӣ* (*anguštari – кольцо*) – это золотой или серебряный круг, который надевают на палец, относится к декоративным предметам [151, с.59].

Ки бо Ахриман чуфт гардад парӣ,
Ки на тоҷ бодат, на *ангуштарӣ*? (204, с.308).
Что, если с Ахриманом ангел в паре сойдутся,
Тебе ни корона, ни царский *перстень* счастьем не обернутся?

В значении царского символа:

Набошад маро бо касе доварӣ,
Агар тоҷи ман чустан ар *ангуштарӣ* (206, с.18).
Не буду я судьей третейским тому,
Кто к короне и *перстню* рвется моему.

Украсить короной и кольцом:

Ки Чамшед бо тоҷу *ангуштарӣ*,
Ба фармони ӯ деғу мурғу парӣ (205, с.44).
Был Джамшед в короне и с волшебным *перстнем*,
Которому подчинялись демоны, птицы и ангелы.

Слово *гӯшвор* (*gušvär – серьги*) означает серьгу, украшение на ухе [151, с.567]. В нижеследующем бейте это слово используется в своём основном значении:

Бияндохт аз дур бо тахти зар,
Чӣ бо тавку бо *гӯшвору* камар (207, с.560).
Издалека взор свой на златой трон направлял,
Что украшенный ожерельями, *серьгами* сиял.

Два браслета, ожерелье и две серьги:

Ду афсар пур аз гавҳари шоҳвор,
Ду ёра яке тавку ду *гӯшвор* (206, с.15).
Две в царских жемчугах короны,
Два браслета, ожерелье и *пара сережек*.

Одно кольцо и две серьги:

Яке хусравӣ тавку ду *гӯшвор*.

Саду шаст ҳам чомаи зарнигор (212, с.174).

Одно царское ожерелье, *две серьги*,

В придачу сто шестьдесят одежд золотых.

Яке тоҷи пургавҳари шохвор

Або ёраву тавку бо *гӯшвор* (204, с.333).

Одна корона царская в камнях драгоценных,

С браслетами, ожерельями и *сережками*.

Слово *гӯшвор* (*gišvār* – *серьги*) используется в переносном значении, являясь фразеологической единицей *ба гӯш гирифта* (*ba giš giriftan* – *фаромӯш накардан*) – *букв. принять во внимание, не забывать*:

Твои наставленья мне серьги в ушах – т.е. я принимаю твои советы:

Ҳамон панди ту *гӯшвори* ман аст,

Суханҳои ту *гӯшвори* ман аст (212, с.205).

Те наставления твои для меня, как *сережки*,

Речи – *сережки*, пробивающие к мудрости дорожки.

Ҳама нек дар зинҳори мананд,

Ба тоҷ андарун *гӯшвори* мананд (212, с.205).

Все добрые дела – защита моя,

В короне моей как *серьги* (суть) для меня.

Лексема *ёра* (*yära* – *браслет*) означает браслет, украшение. Диапазон её использования ограничен, и она приобретает первоначальное значение в следующем бейте:

Ба бозуву *ёра* зи ёкути зар

Зи хушобу зарру забарчад камар (206, с.324).

От сил рук моих, *браслетов* из золотых жемчугов,

От сочности цвета пояса, украшенного хризолитами.

Синоним *ёра (yāra)* – *дастбанд (dastband)* – *браслет*, который означает силу, способность, терпение, выносливость, храбрость и имеет широкий спектр применения:

Бузургони кишвар-ш бо *дастбанд*,
Кашиданд саф пеши кохи баланд (204, с.365).
В браслетах великие мужи его страны
Выстроились пред дворцом.

Металлы (золото, серебро) представляют высокую ценность и широко используются в декоративных целях. История происхождения и обработки украшений, особенно золота, использована в «Шахнаме» Абулқасима Фирдавси времен правления Джамшеда, что свидетельствует о древней истории ювелирного дела. Академик Б. Гафуров комментирует этот вопрос в «Таджиках»: «Золото добывалось для изготовления ювелирных украшений, фигурок, скульптур и миниатюр» [20, с.345].

Лингвист Н. Шаропов в этой связи отмечает, что наши предки издревле различали разные типы металлов и широко их применяли [112, с.14]. В литературных произведениях IX-X веков, особенно в «Шахнаме» Абулқасима Фирдавси, используются наименования различных видов драгоценных металлов, некоторые из которых перечислены ниже:

Зар (zar – золото) употребляется как лексема для обозначения драгоценного жёлтого металла, который используется в ювелирном искусстве [151, с.125]. Такие предметы украшений, как ожерелья, кольца, браслеты, серьги и другие украшения, в основном изготавливались из золота.

Продать коронованную голову за золото:

Сари точдоре фурӯшам ба *зар*,
Ки на тоҷ боду на тахту на фар? (204, с.187).
Продам коронованную голову за *золото*,
Чтобы не было ни короны, ни престола, ни великолепия?

Трон короля, сделанный из золота:

Гирояндаи тоҷу зарринкамар

Нишонандаи шоҳ бар *тахти зар* (204, с.287).

Захвативший корону и пояс дорогой,

Посадить способен царя на *трон золотой*.

Названия всех украшений, упомянутых в приведенных выше примерах, таких, как *тавқ* (*tavq* – ожерелье), *гӯшвор* (*gušvār* – серьги), *ангуштарӣ* (*anguštari* – кольцо), используются в современном таджикском литературном языке в том же значении. Лексема *ёра* (*yāra* – браслет) используется с синонимом в форме *дастпона* (*daspāna* – браслет). В лексической структуре таджикского языка слово *ёра* (*yāra* – браслет) перешло в разряд архаизмов и в настоящее время не используется. Рассмотренные лексические единицы говорят о том, что ювелирное искусство имеет древнюю историю, эту мысль подтверждают авторы «Лексики профессий и ремёсел – источника таджикской технической терминологии». В книге представлена информация о древней истории ювелирных украшений и убранств в Средней Азии.

Таким образом, ювелирная лексика и наименования декоративных украшений, приведённые в качестве примера (около 35 бейтов из творчества Рудаки, его современников и из «Шахнаме» Фирдавси) в третьем разделе второй главы под названием «Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений сферы государственного управления» также представляют определённую значимость в литературном наследии IX-X веков и тесно связаны с темой и идеей исследования. Литераторы того периода использовали ювелирную лексику сферы государственного управления в создании своих содержательных и высокоидейных произведений. Данная лексика является одним из источников обогащения словарного запаса таджикского языка.

2.4. Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений, относящиеся к сфере повседневной жизни

В состав лексики ювелирного искусства и наименований декоративных украшений, относящихся к повседневной жизни, входят названия предметов

быта, обуви, предметов декора, головных уборов и т.д., которые составляют определённый лексический пласт языка: *сарпӯш* (*sarpuš* – *головной убор*), *кулоҳ* (*kulāh* – *шапка, шлем*), *тоҷ* (*tāj* – *венец*), *дастор* (*dastār* – *чалма*) и т. д. *Сарпӯш* (*sarpuš* – *головной убор*), *кулоҳ* (*kulāh* – *шапка, шлем*), *тоҷ* (*tāj* – *корона*) широко используются в «Шахнаме». Они подробно рассмотрены лингвистом С. Исмаатовым в его работе ««Тоҷ андар «Шоҳнома»» («Корона в «Шахнаме»»). В этом разделе нашего исследования мы кратко опишем убранство головных уборов.

Тоҷ (*taj* – *корона*) – украшенный драгоценностями головной убор, который носили шахи, это – диадема, венец [152, с. 375]. Следующий бейт описывает великолепие короны, украшенной драгоценными камнями:

Чу Ковусро дид бар тахти оч,
Зи ёкути рахшанда бар сар-ш *тоҷ* (205, с. 351).
Кавуса, когда на троне из кости слоновой увидал,
Тот с *коронай из рубинов* будто весь сиял.

Инкрустирование короны жемчугом:

Яке *тоҷи* заррин, нигораш гуҳар,
Ниҳод аз бари тораки Золи Зар (204, с. 362).
Одну *корону золотую, украшенную жемчугами,*
Поставил рядом с Залем Заром, сверкавшим лучами.

Новая корона, должность, новизна:

Чу Кашводу Харроду Барзини гав,
Фишонданд гавҳар бар он *тоҷи нав* (205, с. 15).
Подобно Кашваду, Харраду и буйволу Барзину,
Рассыпали жемчуга на *новый венец*.

Слово *кулоҳ* (*kulāh* – *шапка, головной убор*) также является синонимом *тоҷ* (*tāj* – *корона*), т. е. описывается инкрустированный рубинами головной убор:

Нишаста бар ӯ шаҳрере чу моҳ,
Зи ёкути рахшон ба сар-бар *кулоҳ* (204, с. 189).

Рядом с ним царевич луноподобный сидел,
Чей *венец* огнем вкрапленных яхонтов горел.

Лексема *кафш* (*kafš* – *обувь, туфли*), обозначающая название декоративной обуви. В литературном наследии X века в необходимых случаях употреблено название туфель, украшенных драгоценностями. Одно из таких слов – *кафш* (*kafš* – *обувь, туфли*), которое, как и *пойафзол* (*päyafzäl* – *обувь*), присутствует в лексической структуре нашего языка [151, с. 544]. В частности, в сказании Фирдавси «Шахнаме» в некоторых местах употребляется название обуви, украшенной золотом.

Бишуд Тус бо ковиёнӣ дурафш,
Зи лашкар чихил марди зарринакафш (206, с. 427).
Тус показал доблесть с ковийцами в ратном бою,
С сорока воинами, носившими *обувь златую*.

Украшение обуви драгоценными камнями:

Парастанда бо тавку бо гӯшвор,
Ба пой андарун *кафши гавҳарнигор* (210, с. 73).
Поклонники ожерелий и сережек золотых,
Ходившие в *каушах в каменьях дорогих*.

В таджикской поэзии встречаются лексеммы, которые имеют отношение к принадлежностям повелителей и символизируют власть (трон, кубок и т.д.), они изготавливались особым образом и украшались ювелирами.

Слова, обозначающие символы повелителей, царей.

Лексема *тахт* (*takht* – *трон, престол*) таджикская и означает место, где восседает монарх на официальных церемониях [152, с. 343].

Зи пирӯза *тахту* зи бечода тоҷ,
Сари тоҷ дур, пояи тахт оҷ (205, с. 229).
Трон из бирюзы, корона из граната,
Венец короны жемчужный, трон – кость слоновая.

Словно небосвод трон золотой:

Ба сони сипехре яке *тахти зар*,

Нишонда дар ӯ чанд гуна гуҳар (204, с. 333).

Подобный солнцу *трон золотой* стоит,

Он разными жемчугами покрыт.

Набудаши писандида бахши падар,

Ки додаш ба кехтарписар *тахти зар* (204, с. 151).

Не мог принять дар отца родного он,

Что младшему сыну отдал в наследство *трон*.

Еще один синоним слова *тахт* (*takht* – *трон, престол*) – *авранг* (*avrang*). *Авранг* (*avrang*) – таджикское слово, означающее трон, царский престол, красоту:

Бар *авранги* заррин-ш биншонданд,

Ба шоҳӣ бар ӯ офарин хонданд (206, с. 264).

На царский *престол* его посадили,

Славя царя, ему хвалу произносили.

Гоҳ (*gāh* – *место, трон*) – это исконное таджикское слово, в словарях оно интерпретируется как золотой куст. В «Шахнаме» является синонимом слова *тахт* (*takht* – *трон*):

Дар айвон *гоҳи заррин* ниҳод,

Фарозаш ҳама дебои Чин ниҳод (206, с. 264)

Во дворце поставил *трон золотой*,

Вокруг завесил китайской одеждой дорогой.

Курсӣ (*kursi* – *стул*) – таджикское слово, означающее табурет, топчан для сидения, стул. В «Шахнаме» употребляется для выражения значения «место, где сидит падишах», трон царя:

Гаронмоя шоҳи чаҳонкадхудой

Ба *курсии заррин-и фармуд* чой (204, с. 183).

Почтенный прежний царь, не потерявший сил,

Сесть в *золотое кресло* ему предложил.

Чом (*jät* – чаша, кубок) – таджикское слово, обозначающее кубок, пиалу для вина:

Мар он ҳар якеро яке *чоми зар*,
Ба даст-андарун пур зи мушку гуҳар (204, с. 363).
Тот вельможа в руках *кубок золотой* держал,
Что изнутри источал мускус и жемчугом сверкал.

Бифармуд то чомаву симу зар,
Биоварданд ганчуру *чоми гуҳар* (210, с. 40).
Велел одежды, серебра и злата принести,
Драгоценности и *кубки в жемчугах* подали они.

Мухр (*muhr* – печать) – это таджикское слово, металлический инструмент, с помощью которого на бумаге, письмах и приказах проставляется штамп вместо подписей, печатка [152, с. 713].

Барон нома *мухри заррин* ниҳод,
Ҳайюне барафканд бар сони бод (210, с. 67).
Печатью золотой он то письмо скрепил,
И словно ветер на поле брани поспешил.

Кӯпол (*kurāl* – палица) – таджикское слово, означающее молот, булаву, палицу:

Зи хафтону аз худу баргустувон,
Зи *кӯполи заррину* гурзи гарон (210, с. 16).
Благодаря одежде под кольчугой и броне непобедим,
Панцырем и золотой палицею он бы храним.

Зин (*zīn* – седло) – таджикское слово, снаряжение для сидения на спине лошади или другого животного [151, с. 451].

Ба Эрон набошад чу Хусрав савор,
На бар *зини заррин* чун ӯ шахриёр (206, с. 353).
Во всем Иране нет всадника Хусраву под стать,
В седле золотом такого не сыскать.

Лексема *ташт* (*tašt* – *большая медная чаша*) исконно таджикская, означает большую медную чашу, лохань, корыто [152, с. 346].

Яке *ташти заррин* биёвард пеш,
Бигуфт ин сухан бо парастори хеш (205, с. 377).
Чашу золотую он преподнёс
Следующие слова наставнику своему произнёс.

Хон (*khän* – *скатерть*) – исконно таджикское слово в значении дастархан, скатерть [152, с. 490]. В следующем отрывке это слово означает скатерть, украшенную золотом:

Яке *хони заррин* биёростанд,
Маю руду ромишгарон хостанд (206, с. 35).
Скатерть золоченную расстилали,
Вина, руд заказав, музыкантов созвали.

Лексема *шӯша* (*šūšā* – *слиток, дощечка*) как исконно таджикское слово означает слиток золота или серебра [152, с. 611]. Из него делали различные инструменты для декоративного плетения.

Ба тангӣ як андар дигар бофта,
Ба чора сари *шӯшаҳо* бартофта (205, с. 84).
Туго узел с узлом связав, веревку сплёл,
И искусно *дощечку* надгробную закрепил.

Оч (*āj* – *слоновая кость*) – таджикское слово, означающее слоновую кость, которую используют в ювелирных изделиях [57, с. 65].

Трон из слоновой кости:

Ниҳоданд зер-андараш тахти *оч*
Баровехтанд аз бари *оч* тоҷ (205, с. 101).
Трон из *слоновой кости* для него укрепили,
Над ним корону царскую поместили.

Слоновую кость (бивни) также использовали для изготовления украшений:

Дигар чорсад пора *дандони пил*,
Чӣ дандон дарозиш чун мили мил (210, с. 90).

И было еще четыреста осколков *слоновой кости*,
Которые длиной в несколько верст.

Таким образом, из анализа около 25 бейтов из «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси, из произведений Рудаки и его современников выясняется, что слова, выражающие предметы ювелирного искусства и наименований декоративных украшений помогают воссоздать материальную культуру эпохи, которая описывается в их произведениях.

Выводы

Семантический анализ лексикологии ювелирного искусства IX-X веков выявил, что в литературе того времени лексемы и наименования декоративных украшений, обозначающие ювелирные изделия, очень интересны по значению, использовались как в прямом, так в переносном значении для создания образов, описания пейзажей, изображения событий, исторических явлений; престолов, дворцов, одежды и других предметов общественной жизни, а также для выражения метафор и иных средств художественного искусства. Названия драгоценных камней имеют важное значение в истории таджикского литературного языка и ими изобилуют литературные произведения X века, такие, как «Диван» Абуабдулло Рудаки, стихи современников Рудаки, «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси и других. К лексике ювелирного искусства, выражающей наименования драгоценных камней, относятся слова *жемчуг, рубин, изумруд, лал, бирюза, лазурит* и другие. Если мы попытаемся рассмотреть эти лексические единицы с точки зрения их значимости в том или ином произведении, большинство из них можно обнаружить в сохранившихся произведениях Абуабдулло Рудаки и «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси. Кроме того, выяснилось, что некоторые лексические единицы, например, *оч* (*äj* – *слоновая кость*) используются в нескольких областях в разных значениях (как ювелирная лексика, так и стоматологический термин).

Лексемы *гавҳар* (*gavhar* – *жемчуг*), *гуҳар* (*guhar* – *жемчуг*), *ҷавҳар* (*javhar* – *жемчуг*), *ёқут* (*yäqut* – *яхонт*), *забарҷад* (*zabarjad* – *хризолит*), *лаъл*

(*la'l* – рубин), *фирӯза* (*firuzā* – бирюза), *лочувард* (*lājuvāad* – лазурит) и другие в поэзии использованы как для выражения декоративного значения, так и в переносном значении. Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений в области военной амуниции занимают особое место в истории таджикского литературного языка и используются в литературном наследии IX-X веков для выражения мира, войны, раздоров как в прямом, так и в переносном значении. К ним относятся слова и компоненты ювелирной лексики *найзаи дурафш* (*naiza-i durafš* – блестящее копье), *хӯди заррин* (*khud-i zarrin* – золотой шлем), *зарринсинар* (*zarrinsipar* – золотой щит), *зарринситом* (*zarrinsitām* – золотая конская сбруя), *зарринниём* (*zarrinniyyām* – ножны меча, украшенные золотом), *зарринлаҷом* (*zarrinlajām* – золотая уздечка), *ҷавшани зар* (*javšān-i zar* – золотые доспехи), *пайкони алмос* (*paykān-i almās* – алмазный дротик), *синонҳои алмосгун* (*sinānhā-i almāsgon* – алмазные копья) и др.

В словарном составе таджикского языка лексика ювелирного искусства и наименования декоративных украшений, относящиеся к повседневной жизни, в которую входят названия предметов быта, обуви, предметов декора, головных уборов и т. д., составляют определённый лексический пласт языка *сарпӯш* (*sarpuš* – головной убор), *кулоҳ* (*kulāh* – шапка, шлем), *тоҷ* (*tāj* – венец), *дастор* (*dastār* – чалма) и т. д.

ГЛАВА III. АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА И НАИМЕНОВАНИЙ ДЕКОРАТИВНЫХ УКРАШЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭТИМОЛОГИИ И СТРУКТУРЫ

Очевидно, что каждый самостоятельный язык с давней историей содержит лексическую структуру, которая включает совокупность слов языка. По мнению исследователей, «лексическая структура развитых языков, и в частности с древней письменностью, содержит около 200 000 слов. Конечно, такое большое количество не употребляется одновременно и меняется в зависимости от времени и обстоятельств. Например, даже в языке талантливых писателей того времени это число не превышало 20-30 тысяч. В языке других представителей интеллигенции того времени – ещё меньше. Важно то, что все слова языка, как и другие национальные реликвии его носителей, сохранены в многочисленных словарях и энциклопедиях прошлого и настоящего, а при необходимости некоторые из них могут быть использованы повторно» [46, с. 88].

3.1. Отраслевая лексика ювелирного искусства и наименования декоративных украшений с точки зрения происхождения

На самом деле слова современного таджикского языка очень различаются с точки зрения этимологии. В лексической структуре нашего языка, наряду с исконно таджикскими словами, которых не так много, присутствует большое количество слов, заимствованных из других языков. Однако такие слова нам сегодня не чужды, они выходят далеко за рамки своего происхождения и полностью адаптированы к нормам нашего языка. Точно так же в лексической структуре таджикского языка есть слова, выражающие значения ювелирного искусства, этимологически принадлежащие к разным языкам – таджикскому, арабскому, турецкому, европейским и смешанным (гибридным) языкам. При этом «помимо заимствований из того или иного языка, в том числе исконно арабских слов, в лексическую структуру нашего языка входит ещё группа слов, которые

заимствованы из разных языков мира. Такие слова называются «муарраб», т. е. арабизированными, а их совокупность известна как арабизмы» [46, с. 89].

Арабизированная лексика, заимствованная таджикским языком, имеет не только греческую, латинскую, хинди и другую этимологию, есть также слова из персидско-таджикского языка. Такие слова, относящиеся к ювелирной отрасли, можно классифицировать следующим образом: 1) арабизированные таджикские слова; 2) греческие арабизмы; 3) латинские арабизмы.

1) Арабизированная таджикская лексика. Анализ персидско-таджикских арабизмов, используемых в данной диссертационной работе, показывает, что, помимо фонетических изменений, наблюдается заимствование новых значений, а также полное изменение фонетической и семантической структуры слова, т.е. образование нового слова: *лачом* (*lajäm*) (*лигом* (*ligäm*)) – *узdechka*, *фистоқӣ* (*fistäqi*) (*пистагӣ* (*pistagi*)) – *фисташковый*, *фил* (*fil*) (*пил* (*pil*)) – *слон*, *фирӯз* (*firuz*) (*пирӯз* (*piruz*)) – *победа* и так далее. Это можно увидеть в замене исходных таджикско-персидских фонем **г, п, ж, ч** на **к, ф, ц, ш**. Значение таких слов практически не изменилось.

Например, лексема *фирӯза* (*firuzä* – *бирюза*) из этой группы относится к ювелирной лексике, что означает драгоценный камень небесного цвета, который часто используется для изготовления колец, а также означает женское имя [152, с. 156]. Слово также используется как основной компонент в производных (*фирӯзагун* (*firuzagon* – *перен. голубой, небесно-голубой*)) и сложных словах (*фирӯзанишон* (*firuzanišän* – *ювелир, который прикрепляет бирюзовый камень*)):

Дилам танг дорад бад-он чашми танг,

Худованди дебои *фирӯзаранг* (201, с. 365).

На сердце тягостно от этих узких глаз,

Одежды *бирюзовой*, сияющей, как алмаз.

В другой группе можно обнаружить не только фонетические изменения арабизированного слова, но и радикальное изменение его значения. Такие слова утратили свою первоначальную форму и стали неологизмами. К этой группе принадлежат слова, относящиеся к лексике ювелирного искусства: *чавҳар* (*javhar* – жемчуг), производные от *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг), и обретшие множественное число в форме *чавоҳир* (*javāhir*), *чавоҳирот* (*javāhirāt* – драгоценности, ювелирные изделия).

В приведенном ниже примере арабизированное слово *чавҳар* (*javhar* – драгоценные камни):

Разро Худой аз кибали шодӣ офарид,
Шодию хуррамӣ хама аз раз шавад падид.
Аз *чавҳари* латофати маҳз офарид раз.
Он, к-ӯ чаҳону халки чаҳонро биёфарид (201, с. 216).
Вино Творец на радостях изготовил,
От вина радость и веселье – заряд сил человека.
Создал вино из *жемчуга* нежности,
Тот, кто мир и народы всей земли сотворил.

2) В греческих арабизмах слово *қирот* (*qirāt* – *карат*) означает «мера веса драгоценных камней», а его греческая форма – *kseraton* «серебряная монета». Такие слова обладают фонетическими, грамматическими, а иногда и семантическими признаками слов арабского языка. Например, появление в таких словах фонемы **к** является непосредственным влиянием арабского языка. Этот звук, как видно из приведённых выше примеров, отсутствует в их исходных версиях: *миқнотис* «магнит» греческое *litos Magnetos* «камень с горы Магнезия»; *қирот* (*qirāt* – *карат*) «мера веса драгоценных камней» и греческое *kseraton* «серебряная монета» и т.д.

К примеру, лексема *алмос* (*almäs* – алмаз) – греческое слово *adamas*, что в переводе – «несокрушимый», от *датао* «сокрушаю». Минерал назван так благодаря своей особой твёрдости [151, с. 64]. Слово *алмос* (*almäs* – алмаз)

часто используется в «Шахнаме» для обозначения острого инструмента, меча.

В переносном смысле означает гроза:

Ҳаворо, ту гуфтӣ, ҳама барфурӯхт,
Чу *алмос* рӯи заминро бисӯхт (204, с. 202).
Казалось погода всё раздала,
Подобно *алмазу* покров земли сожгла.

3) В группе латинских арабизмов наблюдаются слова в области ювелирного искусства и украшений *қандил* (*qandil* – *светильник, люстра*) от латинского *kandela* «*сорок ламп*»; *банд* (*band* – в буквальном значении – *полоса, тесьма*) – кольцо или колъе, сделанное из тонкой ленточной полосы металла. Может быть украшено вставками из камней. Обручальные кольца чаще всего выполнены в таком стиле.

Эй моҳи симину ба маҳ барзада нашпид,
Дерест ба боғ-андар бар *заррин қандил* (201, с. 435).
Эй, серебряный месяц,
Поздно освещать сад *золотым светильником*.

Тарошид тобуташ аз уди хом,
Бар *ӯ* бар зада *банди заррин* ситом (205, с. 308).
Гроб его из досок сырого дерева уд выстрогал,
И сбрую *золотой тесьмой* перевязал.

Таким образом, лексическая структура таджикского языка, наряду с наличием собственных лексических единиц и наименований декоративных украшений, обогащалась также за счёт слов, заимствованных из других языков. Сюда можно отнести слова из сферы ювелирного искусства – таджикскую, греческую и латинскую арабизированную лексику.

3.1.1. Таджикская ювелирная лексика и наименования декоративных украшений

Исконно таджикские слова отличаются от других заимствований своими историческими, лингвистическими особенностями, лексической и грамматической принадлежностью, образуя особую группу слов языка. Состав исконно таджикских слов своеобразен с точки зрения происхождения, и среди них, наряду со словами, принадлежащими к индоевропейской группе, есть также общеиранские и чисто таджикские. Основная часть этой группы происходит от древних общеиранских слов, которые также сохранились в современных иранских языках.

Исконно таджикских слов, составляющих лексико-грамматическую структуру языка, немного. В целом в развитых языках мира количество таких слов не превышает двух-трех тысяч. В таджикском языке в эту группу входит ряд слов из области ювелирных украшений, которые можно разделить на несколько подгрупп по их назначению и выражению свойств предмета:

1) Названия инструментов и предметов декоративного искусства, при создании которых использовали золото и ювелирные украшения. В эту подгруппу входят такие слова из области ювелирного искусства, характерные для поэтического дискурса IX-X веков: *бечода* (*bijāda* – гранат), *гавхар* (*gavhar* – жемчуг), *зар* (*zar* – золото), *заррин* (*zarrin* – золотой), *пирӯза* (*piruza* – бирюза) и т.п.

Слово *бечода* (*bijāda* – гранат) – является одной из лексем ювелирного мира и означает «руда и разновидность красного или желтоватого камня, похожего на рубин со свойствами янтаря» (154, с. 208).

Аллегория молчаливой луны:

На золу на моҳи *бечода*лаб,

Бихуфтанд як ҳафта дар рӯзу шаб [207, с. 315].

Ни глубокий старец, ни *молчаливая луна*

Не могли уснуть всю неделю ни ночью, ни днём.

Аллегория красного (багрового) вина:

Кунун ҳаст лахте чу равшангулоб,
Ба сурхӣ чу *бечода* дар офтоб (206, с. 16).
Теперь есть капля рубинового вина,
Багрового словно гранат на солнце.

Ещё одной лексемой в сфере ювелирного искусства, относящейся к таджикскому языку, является слово *марворид* (*marwārid* – жемчуг). Согласно словарям, *марворид* (*marwārid*) – это жемчуг, якобы появившийся из капли дождя, попавшей в рот моллюска; жемчуг, драгоценный камень, пёрл и т.п. [154, с. 108]:

Необработанный жемчуг:

Хуккаи нобисуди *марворид*,
Аждаҳо баргузорӣ ту ба камӣ.
Эй саропой маъдани хуррамӣ,
Чашми ту бар дилам ниҳода камӣ (201, с. 382).
Ты ларец из *нетронутого жемчуга*,
Дракона поразишь скромностью своей.
Ты с головы до пят – залежь радости,
Глаза твои в сердце моем источник напасти.

Слово *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг) // *гуҳар* (*guhār* – жемчуг) в нижеприведённых примерах имеют значение *марворид* (*marwārid* – жемчуг), что является подтверждением того, что слова *гавҳар* и *марворид* в определенном контексте бывают синонимами.

Гуҳар (*guhār* – жемчуг, перламутр):

Зи хоро *гуҳар* чувт як рӯзгор,
Ҳама кард з-ӯ равшанӣ хостор (204, с. 62).
В граните *жемчуг* всю жизнь искал,
Извлечь блеск из него всё мечтал.

Гавҳарнигор (*gavharnigār* – инкрустированный жемчугом):

Зи динор в-аз гавҳари шоҳвор,
Зи заррин камарҳои *гавҳарнигор* (206, с. 471).

Из золотых динар и царских жемчугов,
И золоченных поясов была основа их основ.

Гавҳарбор (*gavharbār* – рассыпающий жемчуг):

Ба гоҳи ханда намой ҳама ду саф гавҳар,
Турост гавҳару чашми ман аст *гавҳарбор*... (201, с. 40).
Когда ты улыбаешься, два жемчуга сияют,
Твои глаза – жемчуга, мои же – жемчуг источают.

Гухар (*guhār* – жемчуг, перламутр) как эквивалент *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг):

Гухарро як андар дигар сохта,
Зи ҳар гуна гардан барафрохта (204, с. 26).
Те жемчуга нанизав на нить одну,
Ожерелье соберу под стать стану твоему.

Другая лексическая единица в области ювелирных украшений – это *зар* (*zar* – золото), синоним *тилло* (*tillā* – золото), которое трактуется в словаре «Ғиёс-ул-луғот»: «*тилло* (*tillā*) – это золото, которое известно, как *тилло* (*tillā*), и *тило* (*tilā*) – арабизированное тилло» [137, с.207]. В «Словаре таджикского языка» слово *зар* (*zar* – золото) или *тилло* (*tillā* – золото) определяется следующим образом: «драгоценный желтый металл, золото; чеканное золото; деньги; богатство; низкосортное золото, золото с примесью; высокопробное золото, чистое золото; настоящее золото; белое золото; высококачественное красное золото; высококачественное мягкое золото; золотая линия – это линия, написанная позолотой» [151, с.456].

2) Атрибуты царской власти. Лексема *ҷавоҳирот* (*javāhirāt* – драгоценности) применительна к изготовлению корон, оружия и царских головных уборов из серебра и золота. В эту подгруппу входят такие лексические единицы из области ювелирного искусства, которые использовались в литературе IX-X веков: *зарр* (*zarr* – золото), *заррин* (*zarrin* – золотой), *фирӯза* (*firūza* – бирюза), *зумрад* (*zumrad* – изумруд), *ёқут* (*yāqut* – рубин), *садаф* (*sadaf* – перламутр) и др.

Таджикское слово *zarr* (*zarr* – золото) – означает желтый драгоценный металл, который широко используется в ювелирной отрасли.

Корона Киса, т.е. Хусрава Сосони из золота и серебра:

Сари наргиси тоза аз *zarrу* сим,
Нишони сари точи Кисро гирифт (201, с. 115).
Цветок свежего нарцисса, словно из *золота* и серебра,
Избран символом венца короны Киса.

Zarrin (*zarrin* – золотой) – из золота; золотой; позолоченный; цвета золота, жёлтый:

Ҳамон чомаву гавҳари шоҳвор,
Ҳамон аспи тозӣ ба *zarrin* узор (204, с. 126).
Все та же одежда и царские жемчуга,
Тот же быстроногий конь с *золотой* сбруей.

Слово *zar* (*zar* – золото), используемое в сочетании со словом *kursi* (*kursi* – стул, кресло, трон), означает трон, топчан, кресло, на котором можно сидеть, а в литературе IX-X веках употреблялось в значении места, где восседал падишах:

Якож баромад зи чон нишаст,
Гирифт он гарон *kursии зар* ба даст (204, с. 169).
Друг за другом вставляли с мест своих,
Поднимая *кресла из злата*.

Бар ӯ хоҳарон офарин хонданд,
Ба *kursии zarrin-и* биншонданд (205, с. 360).
Ему сестрицы родные хвалу воспевали
И на *трон златой* его сажали.

Лексема *pirūza* (*piruza* – бирюза) // *firūza* (*firuza* – бирюза) относится к таджикскому языку и означает драгоценный камень небесного цвета, которым часто инкрустируют кольца и перстни. Это слово из области ювелирного искусства очень активно в словообразовании: с его помощью

были образованы такие слова, как *фирӯзагун* (*firuzagon* – перен. голубой, небесно-голубой), *фирӯзанишон* (*firuzanišān* – ювелир, который прикрепляет бирюзовый камень), *фирӯзагин* (*firuzagin*), *фирӯзаранг* (*firuzarang*), *фирӯзафом* (*firuzafām*) – перен. синий, небесно-голубой, *чархи фирӯзафом* (*charh-i firuzafām* – аллегория неба), *фирӯзахтар* (*firuzahatar* – перен. счастливый, везучий), *фирӯзачашм* (*firuzachāsham* – голубоглазый; голубоглазый молодой человек) и тому подобное [154, с. 419]:

Ниё тахти заррину гурзи гарон,
Бад-ӯ доду *пирӯза* точи сарон (204, с. 178).
Ему палицу тяжелую и трон золотой
Дал с *бирюзовым* венцом прародитель родной.

Камень бирюзы, использованный в украшении короны:

Чунон буд, ки як руз бар тахти оч,
Ниҳода ба сар – бар зи *пирӯза тоҷ* (204, с. 93).
Так случилось, что с *бирюзовой короной* в один из дней,
Пришлось ему сесть на трон из слоновых костей.

Украшение чаши бирюзовым камнем:

Ҳама зарру *пирӯза* буд *ҷомашон*,
Ба равшангулоб – андар ошомашон (204, с. 277).
Из *бирюзы* и злата были все *кубки* их сотворены,
Горя багряным светом *яхонта* сверкали они.

Лексема *тахт* (*takht* – *трон*) – это таджикское слово, означающее место восседания царя во время официальных церемоний [154, с. 343]:

Зи *пирӯза тахту* зи бечода тоҷ,
Сари тоҷ дур, пояи *тахт* оч (205, с. 229).
Из бирюзы был *трон*, алмазами сверкал *венец*,
Корона в жемчугах, от *трона* исходил белый свет.

В этом отрывке поэт описывает трон из бирюзы, а корону из граната, а также в рифму привёл другие таджикские слова – *тоҷ* (*tāj* – *венец, корона*) и *оч* (*āj* – *слоновую кость*).

Золотой трон:

Абри баҳорӣ чуз оби тира наборад,
Ў ҳама дебо ба *тахту зарр* ба анбон...
Шоир зи ў равад фақиру таҳидаст,
Бо зари бисёр бозгардаду хумлон (200, с. 146).
Весенний дождь серыми водами проливается,
С одеждами дорогими и *златым троном* не знается.
Поэт от него с пустыми руками удаляется,
С горой злата от ценителя слова возвращается.

Другим синонимом лексемы *тахт* (*takht* – *трон*) является исконно таджикское слово *авранг* (*avrang*), которое используется в литературных произведениях IX-X веков для обозначения предметов ювелирного искусства:

Бар *авранги заррин-ш* биншонданд,
Ба шоҳӣ бар ў офарин хонданд (206, с. 264).
На *золотой* престол его посадили,
Славя царя, ему хвалу воздавали.

Ещё одна таджикская лексическая единица в ювелирном искусстве – *чом* (*jät* – *чаша, кубок*), что означает пиала, кубок для вина, широко используется в литературном наследии IX-X веков:

Ба пеш овар он *чоми заррин*, ки давлат,
Ҳама гул фароз орад аз санги мармар (201, с. 397).
Ту *златую чашу* с вином поднеси, ведь власть
Из камня гранитного цвета творит всласть.

Нишаст аз бари чашма гирди най,
Яке *чоми ёқут* пур кард май (205, с. 79).
Сев у родника в тени тростника,
Наполнил *кубок из яхонта* кровью вина.

В этих примерах слово *чом* (*jām – чаша*) выражает значение названия предмета, сделанного из золота и рубинов, и описывает состояние опьянения и питьё из этих золотых предметов, украшенных рубинами.

Чоми гуҳар (*jām-i guhar*) – это своего рода золотой сосуд:

Бифармуд то чомаву симу зар,
Биоварданд ганчуру *чоми гуҳар* (210, с. 40).
Одежды, серебра и злата приказал принести,
Драгоценности и *кубки из жемчуга* подали они.

Таким образом, лексические единицы и наименования декоративных украшений, связанные с ювелирным искусством, широко использовались в литературных произведениях IX-X веков, таких, как «Диван» Абуабдулло Рудаки, поэзия современников Рудаки, «Шахнаме» Хакима Фирдавси и других, причём использовались как в прямом, так и в переносном значении. Об этом свидетельствуют приведенные нами 22 бейта из вышеперечисленных произведений. Использование этих лексических элементов играет важную роль в обогащении таджикского литературного языка. Среди исконно таджикских слов, имеющих отношение к лексике ювелирного искусства, есть слова *бечода* (*bijāda – гранат*), *гавҳар* (*gavhar – жемчуг*), *зар* (*zar – золото*), *заррин* (*zarrin – золотой*), *пирӯза* (*piruza – бирюза*) и другие. Такие слова в литературных произведениях IX-X веков используются как для выражения значений декоративных украшений, так и в переносном смысле.

3.1.2. Арабские заимствования в ювелирной лексике и наименованиях декоративных украшений

Большая часть заимствований отраслевой лексики и наименований декоративных украшений персидско-таджикского языка, несомненно, принадлежит арабскому языку. Это обстоятельство, как было отмечено, связано с историей политических событий, а также культурных и научных связей между иранцами и арабами. Из истории Средневековья известно,

экспансия арабов на Ближнем и Среднем Востоке привела к тому, что арабский язык приобрёл статус международного. Многие языки этого региона потеряли свою самостоятельность и влились в арабский мир. К этим этносам относятся копты или египтяне, сирийцы, харранцы, арамеи, вавилоняне. Напряжённая борьба с арабами предоставила иранцам возможность сохранить культурную автономию в составе халифата, а вскоре и отстаивать определённую политическую свободу и независимость.

Но большое количество арабских научных терминов, которые вошли в таджикский язык, не ослабили, а наоборот, укрепили потенциальные возможности таджикского языка в процессе развития его научного языка.

Естественно, что, несмотря на огромные усилия отказаться от арабских слов, терминов и отраслевой лексики и всё больше и больше обращаться к исконным персидским словам наших великих поэтов IX-X веков, полностью освободиться от арабских лексем было невозможно. В то же время, как указывает Ж. Лазар, из-за количественного соотношения и частотности употребления арабской отраслевой лексики из языка других ранних прозаических источников дари-персидского языка очень трудно определить соотношение арабских лексических единиц по отношению к дари-персидским лексемам.

Прежде всего, следует отметить, что вся арабская отраслевая лексика в составе произведений выражает абстрактные понятия. С другой стороны, они отличаются друг от друга сферой и способом употребления. С этой точки зрения их можно разделить на три группы:

А) Первая группа состоит из отраслевой лексики, которая использовалась только для сохранения персидских синонимов, и в результате с персидскими словами образовались ложные синонимы. На наш взгляд, подобные арабские лексемы, которые употреблялись крайне редко и в короткий промежуток времени, не должны включаться в число заимствованной отраслевой лексики.

Б) Вторую группу составляет отраслевая лексика, неоднократно употреблявшаяся вместе с их персидскими эквивалентами. Нетрудно заметить, что такие арабские лексемы являются заимствованиями и были известны учёным того времени.

Эта отраслевая лексика также существенно отличается от отраслевой лексики первой группы по частоте употребления.

В) Наконец, третья группа арабской отраслевой лексики состоит из слов, не имеющих персидских эквивалентов. Понятно, что, учитывая популярность некоторых из них, Рудаки, его современники и Абулкасим Фирдавси не пытались найти им персидские аналоги.

Заимствованные слова, независимо от их количества, занимают особое место в лексической системе таджикского литературного языка. Отраслевая лексика имеет социально-историческую основу и интерпретируются как практический пример политических, экономических и культурных связей таджикского народа с древних времен до Сасанидов и Средневековья. По мнению лингвиста Д. Саймиддинова, «взаимоотношения иранских языков, а также иранских языков с неиранскими языками относятся к нескольким историческим периодам и имеют давнюю историю и письменные традиции. Благодаря письменному наследию эта связь между древними персидскими языками и с другими неиранскими языками (эламским, аккадским, греческим) восходит к временам Ахеменидов. Эта связь стала более распространенной в сасанидский период и охватывает различные области лексики и терминологии. Иранские и неиранские заимствования были введены в среднеперсидский язык как в результате прямого общения между языками, так и через древние персидский и портский языки. Заимствование этих слов в среднеперсидском языке происходило из разных источников. Некоторые слова и термины заимствуются в устной традиции, другие – в письменной» [87, с. 165].

Исследователи истории таджикского языка относят заимствованные слова к двум группам: а) заимствования из иранских языков (мидийский и

портский, согдийский, сакский, бактрийский и др.); б) заимствования из неиранских языков (греческий, сирийский, хинди, арабский, турецко-монгольский, русско-интернациональный) [см.: 55; 87; 46; 38; 111; 50].

В таджикской лингвистике были проделаны значительные научные изыскания над заимствованиями из иранских и неиранских языков. Исследования проводились в основном по арабским заимствованиям и их роли в лексической структуре таджикского языка; было доказано, что в лексической структуре таджикского языка заимствований из арабского языка больше, чем из других языков.

В литературных произведениях IX-X веков, особенно в творениях Рудаки и его современников, «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси и некоторых других источниках этого периода, при необходимости используются отдельные арабские слова:

1) Среди арабских слов есть такие, которые также обозначают названия декоративных драгоценных камней. Некоторые из них приведены и рассмотрены с точки зрения структуры и содержания: *дурр* (*durr* – жемчуг), *забарчад* (*zabarjad* – хризолит), *марҷон* (*marjān* – коралл).

Лексема *дурр* (*durr* – жемчуг, перламутр) заимствована из арабского языка и означает поделочный камень, который ещё называют большой жемчужиной [151, с. 294]:

Ҳам акнун ман он пилу он тахти оч,
Ҳамон зарру он тавку он *дурру тоҷ* (207, с. 194).
Теперь тот слон и трон из слоновой кости,
То же золото, то ожерелье, и те же *жемчуг* и корона.

Слово *забарчад* (*zabarjad* – хризолит) принадлежит арабскому языку и означает драгоценный камень [151, с. 424]:

Забарчад табақҳову пирӯза чом,
Чи аз зарри сурху чи аз сими хом (204, с. 248).
Посуда из *хризолита*, кубки из бирюзы,
Красным золотом и серебром глазурированы они.

Слово *марҷон* (*marjān* – коралл) арабского происхождения и означает одно из морских животных в форме ветвистого дерева. Широко известен как красный коралл, он используется для изготовления украшений и дорогих предметов [151, с. 646]:

Ки ман шаҳрро бар ту бечон кунам,
Зи хун дастро ҳамчу *марҷон* кунам (205, с. 186).
Для тебя я город в мертвый превращу,
И руки свои от крови в цвет *коралла* окрашу.

2) Лексемы арабского происхождения, выражающие понятия сферы ювелирного искусства, используются для обозначения названий предметов обихода: *бадра* (*badra* – кошелёк), *ҳарро* (*harrä* – уздечка), *махд* (*mahd* – сиденье на верблюде), *табақ* (*tabaq* – блюдо), *мисқол* (*misqäl* – мискаль), *қалам* (*qalat* – карандаш, перо, кисть) и т. д. Вот несколько примеров этих слов из литературных произведений IX-X веков:

Лексема *бадра* (*badra* – кошелёк) принадлежит арабскому языку и означает кошелек, сумку с динарами, сумку с драгоценностями [151, с. 129]:

Пазиро шудаш бо фаровон сипоҳ,
Ҳамон бардаву *бадраву* тоҷу гоҳ (208, с. 63).
С большим войском его с почестями встречали,
Пленников, *кошели*, корону и престол прелагали.

Зи динору аз *бадраҳои* дирам,
Зи ёқуту пирӯза аз бешу кам (205, с. 470).
Динары и *кошели*, полные дирамов,
Были и яхонты, и бирюза понемногу там.

Лексема *ҳарро* (*harrä* – уздечка) принадлежит арабскому языку и означает «инкрустированная золотом или серебром уздечка» [152, с.734]. В следующем бейте описано, что уздечка инкрустирована золотом:

Яке *бадра* динору аспи сиёҳ,
Ба *ҳаррои* заррин бифармуд шоҳ (208, с. 44).

Один кошель с динарами и черного коня
С золотой уздечкой шах потребовал для себя.

Лексема *маҳд* (*mahd* – сиденье на верблюде, паланкин) арабского происхождения и означает перекидные корзины с двух сторон верблюда, паланкин, колыбель [151, с. 620], появляется в литературных произведениях IX-X веков как заимствование, означающее данный предмет из золота:

Бигустард зарбафт бар *маҳд*-бар,
Яке ганч к-аш кас надонист мар (205, с. 35).
Положили золотое шитьё в *паланкин*,
Сокровище, которому нет равных на этой земле.

В значении золотого трона:

Ҳамон *маҳди* заррин ба дебои Чин,
Ба гавҳар биёроста ҳамчунин (204, с. 221).
Тот же *трон золотой* стоит в шелках Китая,
Украшенный камнями, в жемчугах утопая.

Лексема *табақ* (*tabaq* – блюдо, посуда) относится к названию предмета домашнего обихода, принадлежит арабскому языку и имеет значение «блюдо, большая тарелка, используемая для подачи еды»:

Забарчад *табақхову* пирӯза чом,
Пур аз нофаи мушку пур уди хом (206, с. 15).
Посуда из хризолита, кубки из бирюзы,
Запах мускуса и алоэ источают они.

Лексема *мисқол* (*misqäl* – мискаль) имеет арабское происхождение и означает единицу веса для ювелирных изделий, то есть гирька для взвешивания золотых украшений [151, с. 694].

Ду будӣ ба *мисқол* ҳар як ба санг,
Яке донаи нор будӣ ба ранг (210, с. 91).
Два камня были весом каждый в *мискаль*,
Один был цвета зернышка граната.

Слово *қалам* (*qalam* – карандаш, перо, кисть) относится к арабскому языку и означает тростинку с отточенным наконечником, с помощью которой можно писать (перо, перо из тростника), является названием инструмента, который используется для рисования золотых линий на предметах [152, с. 767].

Ду ёкут рахшон, ду наргис дижам,
Сутуни ду абрӯ чу симин *қалам* (205, с. 145).
Два рубина горят, два нарцисса гневом стреляют,
Свод бровей, серебрянные как кисти.

Лексема *луълуъ* (*lo'lo'* – драгоценная жемчужина) происходит от выражения «драгоценная жемчужина» и появляется в «Кратком словаре Шахнаме» в форме *луълуъ* (*lo'lo'*) [133, с. 91]. В литературных произведениях писателей IX-X веков это слово чаще употребляется в прямом значении:

Ҳама аз *луълуъ*ву гавҳари шоҳвор,
Ҳама аз дебои Чин саросар нигор (204, с. 349).
Все из *перлов* и царских жемчугов,
Все красуются в одеждах из китайских шелков.

В целом, в литературных произведениях IX-X веков арабские заимствования используются в определенном количестве, такими словами в основном выражаются названия предметов быта (*бадра* (*badra* – кошелек), *ҳарро* (*harrä* – уздечка), *маҳд* (*mahd* – сиденье на верблюде), *табақ* (*tabaq* – блюдо), *сандуқ* (*sandiq* – сундук), *мисқол* (*misqäl* – мискаль), *қалам* (*qalam* – карандаш, перо), *луълуъ* (*lo'lo'* – драгоценная жемчужина), названия декоративных драгоценных камней (*ақиқ* (*aqiq* – сердолик), *дурр* (*durr* – жемчуг), (*zabarjad* – хризолит), *марҷон* (*marjän* – коралл) и т. д. Они сыграли важную роль в обогащении таджикского литературного языка. В поэзии IX-X веков они используются как для выражения названий украшений, так и в экспрессивно-переносном значении. Большинство этих слов можно увидеть в сохранившихся стихах Рудаки и «Шахнаме» Фирдавси (приведено 12 бейтов).

3.1.3. Европейские заимствования лексических единиц ювелирного искусства и наименований декоративных украшений

Иранские языки, в том числе персидский, дари, тесно связаны с такими языками, как хинди, греческий и латынь, которые принадлежат к индоевропейской семье языков, «имеют исторически генеалогическое сходство, и поэтому многие исконные слова этих языков, происходящие от общих корней слов древнего индоевропейского языка, могут иметь как семантическое, так и формальное сходство» [87, с. 67]. Ещё один способ передачи заимствований из других языков через арабский язык пришел к нам в форме му'арраб (арабизмов).

1) Греческая заимствованная лексика ювелирного искусства и наименований декоративных украшений

Отношения между иранским и греческим языками восходят к периоду Ахеменидов и продолжались до периода Сасанидов. Греческая отраслевая лексика и термины заимствовались не только среднеперсидским, но и другими среднеиранскими языками. В результате завязавшихся отношений Греции и Рима с Сасанидами в среднеперсидский язык внедряются иноязычная отраслевая лексика и терминология из различных областей, которые, по сути, являются конкретными наименованиями, включая названия металлов, минералов, денежных единиц и ряда других предметов. В зависимости от внешнего вида предметов и признаков их можно включить в группу слов, обозначающих сферу ювелирных украшений. В частности, были заимствованы греческие слова, обозначающие такие предметы ювелирного искусства, как: *алмос* (*almäs* – алмаз), *сим* (*sim* – серебро), *ёқут* (*yäqut* – яхонт), *зумрад* (*zumrad* – изумруд) и т. д., которые до сих пор используются в лексической структуре таджикского языка как активная лексика.

Алмос (*almäs* – алмаз) – одно из таких слов в области ювелирных украшений, означающее *фӯлод* (*fuläd* – сталь – арабизированное *пӯлод* (*puläd*)), его греческая форма – *αδαμας*, среднеперсидская *ʾrt`š*, современная

персидская *almus*. [87, с. 56]. Словарь «Ғиёс-ул-луғот» определяет лексему *алмос* (*almäs – алмаз*) следующим образом: «Алмаз – это очень ценный прозрачный белый драгоценный камень, который на хинди называется *хира*; и кусок легированной стали, и перочинный нож, и меч, и кинжал (из «Бурхани Аджам», «Кашф» и «Бурхон» и комментария к «Нисаб» и «Муайид») [137, с. 82]. Лингвист Д. Саймиддинов, изучая лексические особенности среднеперсидского языка, дал следующие сведения о слове «*алмос*» как о лексеме из ювелирной лексики: «Пехлевийская книжная форма слова «*алмос*» (*almust*) с неэтимологическим звуком **t** в конце этого слова после согласного **s** отличается от среднемонавского персидского письма. Считается, что на письмо пехлеви (**c t**) повлиял среднеперсидский диалект, и позже он был принят в качестве нормы письма пехлеви» [87, с. 189]. Слово *алмос* (*almäs – алмаз*) на таджикском языке «имеет значение прочный, яркий и означает драгоценный камень, а также режущий инструмент, который называют алмазом» [151, с.64].

Как уже упоминалось, *алмос* (*almäs – алмаз*) – драгоценный минеральный камень, который превосходит другие редкие камни по блеску, качеству и твёрдости; что-то острое и блестящее; представляет собой драгоценный, прозрачный, твёрдый и декоративный минерал» [151, с. 65]. Слово *алмаз* (*almäs – алмаз*) часто используется в «Шахнаме» для обозначения острого инструмента, меча:

Зи теги ту *алмос* бирён шавад,
Замин рӯзи чанги ту гирён шавад (204, с. 320).
От твоего меча плавится *алмаз*,
Земля рыдает в день твоей войны.

Ту гуфтӣ, ки *алмос* марчон фишонд,
Чӣ марчон, ки дар кин ҳама чон фишонд (204, с. 420).
Тебе казалось, что кораллы изливают *алмаз*,
Те кораллы – души, умертвленные в ненастный час.

Лексическая единица *сим* (*sim – серебро*) – одно из слов в области ювелирных украшений, означающее «проволока, серебро», его греческая форма *ασημων*, новоперсидская *sim* (с сокращением звука *a* в начале слова), со среднеперсидским суффиксом *-in*: *asemin*, в новом персидском есть *simin* «проволочный, серебряный» [87, с. 190]. Слово *сим* (*sim – серебро*) в «Словаре пехлевийских гетерограмм» толкуется в его древней форме *aset* [140, с. 9].

Слово *сим* (*sim – серебро*) широко используется в поэзии поэтов IX-X веков для описания области ювелирного искусства, и эти слова также играют определённую роль в словообразовании:

Шутур дар шутур буд фарсангхо,
Зи заррину *симину* аз рангхо (208, с. 16).
Верблюды за верблюдом шли без конца,
Груженные золотом и *серебром*.

Серебро и золото:

Ба чашмаш ҳамон хоку ҳам *симу зар*,
Бузургї бад-ӯ ёфта зебу фар (204, с. 38).
В его глазах тот же прах, то же *злато и серебро*
Обрели величие свет и несметное добро.

Лексема *марворид* (*marwärid – жемчуг*) – одно из слов в области ювелирных украшений, означающее жемчуг, в греческой форме *μαργαριτης*, среднеперсидской *mwrg`r`yd*, современной персидской *murwurid*, латинской *margarita*, армянской *margarit*, *-w-* = *-γ-* юго-западная (персидская) форма [87, с. 190]. Это слово используется в переводе пехлеви стихотворения «Draxt I asurig» (глава 111) в этой известной притче: *uigin ki pir i xuk wiruz murwurid afsunind*: *иигин ки пир и ксук вируз мурворид афсунинд* «Метать бисер перед диким кабаном». Позднее эта пословица Пехлеви сохранилась в виде «метать бисер перед свиньями» [87, с. 190].

В произведениях поэтов IX-X веков слово *марворид* (*marwārid* – жемчуг) широко используется как слово из области ювелирного искусства, которое также играет определённую роль в словообразовании:

Хуккаи нобисуди *марворид*,
Аждахо баргузорӣ ту ба камӣ (201, с. 382).
Ты ларец из природного жемчуга,
Дракона поразишь скромностью своей.

Слово *ёқут* (*yāqut* – яхонт) – одно из слов в области ювелирных украшений и означает драгоценный камень, его греческая форма – *βακινυδος*, среднеперсидская – *y`kwnd*, новоперсидская – *yukand*, арабская – *yukut*, арабское заимствование в новоперсидском – *yukut*. В литературных пехлевийских произведениях есть два варианта написания этого слова: *y`knt* / *y`kndy*. Г. Ньюберг интерпретирует арабскую форму как неправильное написание *y`knt* как *y`kwt*» [87, с. 190].

В поэзии IX-X веков слово *ёқут* (*yāqut* – рубин) чаще используется как слово, имеющее отношение к сфере ювелирного искусства. С его помощью образовано несколько новых слов:

В-аз он пас ҳама ганчи шоху сипох,
Чи аз тоҷи *ёқуту* пирӯза гоҳ (205, с. 61).
И после этого все царское добро
Обратилось в *яхонт*, бирюзу и серебро.

Из красного рубина – синее небо:

Зи *ёқути* сурх аст чархи кабуд,
На аз боду обу на аз гарду дуд (204, с. 29).
Из *красного яхонта* голубого неба свод,
Не из ветра, воды, пыли и дыма был его чертог.

Лексема *зумуррад* (*zumurrad* – изумруд) является одним из слов в области ювелирных украшений и означает изумрудный драгоценный камень, а его греческая форма – *σμαραυδος*. Г. Нибберг считал пехлевийское написание этого слова результатом следующей фонетической эволюции

греческой формы: <* zmaurd <* zmagard <* zmaragd; сир. zmargdu, арабская – zumurrud, русская «изумруд» (персидское заимствование) [87, с. 190].

Слово *зумуррад* (*zumurrad* – *изумруд*) как слово греческого языка в трудах писателей IX-X веков очень активно используется в качестве понятия, выражающего оексему из сферы ювелирного искусства, и играет определённую роль в лексикологии:

Зумуррад бар ū чорсад пора буд,
Ба сабзй чу қавси кузах нобисуд (207, с. 91).
Изумрудов у него было четыреста кусков,
Зеленым светом они отливались, как радуги остов.

Желтый изумруд:

Эй сурхгул, ту буссади *зарди зумурради*,
В-эй лолаи шукуфта ақику хумоханй (201, с. 191).
О, красная роза, ты монисто, ты *желтый изумруд*,
Распустившийся тюльпан, ты – багровый сердолик.

Лексема *булур* (*bolur* – *кристалл*) – это греческое арабизированное слово, означающее камень, прозрачный, как стекло [151, с. 221]. Это слово используется в литературных произведениях писателей IX-X веков как слово для описания области ювелирного искусства:

В-ар ба *булур* андарун бибинй, гуйй:
-Гавҳари сурх аст ба каффи Мӯсии Имрон (200, с. 142).
И если всмотришься внутрь *хрусталя*, сакажешь:
- Это красный жемчуг в ладонях Мусы Имрана.

Трон с хрустальными ножками:

Яке тахти заррин *булурин*-ш пой,
Нишаста бар ū-бар чаҳонкадхудой (205, с. 41).
Трон золотой с *хрустальными* ножками стоял,
На нем правящий миром владыка восседал.

Лексема *дирам* (*diram* – *дирам*) означает монета, серебряная монета, валюта [151, т.1. с. 380] и является производным от греческого слова *drachme*

(дирам). На пехлевийском языке употреблялся как *diram* [87, с. 191]. Это слово используется в литературных произведениях поэтов IX-X веков как лексическая единица, связанная с ювелирной отраслью:

Зи динору аз бадраҳои дирам,
Зи дебову аз гавҳарон бешу кам (205, с. 353).
Динарами и кошелями, полными дирамами,
Одеждами и жемчугами все сияло.

2) **Латинские заимствования лексем в сфере ювелирного искусства:** *динор* (*dinar* – *динар*) – это арабизированное слово, латинская форма которого – *denarius*, что означает золотая монета. Это слово использовалось в среднеперсидском, или пехлевийском, языке в форме *dinor* – *динара* [151, с. 253].

Ба дебову *динору* зарру дирам,
Ба рангу ба бӯю ба бешу ба кам (205, с. 475).
Сияли одежды яркие и золото *динар*,
Цвета радуги и ароматы запахов кружили там.

Таким образом, в лексическом составе литературных произведений IX-X веков, таких, как «Диван» Абуабдулло Рудаки, стихотворения современников Рудаки, «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси и др. (в диссертации приведено около 15 бейтов) заимствования из европейских языков играют важную роль в стилистике авторской речи. Большинство из них сохранились до нашего времени в арабизированной форме.

3.1.4. Смешанная заимствованная лексика ювелирного искусства и наименования декоративных украшений (гибридные)

В формообразовании смешанных заимствованных лексических единиц ювелирного искусства и наименований декоративных украшений участвуют слова, один компонент которых относится к таджикскому языку, а другой – к греческому, арабскому и т.д. Такие лексические единицы называют смешанными или гибридными: *ёқутсанг* (*yäqutsang* – *рубин*), *зарринтобут*

(*zarrintābut* – золотые погребальные носилки), *дуррҷӯй* (*durrju* – искатель жемчуга) и им подобные.

Смешанные лексические единицы ювелирного искусства и наименований декоративных украшений в литературе IX-X веков можно разделить на следующие группы:

1) Среди смешанных лексем встречаются слова, один компонент которых таджикский, а другой – арабский. Например: *забарҷаднигор* (*zabarjadnigār* – хризолитовая корона), *дуррҷӯй* (*durrju* – искатель жемчуга) и так далее:

Кресла, украшенные хризолитом:

Яке тахти заррину курсӣ чаҳор,
Се наълайни заррин *забарҷаднигор* (206, с. 15).
Был трон один из золота и четыре кресла при нем,
Три были из золота, один светился *хризолита* огнем.

Золотая корона, инкрустированная хризолитом:

Ҳам аз тавку ҳам тахту ҳам гӯшвор,
Ҳамон тоҷи заррин *забарҷаднигор* (206, с. 40).
Все те же ожерелья, сережки и тот же трон,
Та златая корона, украшенная *хризолита* огнем.

Искатель жемчуга:

Ҳамчу ҳинду, ки ӯ бувад ғаввос,
Моғ дар об *дуррҷӯй* шудааст (204, с. 243).
Подобно индусу, что был водолазом,
Лысуха в воде стала *искателем жемчугов*.

2) Встречаются также слова, один компонент которых греческий, а другой – таджикский. Они выражают различные понятия связанные с ювелирными изделиями: *ёқутранг* (*yāqutrang* – цвета яхонта), *симрада* (*simrada* – серебро), *ёқутсанг* (*yāqutsang* – яхонт) *симдандонак* (*simdandānak* – зубы, словно жемчуг), и так далее:

Яхонтоподобные губы:

Дақиқӣ чор хислат баргузидаст,
Ба гетӣ аз ҳама хубию зиштӣ:
Лаби ёқутрангу нолаи чанг,
Маи гулрангу кеши зардуҳиштӣ (201, с. 327).
Четыре склада характера были у Дакики,
Выбирая в жизни между добром и злом:
*Яхонт*подобные губы и стоны лютни,
Зороастрийскую веру и кубок с рубиновым вином.

Зубы, как серебро:

Маро бисуду фурӯ рехт, ҳар чи дандон буд,
Набуд дандон, ло бал чароғи тобон буд.
Сапеду *симрада* буду дурру марчон буд,
Ситораи сахарӣ буду қатраборон буд (200, с. 76).
Во рту – ни единого зуба. Давно искрошились они.
Но зубы – то светочи были в мои золотые дни.
Как *серебро*, как жемчуг, они сверкали тогда,
Как перлы дождя, как светлая утренняя звезда (214, с. 13).

Губы–рубины:

Рухат дид натвонам аз оби чашм,
Сухан гуфт натвонам аз бас гаранг.
Руҳи туст хуршеду хуршед хок,
Лаби туст ёкуту ёқутсанг (201, с. 185).
Не могу увидеть лица твоего от слез в моих глазах,
Не могу сказать и слова от звона в моих ушах.
Лицо твоё солнце, но солнце пыль,
Губы твои *яхонт*, огонь которого остыл.

Блестящие (как серебро) зубы:

Симдандонаку басдонаку хандонаку шӯх,
Ки чаҳон онак бар мо лаби ӯ зиндон кард (201, с. 406).
Блестящие зубы, ум, озорство

Пленили нас и губы её.

3) Среди смешанных наименований ювелирных и декоративных украшений встречаются слова, один компонент которых таджикский, а другой – греческий. Мы нашли только один пример такого вида украшений:

Сурхёкут (*surkhyäqut* – красный рубин):

Ҳама пайкараш *сурхёкуту* зар,
Ҳама зар шуда нопадид аз гуҳар (204, с. 296).
Всё её тело цвета золота и *яхонта* жар,
Сияние золота тушит жемчуга пожар.

Сверкает, словно яхонт:

Шуда бом аз *ӯ* гавҳари тобном,
Зи тоби рухаш *сурхёкут* ном (204, с. 277).
Крыша дома от него цветом жемчуга озарилась,
От сияния его за ним имя *яхонтоподобный* закрепилось.

4) Анализу подвергнуты также лексемы и наименования декоративных украшений, один компонент которых арабский, греческий, а другой – таджикский, образованные с помощью суффиксов *-гун* (*-gon*) (*алмосгун* (*almäsgon* – словно алмаз), *-фом* (*-fäm*) *ёкутфом* (*yäqutfäm* – словно яхонт), *лаълфом* (*la'lfäm* – цвета рубина). Вот несколько примеров:

С суффиксом –гун (*-gon*):

Дурахшидани теғи *алмосгун*,
Синонҳои оҳордода ба хун (204, с. 420).
Алмазоподобные мечи, как солнце сверкали,
Острые копья реки крови проливали.

С суффиксом –фом (*-fäm*):

Биёмад аз он чойгаҳ шодком,
Рух аз хурраи гашта *ёкутфом* (204, с. 341).
С тех краев счастливым пришел он,
От радости его лицо светилось *яхонтовым* огнем.

Зи шодӣ чунон тоза шуд Золи Сом,
Ки рангаш саропой шуд *лаълфом* (204, с. 361).
От радости Заль Сом так посвежел,
Что, как *рубин*, он, воспылав, горел.

Таким образом, в лексическом арсенале поэзии IX-X веков, а именно в приведённых нами 12 бейтах из произведений «Диван» Абуабдулло Рудаки, поэзии современников Рудаки, «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси заимствованные смешанные лексические единицы и наименования декоративных украшений сферы ювелирного искусства играют определённую роль, в том числе арабские и греческие заимствования.

3.2. Лексика ювелирного искусства и наименования декоративных украшений в аспекте их структуры

Учёные, занимающиеся исследованиями и изучением государства Саманидов, единогласно пришли к мнению, что период правления династии Саманидов являлся одним из самых замечательных в истории государственности, в развитии науки, культуры и различных искусств в Центральной Азии. Неслучайно период правления Саманидов считается «золотым веком», который явился благоприятной почвой для дальнейшего процветания науки, литературного языка, общества и других сфер человеческой жизни. Наряду с изменениями исторической ситуации вернулись к жизни культурные традиции народа, что зародило новое культурное богатство.

Роль и значение государства Саманидов оценены многими учёными, в том числе исследователем А. Мухторовым: «В средние века Саманиды построили свою великую империю на территории, где сегодня есть восемь независимых государств. Каждое из них считает себя последователем великого Саманида и всю территорию этой династии приписывает своему народу. Однако во всём должна торжествовать справедливость, и нам необходимо признать, что, если бы не Сомони, сегодня вся территория Азии,

и особенно Центральная Азия, как и страны Северной Африки, были бы лишены своего родного языка и считали бы чуждый язык своим собственным. Хвала Саманидам, которые своей мудростью смогли предотвратить этот сель и сохранить язык, обычаи и традиции своей страны» [54, с.3].

Центрами науки и культуры Саманидского государства в IX-X веках стали Бухара, Самарканд, Нишапур, Тус, Герат и Худжанд. Письменность сыграла большую роль в распространении языка не только в Мавераннахре и Хорасане, где он являлся языком населения, но и в других сопредельных странах, таких, как Кавказ, Малая Азия, Северная Индия [см.: 20; 69].

Историки, лингвисты и литературоведы отмечают неопределимый вклад учёных из различных сфер истории и литературы. Так, доктор филологических наук, профессор М. Н. Касимова в своей книге «История таджикского литературного языка» даёт высокую оценку роли таджикского литературного языка эпохи Саманидов в развитии и становлении языка в целом: «В этот период язык, обретя силу и мощь в наиболее точном, глубоком и проникновенном выражении понятий и значений, поднялся до высоких стилистических позиций по красноречию, изяществу и тонкости и приобрёл законченный грамматический и лексический формат» [38, с. 45].

Академик Б. Гафуров в своей работе «Таджики» конкретно подчёркивает, что становление таджикского литературного языка неразрывно связано со становлением государственности, а именно с укреплением Саманидов или с распространением языка Саманидского государства.

Лексика таджикского литературного языка состоит из разных пластов, что является областью изучения лексикологии. Лексика таджикского языка, наряду с его письменным наследием, имеет более чем трёхтысячелетнюю историю и на протяжении веков происходило постепенное её обогащение, она обрела определённую систему и стала устойчивой. Можно добавить, что в области лексикологии ощущается связь языка с процессом мышления и духовным миром человека. Таким образом, лексикология охватывает все

аспекты жизни общества и постоянно развивается как самостоятельный раздел языкознания в целом.

Лексику ювелирной отрасли и наименования декоративных украшений по конструкции можно разделить на простые, составные, сложные и лексемно-словосочетания, и каждую из этих групп необходимо анализировать отдельно.

3.2.1. Простая лексика и простые неделимые лексемно-словосочетания ювелирного искусства и наименований декоративных украшений

Согласно установленным грамматическим правилам, простые слова состоят из одного корня и выражают основное понятие и значение. Например, слова *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг), *ёқут* (*yäqut* – яхонт), *зар* (*zar* – золото), *лаъл* (*la'l* – рубин), *тилло* (*tillä* – золото), *садаф* (*sadaf* – перламутр), *марҷон* (*marjän* – коралл), *тавқ* (*tavq* – ожерелье), *зира* (*zira* – вид ожерелья), *ақиқ* (*aqiq* – сердолик), *алмос* (*almäs* – алмаз), *беҷода* (*bijäda* – гранат), *забарҷад* (*zabarjad* – хризолит), *зумуррад* (*zumurrad* – изумруд), *лочвард* (*lajvard* – лазурит), *луълуъ* (*lo'lo'* – драгоценная жемчужина), *нуқра* (*nuqra* – серебро), *дурр* (*durr* – жемчуг), *марворид* (*marwärid* – жемчуг), *шангарф* (*šangarf* – киноварь), *анбар* (*anbar* – амбра), *бадра* (*badra* – кошелёк), *харро* (*harrä* – уздечка), *махд* (*mahd* – сиденье на верблюде), *табақ* (*tabaq* – блюдо), *сандуқ* (*sandiq* – сундук), *мисқол* (*misqäl* – мискаль), *қалам* (*qalam* – зубило, перо, кисть), *булӯр* (*bolor* – кристалл), *динор* (*dinar* – динар), *дирам* (*diram* – дирам), *сим* (*sim* – проволока).

Простые лексемно-словосочетания ювелирной отрасли можно разделить на несколько подгрупп по значению и отдельным свойствам, им присущим:

а) Лексика, относящаяся к декоративным драгоценным камням: *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг)/*гуҳар* (*guhär* – жемчуг) (арабизированная форма *ҷавҳар* (*javhar* – жемчуг), *ёқут* (*yäqut* – яхонт), *забарҷад* (*zabarjad* – хризолит), *лаъл* (*la'l* – рубин), *ақиқ* (*aqiq* – сердолик), *беҷода* (*bijäda* – гранат), *луълуъ* (*lo'lo'* – драгоценная жемчужина), *фирӯза* (*firuzä* – бирюза), *дурр* (*durr* –

жемчуг), марворид (märwarid – жемчуг), шангарф (šangarf – киноварь), лочувард (läjvard – лазурит).

В нашей стране много драгоценных камней, и их названия встречаются в литературном наследии IX-X веков, в том числе в «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси, где они широко используются, выражая как прямые, так и переносные значения.

б) Лексика, обозначающая наименования предметов золотых украшений: *зар (zär – золото), тилло (tillä – золото), садаф (sadaf – перламутр), марчон (marjän – коралл), тавқ (tavq – ожерелье), зира (zira – вид ожерелья), нуқра (nuqra – серебро), анбар (anbar – амбра), сим (sim – проволока).*

в) Лексика, относящаяся к вещам и предметам для хранения золотых украшений, а также к предметам быта, оформленным ювелиром, то есть украшенным: *бадра (badra – кошелек), харро (harrä – уздечка), ҳавдач (havdaj – паланкин), маҳд (mahd – сиденье на верблюде), табақ (tabaq – блюдо), сандуқ (sanduq – сундук).*

г) Лексика, обозначающая наименования предметов, или инструментов, облегчающих обработку ювелирных изделий: *мисқол (misqäl – мискаль), қалам (qalam – зубило; кисть), сим (sim – проволока).*

Эту группу слов, обозначающих ювелирные изделия, можно разделить на две группы в зависимости от их структуры и формы: 1) простая лексика; 2) простые неделимые лексемы.

1) Простая лексика, обозначающая слова из сферы ювелирных украшений: *зар (zar – золото), лаъл (la'l – рубин), тавқ (tavq – ожерелье), зира (zira – вид ожерелья), маҳд (mahd – сиденье на верблюде), сим (sim – проволока)* и т. д:

Бибиниш агар гоҳи зар коштан,

Набинӣ зи давлат дигар гоштан (201, с. 99).

Коль увидишь его, как он золото сеет,

Знай, что государством править не умеет.

2) Простые неделимые лексемы. В эту группу входят слова сферы ювелирного искусства таджикского и других языков. Причина, по которой их называют простыми неделимыми лексемами, заключается в том, что большинство этих слов приняло структурированную, сложную или составную форму. Со временем они утратили свою историческую структуру и более не делятся на компоненты. Среди ювелирной лексики и наименований декоративных украшений в эту группу входят следующие слова: *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг), *ёқут* (*yāqut* – яхонт), *тилло* (*tillā* – золото), *садаф* (*sadaf* – перламутр), *марҷон* (*marjān* – коралл), *ақиқ* (*aqiq* – сердолик), *алмос* (*almās* – алмаз), *бечода* (*bijāda* – гранат), *забарҷад* (*zabarjad* – хризолит), *зумуррад* (*zumirrad* – изумруд), *лоҷвард* (*lājvard* – лазурит), *луълуъ* (*lo'lo'* – драгоценная жемчужина), *нуқра* (*nuqra* – серебро), *дурр* (*durr* – жемчуг), *марворид* (*marwārid* – жемчуг), *шангарф* (*šangarf* – киноварь), *анбар* (*anbar* – амбра), *бадра* (*badra* – кошелёк), *харро* (*harrā* – уздечка), *ҳавдаҷ* (*havdaj* – паланкин), *табақ* (*tabaq* – блюдо), *сандуқ* (*sanduiq* – сундук), *мисқол* (*misqāl* – мискаль), *қалам* (*qalam* – зубило, перо), *булӯр* (*bolor* – кристалл), *динор* (*dinār* – динар), *дирам* (*diram* – дирам).

Лексема *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг) // *гуҳар* (*guhār* – жемчуг) – одно из простых слов в области ювелирных украшений и означает жемчуг, драгоценный камень [151, с. 248], а в литературных произведениях IX-X веков оно имеет свое первоначальное значение – драгоценный камень. Этот камень широко использовали для украшения:

Ларзон ба чои *гавҳар* дар чирми *ӯ* паид,
 Чонҳои душманон-ш чу зарра дар офтоб (201, с. 36).
 В его изъянах показались вместо *жемчугов*,
 Трепещущие, как пылинки на солнце, души его врагов.

Нигар, зи санг чи моя беҳ аст *гавҳари сурх*,
 Зи ҳаставона чи моя беҳ аст шуштарӣ (201, с. 214).
 Сколь дороже камня *красный жемчуг*, посмотри,

Сколь лучше неопрятного стирающий бельё.

В этом бейте слово *гавхар* (*gavhar* – жемчуг) означает камень для украшения волос:

Фуруд омад аз тахту шуд пеши ўй,

Ба *гавхар* биёроста рӯю мӯй (206, с. 28).

Сошла она с трона и явилась пред ним,

Украсив лицо и волосы *жемчугами*, с агельским обликом своим.

В следующем примере лексема *гавхар* (*gavhar* – жемчуг) используется как драгоценный камень для украшения ожерелья:

Абар пушти пилон-ш бар тахти зар,

Зи *гавхар* ҳама тавқи шерони нар (204, с. 189).

В золоченных паланкинах на спинах слонов

Восседали богатыри все в ожерельях из *жемчугов*.

В следующем отрывке лексема *гавхар* (*gavhar* – жемчуг) использована в форме *гухар* (*guhhar* – жемчуг), выражая широкое значение:

Накӯранг аспони бо симу зар,

Ба истомҳо – дар нишонда *гухар* (201, с. 258).

Небывалой окраски кони в золотых сбруях,

Седла из шкуры медвежьей все в *жемчугах*.

В приведённом ниже примере лексема *гавхар* (*gavhar* – жемчуг) и его форма *гухар* (*guhhar* – жемчуг) в «Шахнаме» имеют переносное значение, включая значение расы, поколения:

Ҳамоно, кӣ дорӣ зи гурдон нажод,

Куни пеши ман *гавҳари* хеш ёд (205, с. 283).

Поскольку ты вышел из рода богатырей,

Напоминаешь мне о *жемчужине* (крови) своей.

Зи тухми киям в-аз кадомин *гухар*?

Чӣ гӯям, чу пурсад касе аз падар? (205, с. 201).

Из какого семени, из какого *жемчуга* я?

Что сказать, если спросят о моём отце?

Пашанг он ки пури бародар-ш буд,
Наход аз гаронмоя *гавҳар-ш* буд (204, с. 176).
Поскольку Пашанг был сыном брата его,
Род был самым дорогим *жемчужом* для него.

В следующем бейте лексема *гавҳар* (*gavhar* – *жемчуг*) означает «мудрый царь» «знатного, благородного происхождения»:

Нахустин яке *гавҳар* омад ба чанг,
Ба дониш зи оҳан чудо кард санг (204, с. 50).
Первую *жемчужину* он добыл,
Знанием своим железо от камня отделил.

В следующем примере лексема *гавҳар* (*gavhar* – *жемчуг*) означает «ум, сознание, знание»:

Чу фазли мир Абулфазл бар ҳама маликон,
Чу фазли *гавҳару* ёкут бар набахра пашиз (200, с. 122).
Просвещенный, как эмир Абулфазл, над другими эмирами стоял,
Как *жемчуг* граненый, превосходство над другими камнями держал.

В другом стихе лексема *гавҳар* (*gavhar* – *жемчуг*) означает характер, нрав, душевный склад:

Халқ зи хоку зи обу оташ боданд,
В-ин малик аз офтоби *гавҳари* Сосон (200, с. 144).
Весь род людской из воды, огня и ветра сотворен,
Этот правитель – *жемчужина* рода Сосон.

В следующем стихе лексема *гавҳар* (*gavhar* – *жемчуг*) означает самое высокое, самое значимое, самое ценное слово:

Сухан гуфтаву ногуфта чун *гавҳар* аст,
Кучо нобисуда ба банд андар аст (205, с.260).
Слово, сказанное и несказанное, *жемчугу* сродни,
Если не к месту сказал, в силках окажешься ты.

В другом стихе лексема *gavҳар* (*gavhar* – жемчуг) означает богатство:

Агар шоядӣ бурдан ин раҳ ба сар,
Ба мардиву ному ба ганчу *гуҳар* (205, с.44).
Если надобно этой жизни путь достойно пройти,
Благородно, в достатке и *жемчугов* не теряя, живи.

Ҳамоно ба кон-андарун зар намонд,
Ба дарё-дарун низ *гавҳар* намонд (204, с.392).
В прииске не осталось золота.
В реке не осталось *жемчуга*.

Ещё одна простая лексема в сфере ювелирного искусства – *ёқут* (*yāqut* – *яхонт*), которая в «Словаре таджикского языка» описывается следующим образом: «Яхонт – хорошо известный драгоценный камень, существует четыре его основных вида: чистый, пурпурный, оранжевый и розовато-красный [151, с. 408]. Это слово ювелирной сферы широко используется в «Шахнаме» и других литературных произведениях IX-X веков. В этих стихах поэт описывает чрезмерное украшение царевича яхонтами:

Зи *ёқут* тоҷу зи пирӯза гоҳ,
Гуҳар бофта бар чулайли сиёҳ (205, с.165).
Яхонтом и бирюзой украшают корону порой
Те, кто ценит себя слишком высоко.

В следующих бейтах лексема *ёқут* (*yāqut* – *яхонт*) используется для описания украшения женского тела и одежды:

Ба мушку ба анбар сараш бофта,
Ба *ёқуту* гавҳар танаш тофта (204, с. 272).
Мускусом и амброй насолив, волосы сплела,
Яхонтами и жемчугами украсила тело она.

Биёрстандаш ба дебои зард,
Ба *ёқуту* пирӯзаву лочвард (205, с. 347)

В златые одежды облачили его,
Украшив *яхонтами* и хризолитами всего.

В этом бейте лексема *ёқут* (*yäqut* – *яхонт*) использована для выражения значения украшения сосуда:

Зи *ёқут* чоме пур аз мушки ноб,
Зи пирӯза дигар яке пургулоб (205, с. 132).
Один вином был полон кубок *яхонтовый* его,
Другой же, бирюзовый, полон розовой водой.

В следующих бейтах лексема *ёқут* (*yäqut* – *яхонт*) вместе со словами *дурр* (*durr* – *жемчуг*) и *садаф* (*sadaf* – *перламутр*) означает признак предмета, то есть красный *яхонт*:

Дигар эзадй ҳар чи боист буд,
Яке сурх *ёқут* буд нобисуд (205, с. 347).
Всё другое, что божественным было, имел,
Был и *яхонт красный* – красоты предел.

Гирифта яке чом ҳар як ба каф,
Пур аз сурх *ёқуту* дурру садаф (204, с. 335).
Каждый в руку кубок свой взял,
Полный *красных яхонтов*, жемчугов и кристаллов.

Ранги он лолаи рухони ту кард.
Ранги *ёқути* ман ба гунаи коҳ (201, с. 121).
Цвет твоих розовых щек, что было сил
Цвет моего *яхонта* в солому превратил.

Лексема *ақиқ* (*aqiq* – *сердолик*) принадлежит арабскому языку и означает разновидность драгоценного камня, имеющего красновато-оранжевый цвет. В словарях приводится в форме вставляя *сердолик*, то есть означает украсить им что-либо. В переносном значении обозначает признак, т.е. красный, алый в форме *лабони ақиқ* (*labān-i aqiq* – *алые губы*), *ақиқи*

Яман (aqiq-i Yaman – знаменитый йеменский красный сердолик), чоми ақиқ (jät-i aqiq – чаша из сердолика, аквамариновые чаши (аллегория чаши с красным вином) [151, с. 89]. В следующем стихе Фирдавси отражает это значение:

Маю мушку анбар баромехтанд,
Ақиқу забарчад фурӯ рехтанд (204, с. 277).
Вино, мускус и амбру смешали,
Пурпурный *сердолик* в сталь подмешали.

В этом бейте великий Фирдавси использует для описания картины украшения чего-то или кого-то, показывает трепетное отношение людей, которые занимаются декорированием, к обычаям, традициям, государственности. Действительно, это описание придало важный и особый статус содержанию всемирно известного произведения «Шахнаме» через слова, выражающие королевские украшения, и свидетельствовало о высочайшем красноречии автора.

Еще одна простая лексема в области ювелирного искусства в литературных произведениях IX-X веков – слово *алмос (almäs – алмаз)*, означающая драгоценный минеральный камень, превосходящий другие редкие камни по яркости, качеству и твердости. Это слово, относящееся к области ювелирного дела, используется в лексической структуре таджикского языка как в прямом, так и в переносном смысле. В буквальном смысле это драгоценный камень, а в переносном – всё острое и яркое. Третье значение – стеклорез. Другими словами, *алмос (almäs – алмаз)* – один из самых драгоценных минеральных камней, он чрезвычайно твердый, прозрачный и переливающийся. В шедевре «Шахнаме» эти слова употребляются в следующем значении:

Сила и твёрдость:

Ту гуфтӣ, ки *алмос* чон дораде,
Ҳамон гурзу найза забон дораде (204, с. 213).
Казалось, что в *алмаз* душа стала течь,

Что палица и копье обрели речь.

Ещё одна простая лексема в области ювелирного искусства и наименований декоративных украшений IX-X веков – арабское слово *бадра* (*badra – кошелёк*), определяемое в словаре в значении кошелёк, кошелек для монет. Это слово устарело и используется в исторических трудах как архаизм:

Се ёкути рахшону се *бадра* зар,
К-аз Эрон фиристода будаш падар (205, с. 222).
Три сверкающих яхонта и три *кошеля* из золота,
Что из Ирана отец послал когда-то.

Другая простая лексема в области ювелирного искусства в литературе IX-X веков слово *бечода* (*bijāda – гранат*), принадлежащее таджикскому языку, определяется в словаре как минерал, разновидность красного или желтого камня, похожего на *рубин*, обладает признаками янтаря [154, с. 206]. По своей структуре слово относится к простым неделимым словам:

Севум ҳафта чун корҳо гашт рост,
Маю чому ёкуту *бечода* хост (205, с. 129).
Как только на третьей неделе дела в гору пошли,
Просил беспечно вина, кубок и *рубины* принести.

Зи пирӯза тахту зи *бечода* тоҷ,
Сари тоҷ дур, пояи тахт оч (205, с. 229).
Трон бирюзовый с *грантовой* короной
И из слоновой кости подножье трона.

Лексема *булӯр* (*bolor – кристалл, хрусталь*) по строению простое неделимое слово, и ниже приведены несколько примеров из IX-X веков, в которых данное слово используется для описания символа престола (трона) и других предметов в прямом значении:

Яке тахти зарин *булӯрин-ш* пой,
Нишаста бар *ӯ-бар* чаҳонкадхудой (205, с. 41).

Трон золотой с *хрустальными* ножками стоял,
На нем правящий миром владыка восседал.

Майи лаългунро ба чоми *булӯр*,
Бихӯрданд, то дар сар афтод шӯр (204, с. 382).
В кубках *хрустальных* выпили столько вина,
Что, захмелев, кругом пошла голова.

Таким образом, в литературных произведениях IX-X веков лексические единицы ювелирного искусства и наименования декоративных украшений, простые по структуре использовались для создания образов, описания пейзажей и явлений, изображения исторических событий, одежды и других предметов быденной жизни, а также как метафоры, иносказания и другие художественные средства в прямом и в переносном значении, некоторые из которых мы проанализировали и рассмотрели выше в (30 бейтах из «Шахнаме» Абулкасима Фирдавси, Абуабдулло Рудаки и его современников).

3.2.2. Составная лексика ювелирного искусства и наименований декоративных украшений

Согласно анализу экспертов, в формировании составной лексики в таджикском языке большую роль играют аффиксы (приставки и суффиксы). Корни и аффиксы являются основными элементами составных слов. В отличие от корня аффиксы, не имеют значения по отдельности, их конкретная роль отражается именно в структуре слова. Многозначность аффиксов реализуется в составе различных слов, однако их полисемичность не надо смешивать с оморфемами. Не только основы, но и аффиксы становятся многозначными (полисемия) и однозначными (омофонами).

3.2.2.1. Лексические единицы, связанные с ювелирной сферой, образованные с помощью приставок

Роль приставок в лексикологии ювелирной отрасли очень значительна. С помощью приставок могут быть образованы новые конструкции; подобный тип словообразования обладает специфическими особенностями и внутренними возможностями, в основном за счет комбинации корневых слов (двухсложных и трехсложных), и некоторые из этих слов выполняют функцию аффиксов (суффиксы и префиксы). В таджикском языке все самостоятельные части речи – существительные, глаголы, прилагательные, наречия – могут быть объединены для образования новых значений и понятий. Участие изафетной связки в глагольных конструкциях, приставок и суффиксов в начале и конце простых и сложных слов даёт широкие возможности для расширения диапазона слов в языке. Поэтому ещё одним источником появления составных существительных остаются простые компоненты. Согласно правилам словообразования составных слов, к простым компонентам существительных присоединяются приставки и суффиксы, в результате чего образуются составные существительные. Составные существительные в ювелирном искусстве охватывают группу слов, состоящих из корней и аффиксов. На основании собранных материалов выяснилось, что группа аффиксов активно участвует в формировании специфических лексем в области ювелирного искусства и наименований декоративных украшений изучаемого литературного наследия. Очевидно, что образование существительных с помощью аффиксов – «относительно обычное явление в лингвистике и особенно в таджикском языке» [101, с. 25].

Составная лексика, включающая приставки и суффиксы, образует группу новых слов. Лексикология ювелирной отрасли содержит в своём составе лексемы, образованные следующим образом:

а) С помощью приставки *бе-* (*be-*) от существительного образуются качественные прилагательные, выражающие признаки или свойства предмета:

Бад-ӯ гуфт Гев: «Ин сухан ранч нест,

Агар ҳаст ҳам ранч, *беганч* нест» (206, с. 405)

Сказал Гев ему: «Нет обиды в этих словах,

А если есть обида, от них *польза* одна»

б) С помощью приставки *бо-* (*bä-*) от существительного образуются качественные прилагательные, выражающие признаки или свойства предмета или человека. [101, с.67]:

Ҳар он чо, ки буд мехтаре *боғуҳар*,

Ҳама пеш рафтанду бар хок сар (206, с. 67).

Везде, где был *влиятельный* мудрец,

Все шли за ним, готовые жизнь отдать вконец.

В ходе анализа литературного наследия IX-X веков выяснилось, что префиксы играют важную роль в образовании слов в области ювелирного искусства. В литературном наследии этого периода участие префиксов в формировании лексики ювелирной отрасли незначительно. Используются только приставки *бе-* (*be-*) и *бо-* (*bä-*), не столь продуктивные при образовании слов, относящихся к декоративному искусству.

3.2.2.2. Суффиксальный способ образования ювелирной лексики и наименований декоративных украшений

Исследование на основе данного типа составных существительных в литературных произведениях IX-X веков позволяет выявить наиболее распространенные и повторяющиеся элементы ювелирного искусства, их основы, суффиксы, а также префиксы, образующие существительные. Составные существительные, относящиеся к ювелирной сфере, образуются в основном с помощью суффиксов *-а* (*-a*), *-гун* (*-gon*), *-анда* (*-anda*), *-вор* (*-vär*), *-ин* (*-in*), *-ина* (*-ina*), *-вар* (*-var*), *-ї* (*-i*), *-фом* (*-fäm*), *-дон* (*-dän*), *-он* (*-än*) и т.п.

а) Суффикс *-а* (*-a*): этот суффикс участвовал в образовании ряда слов в области ювелирного искусства литературы IX-X веков. Исследователи отметили существование этого суффикса в средневековой литературе в структуре группы составных слов. В частности, профессор М. Н. Касимова отмечает этот суффикс в текстах IX–X веков и подчеркивает, что «суффикс =

a (-a) образует существительное и причастие» [38, с. 148]. В учебнике вузов республики «Современный таджикский литературный язык» об этом суффиксе высказывается следующее мнение: «С помощью суффикса -a (-a) от прилагательных и существительных образуются существительные места» [154, с. 142]. Учёные выявили наличие этого суффикса в структуре ряда слов, связанных с ювелирным искусством, подчеркнув, что он равен суффиксу -a (-a) современного таджикского языка [101, с. 28]. Этот суффикс очень продуктивен и образует существительные из разных частей речи; в литературных произведениях IX-X веков образует уподобительные существительные слова: *ёра* (*yära* – *браслет*), *браслет* – украшение, и диапазон его использования ограничен. *Ёра* (*yära* – *браслет*) в поэтических произведениях IX-X вв. выражается словами *дастбанд* (*dastband*), *дастпона* (*dastpāna*), относящимися к ювелирной отрасли. Согласно сведениям в словаре, слово *ёра*, являющееся ювелирной лексемой, происходит от слова *ёр*. *Ёр* رَی основа настоящего времени от *ёрастан*» [153, с. 156]. *Ёра* رَی I *кн. браслет* [153, с. 157]. По сведениям из упомянутого словаря, слово *ёра* (*yära* – *браслет*) состоит из компонента *ёр* и суффикса -a и выражает значение «браслет». В ниже приведённых примерах слово *ёра*, как отмечалось, используется в значении «браслет», сформировавшись в группе лексики, выражающей лексические единицы ювелирного дела с помощью компонентов *ёр* и -a:

Магар модарат бар сар афсар надошт,
 Ҷамон *ёраву* тавку зевар надошт? (212, с. 63).
 Разве твоя мать не носила корону,
 Разве не было у неё *браслетов*, колец и украшений?

В следующем бейте имеет первоначальное значение:

Ҷамон *ёраву* тавку ин гӯшвор,
 Ҷам ин чомаи зарру гавҳарнигор (212, с. 22).
 Все те же *браслеты*, ожерелья, серьги и трон,
 Все ту же одежду золотую в камнях имел он.

Синонимом *ĕra* (*yära*) является лексема *дастбанд* (*dastband* – *браслет*), которая означает силу, способность, терпение, выносливость, храбрость и имеет широкий спектр применения [151, с. 138].

Бузургони кишвар-ш бо *дастбанд*,

Кашиданд саф пеши кохи баланд (204, с. 365).

В *браслетах* великие мужи его страны

Выстроились пред дворцом, согнув спины свои.

Из прилагательных данный суффикс образует существительное, которое выражает предметы по их признаку: *фирӯза* (*firuzā* – *бирюза*), *пирӯза* (*piruzā* – *бирюза*) и т. д.

Дару дашт бар сони дебо шудӣ,

Яке тахти *пирӯза* пайдо шудӣ (204, с. 40).

Как одежды золотые засияли поля и луга,

Появилась основание трона *бирюзового* издалека.

Как известно, это слово составное, состоит из компонента *фирӯз* (*firuz* – *арабизированное пирӯз* (*piruz*), 1. успех, победа, триумф; 2. счастливый, благополучный; *бахти фирӯз* (*baht-i firuz* – *перен. огромное счастье*); *рӯзи фирӯз* (*ruz-i firuz* – *счастливый, благополучный день*); *фирӯз будан* (*firuz budan* – *достичь успеха, быть победителем*; *фирӯз шудан* (*firuz šudan* – *достичь успеха, победить, завоевать*) и суффикса **-а**, образовавшего существительное сходства. Необходимо сказать, что *пирӯз* (*piruz*)//*фирӯз* (*firuz*) означает “победа яркого света над беспросветностью и невежеством”. Слова *пирӯз* (*piruz*), *пирӯзӣ* (*piruzi*) приводятся в словарях в значении победа, триумф и успех, с помощью суффикса **-а** они обрели форму *пирӯза* (*piruzā*) // *фирӯза* (*firuzā*), и, как мы отмечали, означают 'драгоценный сверкающий камень', которым инкрустируют серьги, кольца, короны и другие ювелирные изделия.

Хиромон шудам пеши он арчманд,

Яке тахти *пирӯза* дидам баланд (204, с. 189).

Грациозно пред тем благородным предстал,

Трон высокий из *бирюзовых* камней увидал.

Суффикс *-анда* (*-anda*), образует причастие на основе глагола настоящего времени: в приведённом ниже отрывке слово *рахшанда* (*сверкающий, ослепительный*) в форме причастия выражает ювелирную лексику. Это слово образовано из компонента *рахш*, толкуемого в словарях в значении «блеск, сияние, сверкание», и суффикса *-анда*, очень продуктивного в словообразовании, выражая значение «сверкающий, ослепительный, испускающий свет, блестящий»: *рахшанда* (*сияющий, сверкающий, блестящий, излучающий яркий свет*), *рахшидан* (*сиять, сверкать, блестеть, излучать свет*), *рахшон* (*блестящий, сияющий, сверкающий*), *рахшондагӣ* и др. [154, с. 155].

Сиёвуш чу андар шабистон расид,

Яке тахти заррини *рахшанда* дид (205, с. 359).

Сиявуш, когда к гарему прискакал,

Трон золотой, *сияющий* увидал.

Суффикс *-вор* (*-vār*) образует существительное от существительного, выражающего название женского украшения *гӯшвор* (*gušvār – серьги*):

Або ёраву тавку бо *гӯшвор*,

Ба даст андарун гурзаи говсор (206, с. 364).

С браслетом, ожерельем и *серьгами*

Он палицу с бычьей головой держал руками.

Бад ӯ гуфт Биндуй, ки ин тоҷи зар,

Маро деҳхам ин *гӯшвору* камар (212, с. 64).

Биндуй сказал ему: «Венец златой, что на тебе,

Серьги и пояс свой отдай же ты мне».

Этот суффикс может быть присоединен к существительному *шоҳ* (*šāh – царь*). Тогда он образует прилагательное, обозначающее признак предмета:

Биёвардамаш афсаре зарнигор,

Яке ҳалқа пургавҳари *шоҳвор* (204, с. 297).

Тут один воин с видом благим

Подавал ему серьги *царские* и был непоколебим.

Суффикс *-ин (-in)* в конце существительного образует относительное прилагательное.

Пурандеша аз тахти *заррин* бирафт,

Ба сӯи шабистон хиромид тафт (205, с. 372).

В задумчивости он с трона *золотого* сошел,

Неспешно в сторону гарема пошел.

Чавон аз бари тахти *заррин* нишаст,

Гирифта яке дасти Рустам ба даст (205, с. 9).

Юноша рядом с тронном *златым* предстал

И руку Рустама с почтением взял.

Суффикс *-вар (-var)* непродуктивен, образует существительные:

Фузун боядам низ аз эшон хунар,

Чахончӯй бояд сари *точвар* (205, с. 42).

Обязан обучиться я у этих великих полководцев всему,

Носитель короны должен знать всё, что происходит в мире.

Чу Рустам падар бошад ман писар,

Ба гетӣ намонад яке *точвар* (205, с. 224).

Лишь я и мой прославленный отец

Достойны на земле носить *венец*.

Суффикс *-ина (-ina)*. Этот суффикс малопродуктивен, образует существительные и встречается только в конструкции слов *ганчина (ganjina – сокровище)*, *заррина (zarrina – золотой)*, обозначающих основное место богатства и изобилия, а также сделанный из золота:

Зи бас гуна-гуна синону дурафш,

Сипарҳои заррину *зарринакафш* (205, с. 268).

Море копий и волны трепещущих знамен,

Щитов *золотых* было поднято за царский трон.

Биёвар сипоҳу дирафши маро,
Ҳамон тахту *заррина* кафши маро (205, с. 303)
Доспехи и знамя моё принеси,
Мой трон и *златые* сапоги.

Суффикс *-он (-ān)*. Этот суффикс образует множественное число существительных. Мы не можем включить его в группу формобразующих суффиксов. Ш. Рустамов отмечал суффикс *-он (-ān)* (*-гон (-gān)*, *-ён (-yān)*, *-вон (-vān)*) в классической литературе в форме множественного числа одушевлённых существительных. В следующем бейте суффикс *-он (-ān)* используется в форме множественного числа неодушевлённого существительного, то есть *гавҳарон (gavharān – жемчужины)*:

Зи оғоз бояд, ки донӣ дуруст,
Сари мояи *гавҳарон* аз нахуст (204, с. 26).
Изначально тебе надлежит точно знать
Источники *богатств*, которыми владеет знать.

Бад-ӯ гуфт, к-«Эй шуста мағз аз хирад,
Ба *пургавҳарон* ин кай андар хӯрад (204, с. 308).
Ему сказал: “О ты, кто разума лишился
И в шкуру *богатеев* облачился”.

Суффикс *-гун (-gon)*. Этот суффикс менее продуктивен и в следующих бейтах от существительного образует прилагательное.

лаългун (la'lgon – означает красное):

Майи *лаългунро* ба чоми булӯр,
Бихӯрданд, то дар сар афтод шӯр (204, с. 382).
В кубках хрустальных выпили столько *красного* вина,
Что, захмелев, кругом пошла голова.

Суффикс *-vard* (*-vard*). Суффикс используется для выражения признака предмета:

Бар оини шоҳон яке дахма кард,
Чи аз зарри сурху чи аз *ложвард* (204, с. 224).
По царским законам построил склеп
Из красного золота и *хризолитовых* плит.

Суффикс *-fom* (*-fām*). В качестве суффикса используется для выражения цвета: *сиёҳфом* (*siyāhfām* – чёрный, тёмный), *лаълфом* (*la'lfām* – алый, ёқутфом (*yāqutfām* – красный):

лаълфом (*la'lfām* – выражает значение «рубиновые губы»):

Бад-ин чора то он лаби *лаълфом*
Кунем ошно бо лаби писари Сом (204, с. 269)
В поисках попыток, чтоб те *рубиновые* уста
Соединить с губами сына Сома на века.

Суффикс *-gar* (*-gar*). Этот суффикс малопродуктивен и с его помощью образуются существительные:

заргар (*zargar* – ювелир), изготавливающий украшения из золота и серебра. В литературных произведениях IX-X веков употребляется слово *заргарӣ* (*zargari* – ювелирный, обозначающее ювелирное искусство):

Сурху сапеду лаълу кабуду бунафшу зард,
Наврӯз кард бар гули садбарг *заргарӣ* (201, с. 113).
Красным и белым, рубиновым, синим и голубым
Навруз, как *ювелир*, окрасил розу дыханием своим.

Таким образом, в литературных произведениях IX-X веков малопродуктивных суффиксов больше, чем продуктивных. На примере около 25 бейтов из произведений Рудаки, его современников и из «Шахнаме» Фирдавси можно сделать вывод, что суффиксы *-vor* (*-vār*) (*шоҳвор* – *šahvār* – шахский, царский), *гӯшвор* (*gišvār* – серьги), *-фом* (*-fām*), *лаълфом* (*la'lfām* – алый), *ёқутфом* (*yāqutfām* – красный), *-гун* (*-gon*) *лаългун* (*la'lgon* – рубиновый), *алмосгун* (*almāsgon* – алмазный) широко используются в

классической таджикской литературе и активно участвуют в словообразовании. В связи с развитием языка в современном литературном языке сфера их использования ограничилась. Суффикс *-ин (-in)* не утратил своего диапазона употребления и широко используется в современном литературном языке. Особенность суффиксов в том, что они влияют на семантику слова, хотя являются словообразующими и поясняют суть ювелирных лексем.

3. 2. 3. Сложные слова ювелирной отрасли

Сложные слова в истории таджикского языка формируются на основе методологических закономерностей среднеперсидского и древнеиранского языков. Однако в этот период эти формы развивались в соответствии с особенностями таджикского языка и его структуры, о чём свидетельствует большое количество сложных слов в произведениях данного периода. «Формы сложных слов, наряду с другими способами словообразования нового персидского языка, изучались учёными В. С. Расторгуевой [1954], Т. Д. Чхеидзе [1969], В. С. Расторгуевой, Е. К. Молчановой [1981]. В этих источниках обсуждаются самые простые и популярные формы с несколькими примерами. Всестороннее изучение этой темы в среднеперсидском языке в сопоставительном плане с древнеиранскими формами и в дальнейшем в современном персидском языке требует отдельного рассмотрения. В этом разделе, с целью выявления места сложных слов в формировании словаря, ставятся следующие вопросы:

- метод образования сложных слов в словообразовательных формах;
- роль отдельных элементов в формировании лексических конструкций;
- улучшение некоторых ранее изученных шаблонов» [87, с. 111].

Сложные слова, связанные с ювелирной сферой, широко распространены в таджикском языке и с древних времён были одним из основных инструментов и методов продуктивного словообразования в этой области. Сложные слова состоят из двух и более слов и семантически

образуют лексическую единицу языка с единым значением: *зарринсипар* (*zarrinsipar* – золотой *щит*), *зарринситом* (*zarrinsitām* – золотая конская *сбруя*), *зарринниём* (*zarrinniŷāt* – ножны *меча*, украшенные золотом), *зарринлаҷом* (*zarrinlajām* – золотая *уздечка*), *фирӯзаранг* (*firuzarang* – цвета *бирюзы*, араб. небесно-голубой), *зарринкулоҳ* (*zarrinkulāh* – золотая *шапка*), *забарҷаднигор* (*zabarjadniġār* – хризолитовая *корона*), *зарринтабар* (*zarrintabar* – золотой *монор*), *гавҳарнигор* (*gavharniġār* – украшенный *жемчугом*), *ёқутранг* (*yāqutrang* – красный, как *яхонт*), *зарринпайкар* (*zarrinpaykar* – золотая *статуя*), *зарнигор* (*zarniġār* – позолоченный), *зарринакафш* (*zarrinakafš* – золотая *обувь*, *туфли*), *зардӯз* (*zarduz* – *златошвей(ка)*), *зарнош* (*zarraš* – рассыпающий *золото*), *зарринкуб* (*zarrinkub* – *инкрустированный золотом*), *зарбафт* (*zarbaft* – *золототканый*), *покизагуҳар* (*pākizaguhar* – *чистый жемчуг*)...

Сложные слова в таджикском языке бывают двух типов: сложные слова сочинительного типа и сложные слова подчинительного типа. Сложные слова, компоненты которых независимы, называются сложными словами сочинительного типа. Эти формы сложных слов имеют древнюю историю и, по словам лингвиста Д. Саймиддинова, их можно встретить в среднем периоде развития истории нашего языка. В связи с этим в своей работе он выразил следующее мнение: «Судя по наследию древнеиранских языков такой метод [в х.б. лексеме *dvandva*] не был широко распространён в словообразовании. В авестийском языке он наблюдается в некоторых словах. В древнеперсидской литературе он отсутствует вовсе. Возможно, причиной служит то, что эта форма не использовалась в древнеперсидском языке (*заб.фор.* қад.), была ограниченность письменных произведений на этом языке и особенность их стиля письма. Использование копулятивных форм в среднеперсидском и более ранних древнеиндийских и авестийских языках доказывает, что этот метод словообразования не является чем-то необычным для древнеперсидского. Эта форма также не распространена в среднеперсидском языке и ограничена примерами группы слов: а) путём

соединения двух и более существительных без каких-либо средств связи: *gow-meš* (говмеш – буйвол), *gow-mohig* (говмоҳи – морская корова), *ustar-gow-palang* (зарофа – жираф), *ruz-šabon* (шабу рӯз, шабонарӯз – день и ночь, сутки); его другие формы: *ruzag-šabon*, *šabon-ruz*, затем в н.п. *šabonaruz*; тот же порядок компонентов в названии этих понятий на древнеперсидском языке: *xšaravo rausa-pativa*, *х.б.: xšaras ... ušras*; б) два синонимических существительных с соединительным союзом: *xon ud ton* (хонумон – дамы), *dom ud dahiš* «создание»; в) от двух противоположных качеств: *sard-garm* (бахор – весна)» [87, с.112].

1) Сложные слова сочинительного типа в области ювелирного искусства в литературных произведениях IX-X веков не встречаются, поэтому в этой главе мы ограничились двумя-тремя историческими фактами и примерами. Стоит отметить, что некоторые исследователи, в том числе Т.Д. Чхеидзе, выражения *Abestog-Zand* (Авестою Занд – Авеста и Занд) *taxt-goh* (чоу хоб – спальное ложе) относят в копулятивной форме. В пехлевийских произведениях *Abestog ud Zand* упоминается как два понятия, связанные сочинительным союзом, каждое из которых имеет самостоятельное значение «Авеста» и его пехлевийский перевод «Занд». В сложном слове *taxt-goh* компонент *goh* означает «место» и используется в качестве названия места как определительного элемента этой лексической конструкции. Это слово используется в той же форме при построении иных сложных существительных. Например, *bolingoh* (чоу хоб – спальное ложе), *odurgoh* "очаг, место огня" и т.д.; г) путём объединения двух основ глагола: основы прошедшего и настоящего времени глагола на примере *raxt – ranj*, означающего «страдание, невзгоды» (парфиянская форма на среднемонавском персидском языке) от *raxt* (глагол *raxtan* «огорчаться») и *ranj* – основа глагола настоящего времени инфинитива от каузативной формы *ранж* – основание времени. Настоящее время этого глагола происходит от каузативной формы (*ranjonidan* «ранчонидан» обижать, огорчаться) [87, с. 112].

2) Сложные слова подчинительного типа ювелирной отрасли. В таджикском литературном языке образование сложных слов подчинительного типа в области ювелирного искусства является одним из основных способов деривации, обогащающих и совершенствующих лексическую структуру языка. В этом типе словообразования оба или один из его компонентов всегда является существительным и как основной компонент сложного существительного: *зарриннамуд* ((*zarrinnamud* – золотоподобный), *зарринситом* (*zarrinsitām* – золотая конская сбруя), *зарринкамар* (*zarrinkamar* – золотой пояс), *зарринсипар* (*zarrinsipar* – золотой щит), *зарринкулоҳ* (*zarrinkulāh* – золотая шапка), *зарринакафш* (*zarrinakafš* – золотая обувь, туфли), *забарчаднигор* (*zabarjadnigār* – хризолитовая корона), *зардӯз* (*zarduz* – золотошвей(ка)),...:

Ба зарринамуду ба зарринкамар,

Замин карда хуршедгун сар ба сар (204, с. 183).

С поясом, сияющим светом золотым,

Землю сделал подобной солнцу от края до края.

Ба зарринситому ба зарринкамар,

Ба симинрикобу ба зарринсипар (204, с. 221).

С золотой сбруей лошади и поясом золотым,

С серебряными стремями и щитом золотым.

Лексические единицы *зарринкамар* (*zarrinkamar*) и *зарриннамуд* (*zarrinnamud*), *зарринситом* (*zarrinsitām*) использованы в форме сложных слов, одним из компонентов этих слов является относительное прилагательное, а другим – существительное. В толковых словарях эти слова не встречаются, в подобной форме они использованы только в литературных произведениях IX-X веков. Эти сложные слова с компонентом *заррин* (*zarrin*) можно использовать в словарях, которые будут составлены позже.

Яке точи пургавҳари шоҳвор,

Яке тавқи заррин забарчаднигор (204, с. 255).

Была корона на нем с царскими жемчугами,
Ожерелье золотое, с хризолитовыми камнями.

Сложные слова подчинительного типа ювелирной сферы делятся на две группы в соответствии с семантическими отношениями, существующими между их компонентами:

1) Сложные слова, первая составляющая которых подчинена второй: *гавхарнигор* (*gavharnigär* – украшенный жемчугом), *ёкутранг* (*yäqutrang* – красный, как яхонт), *покизагухар* (*räkizaguhar* – чистый жемчуг), *гавхарбор* (*gavharbär* – рассыпающий жемчуг), *зарнигор* (*zarnigär* – позолоченный), *забарчаднигор* (*zabarjadnigär* – хризолитовая корона):

Зи ёкуту аз гавхари шохвор,
Зи дебову аз точи *гавхарнигор* (206, с. 41).
От яхонтов и царских жемчугов
Сияли одежды его и *жемчужный венец*.

В этом примере слово *гавхарнигор* (*gavharnigär* – украшенный жемчугом) представляет собой сложное подчинительное слово, основной компонент которого – *нигор* (*nigär* – корона, венец), а компонент *гавхар* (*gavhar* – жемчуг) является подчинительным и означает жемчужный венец. В приведённом ниже примере сложное слово *ёкутранг* (*yäqutrang* – цвета яхонта) входит в группу слов ювелирной отрасли, относится к сложным подчинительным словам и выполняет функцию определения:

Лабии *ёкутрангу* нолаи чанг,
Маи гулрангу кеши зардухиштӣ (201, с. 327).
Яхонтовые губы и стоны (чанга) лютни,
Зороастрийская вера и кубок с рубиновым вином.

2) Сложные слова, второй компонент которых семантически и синтаксически подчинён первому компоненту: *зартор* (*zartär* – ткань из золотых волокон):

Ҳавои содабоф аз мавчи анвор
Паранди хештанро дид *зартор* (205, с. 239).

Нежный ветерок, вьющийся от волны света,
Увидел свой полет, в *золотых* лучах согретый.

В обоих случаях особенностью данных слов является то, что один компонент – атрибут (определение), поясняет важные признаки предмета и явления. В современном таджикском литературном языке сложные подчинительные слова ювелирного искусства, одним из компонентов которых является изъяснительный атрибут, по своей грамматической структуре разнообразны.

Встречаются сложные слова, оба компонента которых существительные, первый компонент является атрибутом (изъяснительным) второго и по содержанию подчиняется ему. «Эта группа составных слов (*compositaterminativa*, *tatpuruša*, *karmadharaya*) по связям компонентов отличается от сочинительной группы. В подобных словах один компонент связан с другим, и их словообразование основано на тесной связи компонентов. Этот метод является одним из наиболее распространённых в построении сложных слов в древнеиранских языках, таких, как древний хинди. Этот подход основан на древнеиранских фундаментальных моделях среднеперсидского языка и получил более широкое распространение» [87, с. 56].

Среди рассматриваемых слов можно отметить сложные слова, связанные друг с другом с помощью двух или более корней, образующих новые значения. Корневой компонент состоит из разных частей речи и образует сложные слова сочинительного и подчинительного типов.

Лексема *зарнайкар* (*zarraukar*) означает статую, и *зарринкамар* (*zarrinkamar*) – пояс – *предметы из золота*:

Парирӯй бар зан дирам барфишонд,
Ба курсии *зарнайкараш* барнишонд (204, с. 296).
Ангелоподобная дождь из золота пролила,
На трон *украшенный золотом*, с почетом усадила.

Ки омад або хальату точи зар,
Або ахду маншуру *зарринкамар* (204, с. 249).
Женщина, что в одежде и короне золотой пришла,
С письмом доверительным и в *златом поясе*.

Слова, относящиеся к сложным прилагательным ювелирной сферы, образуются с помощью существительных и глаголов:

Забарчаднигор (*zabarjadniġär* – хризолитовая корона):

Яке таhti заррин *забарчаднигор*,
Ниҳоданд бар пилу чангисавор (206, с. 280).
Поставили трон золотой, *отделанный хризолитом*,
На спины слонов боевых, закрепив тесьмой.

Зарнигор (*zarniġär* – позолоченный, украшенный золотом):

Сўйи хонаи *зарнигор* омаданд,
Бад-он маҷлиси шоҳвор омаданд (206, с. 160).
К дому, *украшенному золотом*, пришли,
Всем сокружением царским они подошли.

Зардор (*zardär* – человек, у которого есть золото, владеет собственностью, богатый, богач):

Зи *зардорон* калиди зар гирифтӣ,
Зи айшаш куфлитангӣ баргирифтӣ (205, с. 234).
Когда у скряг *златопьяных* ключи от казны отбирают,
Потеряв покой и сон они желчью страдают.

В литературном наследии IX-X веков отраслевая лексика ювелирного искусства и наименования декоративных украшений сложной формы используются в двух типах, которые, в свою очередь, делятся на несколько подгрупп по участию частей речи:

От существительного и основы настоящего времени глагола образуется сложное прилагательное, относящееся к ювелирной сфере – *гавҳарнигор* (*gavharniġär* – украшенный жемчугом):

Нишаст аз бари тахти зар шаҳрёр,
Ба сар – бар яке точи *гавҳарнигор* (206, с. 286).
Сидя рядом с золоченым тронем, царь
Себя в короне из *жемчугов* увидал.

От прилагательного и существительного образовано сложное существительное – *зарринкулоҳ* (*zarrinkulāh* – *золотая шапка*):

Парастор чанде ба *зарринкулоҳ*,
Ситода ҳама моҳрух пеши шоҳ (206, с. 171).
Гуру с десятком в *золотых шапках* учениками
Стояли у царского трона с хвалебными словами.

От существительного и основы прошедшего времени глагола образовано сложное существительное – *зарбафт* (*zarbaft* – *золототканый*):

Бигустард *зарбафт* бар маҳд - бар,
Яке ганҷ к-аш кас надонист мар (205, с. 35).
Паланкин *золотой* материей покрыл,
Он светился золотом, которого никто не видел.

Таким образом, в художественных текстах изучаемого периода сложные по структуре слова, выражающие область ювелирного искусства, делятся на два типа – сложные слова сочинительного типа и сложные слова подчинительного типа. В свою очередь, было бы целесообразно семантически и синтаксически разделить сложные слова, где первый компонент подчиняется второму (*гавҳарнигор* (*gavharnigār* – *украшенный жемчугом*), *ёқутранг* (*yāqutrang* – *красный, как яхонт*), *покизагуҳар* (*rākizaguhar* – *чистый жемчуг*). Такие примеры мы показали в бейтах (14 бейтов) из произведений Рудаки, его современников и Фирдавси.

3.2.4. Лексемы-словосочетания в сфере ювелирного искусства и наименованиях декоративных украшений

В таджикском языке функционируют словосочетания, образованные на основе наименований профессий ювелирной сферы в прошлом. Эти

наименования в основном являются собственными именами и представляют собой названия лавок, магазинов и определённых локаций: *тоқии Саррофон* (*toqi-i Sarrāfān* – тюбетейка Саррофон), *кохи ҷавоҳирот* (*kākh-i javāhirāt* – дворец ювелирных изделий), *тахти Ҷамшед* (*takht-i Jamšed* – трон Джамшеда), *маҳаллаи заргарон* (*mahalla-i zargarān* – махалля ювелиров), *маҳаллаи тиллофурӯшон* (*mahalla-i tillāfurūshān* – махалля торговцев золотом), *тоҷи заррин* (*tāj-i zarrin* – золотая корона), *мағозаи Ақиқа* (*magoza-i aqīqa* – магазин Ақиқа), *дӯкони ҷавоҳирот* (*dukān-i javāhirāt* – ювелирный магазин), *бозори заргарон* (*bāzār-i zargarān* – базар ювелиров), *кӯчаи Саррофон* (*kiča-i Sarrāfān* – улица Саррофон), *нигини бадахшӣ* (*nigin-i badakhši* – бадахшанский камень), *маҳаллаи мисгарон* (*mahalla-i misgarān* – махалля медников), *гузари нуқрафурӯшон* (*guzar-i nuqrafurūshān* – переулок торговцев серебром), *луълуи макнун* (*lu'lu'-i taknun* – жемчужина в нераскрытой раковине), *тавқи заррини забарҷаднигор* (*tavqi zarrin-i zabarjadnigār* – золотое ожерелье с хризолитом), *тоҷи Кис* (*tāj-i Kis* – корона Киса, императора), *гавҳари сурх* (*gavhar-i surkh* – красная жемчужина) и так далее.

Приведём несколько примеров этой группы ювелирных слов из литературных произведений IX-X веков и проанализируем их с точки зрения семантики:

Нигини бадахшӣ (*nigin-i badakhši* – бадахшанский камень) – драгоценный камень на кольце. Другое значение данного словосочетания – перстень, печатка, на которых вырезана печать власти и символ шахской власти. В переносном смысле *зери нигин будан* (*zer-i nigin bodan*) – быть под чьим-то контролем. Под понятием *нигини бадахшӣ* (*nigin-i badakhši*) подразумевается бадахшанский рубин:

Нигини бадахшӣ бар ангуштарӣ,

Зи камтар ба камтар харад муштарӣ (201, с. 152).

Бадахшанский рубин перстень украшал,

Какого до этого никто не видал.

Луюлу макнун (lo'lo'-i taknop – жемчужина в нераскрытой раковине); а) сверкающий жемчуг; б) в переносном смысле означает слёзы. Макнуна (taknopa – это книжное слово, означающее «скрытый»); дурри макнун (durr-i taknop) – это драгоценная жемчужина, содержащаяся в нераскрытой раковине, особо драгоценная вещь, выражается в форме словосочетания-лексемы сферы ювелирного искусства:

Сиву ду дона луюлу макнун

Зери ду лолабарг дорй, ох (201, с. 121).

Тридцать два жемчуга имеешь ты,

Что во рту твоём, словно белые цветы.

Гавҳари сурх (gavhar-i surkh – красная жемчужина): драгоценный камень, жемчуг или драгоценный камень красноватого или розового цвета. Согласно древним представлениям, жемчуг – это камень, который постепенно образуется из капли дождя в раковине; жемчуг – это драгоценный камень:

Нигар, зи санг чи моя беҳ аст гавҳари сурх,

Зи ҳаставона чи моя беҳаст шуштарй (201, с. 214).

Посмотри, лучше камня красная жемчужина,

Лучше плохая лошадь, чем совсем без нее.

Ёқути сурх (yāqut-i surkh – красный яхонт). Используется в форме словосочетания, означающего красный или красноватый драгоценный камень:

Гӯй Худой ду рухи ӯ аз гул офарид,

Бо доягон-ш дод ба ёқути сурх шир (201, с. 425).

Будто Бог две щеки её создал из роз,

Кормилицам её подарив из яхонтов молоко.

Словосочетание *сарӣ наргиси тоза аз зарру сим (sar-i nargis-i täza az zarru sim)* в переносном значении означает корону Хусрава из золота и серебра:

Қадаҳ гир чандею дунё магир,

Ки бадбахт шуд, он ки дунё гирифт.

Сари наргиси тоза аз зарру сим,

Нишони сари точи Кисро гирифт (201, с.115).

Пей вино, но владеть миром не стремись,

Ведь тот, кто мир завоевал, загубил свою жизнь.

Венчик свежего нарцисса из золота и серебра,

Стал символом венца короны Киса.

Корона Киса – это золотая корона Хусрава Парвиза Сасани, одного из царей Сасанидов, а титул Кис – арабизированное слово Хусрав.

Ёқут (yaqut – яхонт) и ёқутсанг (yāqutsang – яхонтовый камень) означают драгоценный камень – яхонт, который в бейте в переносном смысле означает алые губы:

Рухи туст хуршеду хуршед хок,

Лаби туст ёқуту ёқутсанг (201, с. 185).

Лицо твоё солнце, а солнце –пыль,

Губы твои словно яхонтовый камень.

Ганчу симу зар гуволидан (ganju simi zar guvālidan) – раздавать сокровища, богатство, серебро и золото – значит жить свободной и бескорыстной жизнью:

Бузургон ганчу симу зар гуволанд,

Ту аз озодагӣ мардум гуволий (201, с. 52).

Кто богатством владеет, у того на грош познаний,

Кто познаниями владеет, у того богатства мало.

Чаҳоргавҳар (čahārgavhar – четыре драгоценных камня). В этой ювелирной лексической единице Абулалои Шуштари выделяет четыре одинаковых типа драгоценных камней, которые имеют переносное значение и используются для художественного описания (имеется в виду «наделён необыкновенными качествами»):

Биёвар он, ки гувоҳӣ диҳад зи чом, ки ман

Чаҳоргавҳарам андар чаҳор чой мудом:

Зумуррад андар токам, ақиқам андар гужб,
Сухайлам андар хум, офтобам андар чом (201, с. 111).
Приведи того, кто засвидетельствует на вине, что я
Обладаю *четырьмя качествами* в четырех местах всегда:
Я –изумруд на ветке лозы, я –жемчуг во рту,
Я –звезда Сухайл в вине и солнце в кубке.

Зарди зумуррадӣ (zard-i zumirradi – изумрудно-жёлтый) используется для передачи сходства или уподобления для выражения переносного значения:

Эй сурхгул, ту буссади *зарди зумуррадӣ*,
В-эй лолаи шукуфта ақику хумоҳанӣ (201, с. 191).
Эй, красный цветок, ты как *изумрудно-жёлтые* бусы,
Эй, цветущий тюльпан, пурпурный и кроваво-жёлтый.

Лаби ёқутранг (lab-i yāqutrang – губы цвета яхонта) в контексте передаёт сходство или уподобление для выражения переносного значения:

...*Лаби ёқутрангу*... нолаи чанг (201, с. 327).
... *Яхонтоподобные* губы и стоны лютни.

Чамоли гавҳарогинат (jamāl-i gavharāginat) выражает сходство или уподобление для выражения переносного значения:

Чамоли гавҳарогинат чу заррин қиблаи тарсо,
Гухар ба м-ёни зар – андар чунон чун буд рахшо (201, с. 336).
Твоя красота, *подобная жемчугу*, словно место поклонения,
Жемчуг среди золота, сверкающий, как солнце.

Гавҳари сурх (gavhar-i surkh – красная жемчужина, драгоценный камень) – в текстах данного периода встречается в значении сходства или олицетворения в переносном значении:

Дини ман хусравист, ҳамчу маям,
Гавҳари сурх чун диҳам ба чамаст (201, с.373).
Моя религия царская, я сам как вино,
Красный рубин как я могу отдать, кому не суждено

Ақиқи сурх (aqiq-i surkh – красный сердолик) – обозначает сходство или олицетворение в переносном значении:

Миёни мо ду тан омехта ду гуна сиришк.
Чу луълуе, ки кунӣ бо *ақиқи сурх* ҳамол (201, с.391).
Между нами два тела слились, две слезинки.
Словно жемчужина, *подобная красному сердолику*.

Ҷоми заррин (jät-i zarrin – золотая чаша, кубок) – сходство для выражения переносного значения, в значении «дар»:

Ба пеш овар он *ҷоми заррин*, ки давлат
Ҳаме гул фароз орад аз санги мрамар (201, с. 397).
Поднеси ближе ту *золотую чашу*, что щедро
Одарит цветами из мраморного камня.

Ганҷи гавҳар (ganj-i gavhar – драгоценный жемчуг) – на основе сходства в значении «богатства», «казна»:

Бар рӯзи базми вай аз *ганҷи гавҳараш* бигрӣ,
Ба рӯзи разми вай аз ахтари адӯш биханд (201, с. 419).
В день пира его *богатство*, *жемчуга* бери без слов,
В день ратного боя его смейся над слезами врагов.

Ноқиди ҳар гавҳар (näqid-i har gavhar – человек, определяющий подлинность жемчуга) – сходство или олицетворение для выражения переносного значения:

З-он *ноқиди ҳар гавҳар*, з-он кошифи ҳар роз,
К-аз ратл ҳамехандад, чун барқ ба шабгир (201, с. 425).
Он открывает тайны, как определяют *подлинность жемчуга*,
Он смеётся над кубком вина, как гроза над рассветом.

Дебои гавҳар (debä-i gavhar – жемчужный шёлк) – сходство или олицетворение для выражения переносного значения:

Дашт чун *дебои гавҳар* карду оху чавқ-чавқ,
Истода омада берун ба сахроҳо зи танг... (201, с. 431).
Когда степь оделась в *жемчужное платье* и вздохнули олени,

Застоявшиеся, как будто на просторы степи вырвались они.

Киштии заррин (*kišti-i zarrin* – золотой ковчег, корабль) – сходство или олицетворение для выражения переносного значения:

Ба сони *киштии заррин* хаме хиромад, к-аш,

На ҳеҷ гурсунагию на ҳеҷ ранҷу калол (201, с. 433).

Подобно *золотому кораблю* плывет уж давно,

Будто ему ни голод, ни усталость узнать не дано.

Итак, лексика ювелирных украшений в форме ювелирных лексем-словосочетаний, используемых в литературных произведениях IX-X веков, в количественном отношении достаточно велика. Как правило, она употребляется в переносном значении, то есть выполняет художественно-экспрессивную функцию, например, при описании красоты губ, волос и стана возлюбленной, материала, из которого сделаны трон, корона, одежда солдат и воинов и тому подобное.

Выводы

Слова современного таджикского языка очень различаются по этимологии. В лексической структуре нашего языка, наряду с исконно таджикскими словами, которых не так много, мы можем назвать большое количество слов, заимствованных из других языков. Кроме заимствований из того или иного языка, в том числе исконно арабских слов, в лексическую структуру нашего языка входит ещё группа слов, заимствованная из разных языков мира. Такие слова называются «муарраб», т. е. арабизированными, а их совокупность известна как арабизмы». Арабизированная лексика, заимствованная таджикским языком, имеет не только греческую, латинскую, хинди и другие этимологии, есть также слова из персидско-таджикского. Подобные слова, относящиеся к ювелирной отрасли, можно сгруппировать таким образом: 1) арабизированные таджикские слова; 2) греческие арабизмы; 3) латинские арабизмы.

Состав исконно таджикских слов существенно отличается исторически, и среди них, наряду со словами, принадлежащими к индоевропейскому пласту, есть также общеиранские и таджикские слова. Самая существенная часть этой группы происходит от древних общеиранских слов, которые также сохранились в современных иранских языках. Отраслевые слова, связанные с ювелирным искусством, широко использовались в литературных произведениях IX-X веков, таких, как «Диван» Абуабдулло Рудаки, поэзия современников Рудаки, «Шахнаме» Хакаима Фирдавси и других, которые использовались как в прямом, так и в переносном значении. Употребление данных лексических единиц сыграло важную роль в обогащении таджикского литературного языка. Среди исконно таджикских слов, выражающих значение отраслевых слов ювелирного искусства, есть слова *бечода* (*bijadä* – гранат), *гавҳар* (*gavhar* – жемчуг), *зар* (*zar* – золото), *заррин* (*zarrin* – золотой), *пирӯза* (*piruza* – бирюза) и другие. Такие слова в литературных произведениях IX-X веков используются как для выражения значений декоративных украшений, так и в переносном смысле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В литературном наследии IX-X веков отраслевая лексикология ювелирного искусства считается лучшим образцом материала классического таджикского литературного языка и используется для отражения разных периодов жизни, обычаев, символов государственности и других понятий. В результате изучения и анализа ювелирных лексических единиц выявлено, что эта группа слов в литературных произведениях IX-X веков употребляется в прямом и в различных переносных значениях. В результате проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы и заключения:

1. В литературном наследии IX-X веков отраслевая лексика ювелирного искусства и наименования декоративных украшений широко используются как в прямом, так и в переносном значении и сыграли важную роль в обогащении таджикского литературного языка этого периода.

2. Отраслевая лексика ювелирной сферы чаще всего используется в дошедших до наших дней произведениях Рудаки и «Шахнаме» Абулқасима Фирдавси. В основном в этих произведениях отражалась жизнь царей и места их обитания или нахождения (дарбор (darbār – дворец), қасришоҳӣ (qasr-i šāhi – шахский дворец) и т.д., а также дворцовые ритуалы и этикет (встреча гостей, гостеприимство, одежда, проведение дворцовых церемоний).

3. Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений, связанные с военной амуницией занимают особое место в истории таджикского литературного языка и используются в художественных текстах IX-X веков для отражения мира, войны, раздоров как в прямом, так и в переносном значении: найзаи дурафш (naiza-i durafš – блестящее копье), хӯди заррин (khud-i zarrin – золотой шлем), зарринсипар (zarrinsipar – золотой щит), зарринситом (zarrinsitām – золотая конская сбруя), зарринниём (zarrinniyām – золотые ножны меча), зарринлаҷом (zarrinlajām – золотая уздечка), тири алмоспайкон (tir-i almāspaykān – стрелы алмазных дротиков) и др.

4. Ювелирная лексика и наименования декоративных украшений сферы государственного управления также занимают определённое место в литературном наследии IX-X веков. Они сыграли огромную роль в

обогащении словарного состава таджикского языка и используются до сих пор: ганҷ (ganj – сокровище), дебо (debä – газ – тонкая шелковая ткань), дирафш (dirafš – стяг), сика (sika – монета), тахт (takht – трон), тоҷ (täj – венец), шоҳ (šäh – царь) и т.д.

5. В лексической структуре таджикского языка определённую группу отраслевой лексики сферы ювелирного искусства и наименований декоративных украшений составляют слова, имеющие отношение к повседневной жизни, в которую входят названия: домашней утвари (ташт (tašt) – большая медная чаша, корд (kärd) – нож); обуви и слов, относящихся к этой сфере (кафш (käfš – обувь, туфли, мӯза (muza) – сапоги); предметов украшения (дастбанд (dastband) – браслет); головных уборов (тоҷ (täj) – венец, кулоҳ (kuläh) – шапка, шлем) и т.д.

6. Заимствования, наблюдавшиеся в результате прямых и опосредованных языковых и культурных связей, являются одним из основных способов обогащения лексической структуры таджикского языка и отраслевой лексики в сфере ювелирного искусства. Большинство рассмотренных в данном исследовании заимствований ювелирной лексики являются структурными компонентами отраслевой лексики и используются в соответствии с нормами таджикского языка.

7. В литературных произведениях IX-X веков слова сферы ювелирного искусства, относящиеся к арабской лексике, использовались как названия драгоценных камней: ақиқ (aqiq – сердолик), дурр (durr – жемчуг), забарҷад (zabarjad – хризолит), марҷон (marjan – коралл) в прямом и в переносном значениях и сыграли важную роль в обогащении таджикского литературного языка. В лексическом составе литературных произведений X века заимствования в сфере ювелирного искусства, относящиеся к европейским языкам, играют определённую роль, и большинство из них пришло к нам через арабский язык в виде арабизмов.

8. Лексическая структура того или иного языка повлияла не только на исконные слова, но и на заимствованную из других языков лексику

таджикского языка, однако не смогла нивелировать его древние черты и самобытность. Напротив, лексическая структура таджикского языка стала намного богаче и сильнее за счёт как родных, так и заимствованных слов.

9. В литературных произведениях IX-X веков малоупотребительные суффиксы встречаются чаще, чем широкоупотребительные, и можно сделать вывод, что суффиксы –вор (-vār): (гӯшвор (gušvār – серьги), шоҳвор (šāhvār – царский), -фом (-fām): (лаълфом (la'lfām – подобно рубину), ёқуtfoot (yāqutfām – яхонтовый), -гун (лаългун (la'lgon – рубиноподобный, красный), алмосгун (almāsgon – алмазный) в классической таджикской литературе широко использовались для образования слов ювелирной отраслевой лексики. Суффикс –ин (-in) не утратил своего значения и сферу употребления, с его помощью образован ряд слов, обозначающих материал, из которого выполнено ювелирное украшение (заррин (zartīn – золотой), симин (simīn – серебряный), мисин (mīsin – медный), нукрагин (nuqragīn – серебряный). Он также широко используется в современном таджикском литературном языке.

10. В литературных произведениях IX-X веков встречаются сложные слова сферы ювелирных украшений, подчинительного типа – как те, в которых первый компонент подчиняется второму (гавҳарнигор (gavharnigār – украшенный жемчугом), ёқутранг (yāqutrang – красный, как яхонт), покизагуҳар (pākizaguhar – чистый жемчуг), фирӯзаранг (firuzarang – бирюзовый), так и те, в которых второй компонент синтаксически и семантически подчиняется первому (зардӯз (zarduz – златошвей(ка), зарфурӯш (zarfuruš – продавец золота, зартор (zartār – ткань из золотых волокон).

11. Лексем-словосочетаний, используемых в литературных произведениях IX-X веков, в количественном отношении достаточно много, чаще всего они употребляются в переносном значении, то есть для художественного описания, например, красоты губ, волос и стана возлюбленной, материала, из которого изготовлены трон, корона, одежда солдат и воинов и т.п.

12. Данную отраслевую лексику необходимо изучать, поскольку она составляет значительную часть языковой системы и без нее будет неполным

представление о языке и истории говорящего на нем народа. Настоящая проблема, безусловно, представляет интерес с точки зрения лексикологии, когнитивной семантики, теории текста, семиотики, лингвокультурологии, этнолингвистики.

Приложение 1

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ав.- авестой - авестийский	
ак.- аккодй - аккодский	
ар.- арабй - арабский	
арам.-арамей - арамейский	
афғ.-афғонй (пашту) – афганский	(пушту)
бал.-балучй - белуджский	
барт.-бартангй - бартангский	
бохт.-бохтарй - бактрийский	
вах.- вахонй - ваханский	
ванҷ. қад. - ванчи қадим – древний	ванджский
гел.- гелонй - геланский	
дар.- дарй - дари	
заб.фор.қад.- забони форсии қадим	– древнеперсидский
лот.- лотинй - латинский	
порс.- порсй - персидский	
порс. м.- порсии миёна –	среднеперсидский
порс. м.- порсии миёна	
санск.- санскритй - санскрит	
суогд.- согдийский - суғдй	
турк.- туркй – турецкий- тюркский	
тот.- тотй - тотский	
тот.чан.-тотии чанубй южно-	тотский
тоҷ.- тоҷикй - таджикский	
ум.эрон.-умумиэронй -	общеиранский
ӯзб.- ўзбекй - узбекский	
форс.кл.-форсии классикй –	классический персидский
ҳ.б. – хиндии бостон –	древнеиндийский

Краткий глоссарий ювелирных терминов литературы

IX-X веков

Абранчан (abranĵan) // **баранчан** (baranĵan) – золотое или серебряное кольцо, которое женщины носят в качестве украшения на руках или ногах.

Айёра (ayära) – разновидность золотого или серебряного браслета, на котором выгравирован дракон, что придаёт привлекательность украшению.

Айёргир (ayärgir) – мастер по росписи браслетов из золота и серебра.

Акик (aqiq) – сердолик, разновидность драгоценных камней красноватого и оранжевого цвета, из которых ювелиры создают всевозможные украшения.

Алмос (almäs) – алмаз – драгоценный минеральный камень, который превосходит другие редкие камни по блеску, качеству и твёрдости. Ювелиры делают из него самые разные украшения.

Алокаи зар (aläqa-i zar) – золотой браслет.

Ангуштарин (anguštarin) / **Ангуштарй** (anguštari) – кольцо, металлический ободок, надеваемый на пальцы рук в качестве украшения (с драгоценным камнем и без; перстень).

Ангуштарини тангачашм (anguštarin-i tangačaşm (букв. кольцо с узкими глазами) – кольцо, в которое вместо камушка вставляется монета.

Ангуштарини чашмакдор (anguštarin-i čaşmakdär) – кольцо с камушком. В разных регионах в зависимости от формф носит названия «пашшахона» (paššakhäna), «панчарадор» (panjaradär), «бодомча» (bädämča), «офтобак» (äftäbak).

Арабак (arabak) – кольцо из золота или серебра, украшенное самоцветами и драгоценными камнями. Прикрепляется к носу.

Бандак (bandak) – булавка, шпилька, заколка, золотой или серебряный предмет, украшенный драгоценными камнями.

Барг (barg) – лист – вид рисунка в ювелирном искусстве.

Баргак (bargak) – женское украшение из золота и серебра в виде листьев, расшитых драгоценными камнями.

Барги тилло (barg-i tillä) – золотой листик, серьга или подвеска, кулон из золота в форме листа.

Бечот (bijät) // **бечода** (bijäda) – красный (иногда янтарный) гранат, который используется для украшения.

Гаварса (gawarsa) – разновидность женских украшений.

Гавхар (gavhar) – жемчуг, разновидность драгоценного камня.

Гавхарӣ (gavhari) – тот, кто определяет чистоту и пробу камня, полирует жемчужину и вставляет её в украшение.

Гавхаркаш (gavharkaš) – золотой или серебряный браслет с разными драгоценными камнями.

Гавхарнигор (gavharnigär) – инкрустированное жемчугом ювелирное изделие, украшенное драгоценными камнями.

Газан (gazan) – разновидность ювелирных украшений и изделий из меди.

Гард (gard) – мелкий бисер.

Гоҳ (gäh) – особый сосуд, в котором плавят золото или серебро.

Гулакҳалқа (gulakhalqa) – разновидность маленьких круглых сережек, украшенных разноцветными кораллами и бисером.

Гулҳалқа (gulhalqa) – разновидность серёжек.

Гурсум (gursum) – изящный волнистый рисунок, которым украшают ювелирное изделие.

Гӯшвор (gušvär) – дорогие серьги – подвески ручной работы, обычно из 10-12 кулонов, украшенных драгоценными камнями разных цветов, которые вешают на свадьбах и праздничных церемониях.

Дуастара (duastara) – женское украшение, серебрянное с одной стороны и золотое с другой.

Дугурда (dugurda) – небольшая золотая или медная пластинка.

Зағорабандак (zagärabandak) – разновидность золотого или серебряного ожерелья

Зангулазира (zangulazira) – золотые или серебряные серёжки с подвесками в форме колокольчиков.

Занчиргар (zanjirgar) – мастер по изготовлению золотых и серебряных цепочек.

Зар (zar) – золото, благородный металл жёлтого цвета.

Заргар (zargar) – мастер по изготовлению изделий из золота и серебра, ювелир.

Заргарӣ (zargari) – ювелирное искусство.

Заргудоз (zargudāz) – плавильщик золота.

Заргӯшвор (zargušvār) – сережки, украшенные золотой росписью и разноцветными камнями.

Зардӯз (zarduz) – златошвей(ка).

Зардӯзӣ (zarduzi) – то, что сшито золотыми нитями; профессия златошвейки.

Камарча (kamarča) – застёжка, золотая или серебряная булавка, предназначенная для закрепления платка к тюбетейке.

Камчинмарчон (kamčīnmarjān) – красные коралловые бусы.

Каназира (kanazira) – разновидность золотых или серебряных серёжек.

Канчак (kančak) – разновидность женского украшения из разноцветного бисера.

Кап (kap) – инструмент в ювелирном и медницком ремесле.

Капахалқа (kapaħalqa) – разновидность серёжек.

Катмона (katmäna) – разновидность женского украшения, изготовленного из золота или серебра в виде треугольника или четырёхугольника.

Колраво (kälravä) – янтарь, драгоценный камень (для украшения серёжек, ожерелий и колец).

Корчуб (kärjub) – конусообразный инструмент, используемый ювелирами.

Қоштилло (qäštillä) – разновидность золотого или серебряного украшения, инкрустированного разноцветными драгоценными камнями, которым невесты и девушки повязывают лоб.

Қўлтуктўмор (qultuqtumär) – женское украшение из серебра или золота в форме тумора (оберега), который привязывают в области подмышек.

Марворит (marwärit) / **марворид** (marwärid – жемчуг) – разновидность драгоценного камня беловатого цвета.

Марчон (marjän) – коралл, разноцветный драгоценный бисер (в основном красного цвета).

Манчалак (manjalak) – металлический ювелирный инструмент, с помощью которого золото помещают в огонь.

Нигинакурутак (niginaqurutak) – мелкий декоративный бисер, изготовленный из драгоценных камней в форме фасоли.

Нуқл (nuql) – чистые, без примесей золото, бронза, медь и серебро.

Нуқра (nuqra) – серебро.

Нуқрабанд (nuqraband) – всё, что украшено серебром.

Нуқрабарг (nuqrabarg) – разновидность серебряных серёжек, в форме листочка.

Нуқрабаргак (nuqrabargak) – то же, что и **нуқрабарг** (nuqrabarg).

Нуқрабаст (nuqrabast) – то же, что и **нуқрабанд** (nuqraband).

Нуқравор (nuqrawär) – то же, что и **нуқрагун** (nuqragon).

Нуқрагин (nuqragin) – серебряный.

Нуқрагун (nuqragon) – серебристый.

Нуқрадавонӣ (nuqradaväni) – серебрение (процесс нанесения тонкого слоя серебра на поверхность изделий).

Нуқрадор (nuqradär) – содержащий серебро.

Нуқракор (nuqrakär) – мастер по изделиям из серебра; инкрустированный серебром.

Панҷқатор (panjqtätär) – золотая или серебряная подвеска, инкрустированная драгоценными камнями, обычно состоящая из пяти рядов.

Понча (päpča) – золотое или серебряное женское украшение, похожее на листок или миндалевидной формы.

Сару рӯ (saru ru) – все женские украшения в целом (ожерелья, серьги, браслеты, кольца).

Сархора (sarkhāra) – большая булавка из золота или серебра для украшения волос (для закрепления платка к тюбетейке).

Сўзанқубба (suzanqubba) – большая булавка из золота или серебра, инкрустированная орнаментом, бисером и драгоценными камнями.

Тагсумба (tagsumba) – специальный инструмент с медным, золотым или иным наконечником для проделывания отверстий или резки.

Танакор (tanakār) – вещество, используемое при пайке цветных металлов.

Хўла (khula) – сплав металлов (из смеси меди, бронзы).

Ҳайкал (haikal) – украшение из серебра, с бирюзой или лазуритом, которое вешают на шею.

Ҳақик (haqiq) – сердолик, драгоценный камень.

Ҳалқа (halqa) – серьги.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. НАУЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Абаев, В. И. Сравнительно-историческое иранское языкознание / В.И. Абаев // Очерки по истории изучения иранских языков. – М., 1962. – С. 3 – 8.
2. Абуали ибни Сино. Осори мунтахаб: (иборат аз 10 чилд). Чилди 1. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 477 с.
3. Абуали ибни Сино. Осори мунтахаб: (иборат аз 10 чилд). Чилди 2. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 560 с.
4. Абурайхон Беруни. Собрание сведений для познания драгоценностей. Минерология // Беруни Абурайхон. – Л., 1963. – 125 с.
5. Азизӣ, Б. Чамъбасти кенгоши илмии тоҷикони Ўзбекистон / Б. Азизи // Роҳбари дониш., – 1930. – № 2 (29), февраль. – С. 25-31.
6. Айни, С. Ҳукумати шурой ба мо чӣ дод? / С. Айни // Шўълаи инқилоб. – 1919. – № 24, 15 дек.
7. Анварӣ, С. Вожаҳои низомӣ дар «Шоҳнома» / С. Анварӣ. – Душанбе: Маориф, 1994. – 117 с.
8. Байзоев, А. Истилоҳот ва калимасозӣ дар «Донишнома»-и Абӯалӣ ибни Сино. / А.Байзоев. – Душанбе: «Андалеб», 2016. – 196 с.
9. Баротов, Р. Сангҳои гаронбаҳо ва ороишии Тоҷикистон / Р. Баротов. – Душанбе, 2005. – 112 с.
10. Бердиева, Т. Калька как способ обогащения терминологии таджикского языка / Т. Бердиева. // Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общественных наук. – 1979. – № 4. – С. 21-29.
11. Бердиева, Т. Лингвистические и экстралингвистические причины арабских заимствований в таджикском языке (по материалам прессы 20-х г.). – Душанбе: Ирфон, 1971. – 180 с.
12. Бердиева, Т. Назарияи иқтибос. / Т. Бердиева. – Душанбе, 1991. – 245 с.
13. Берунӣ, А. Осор – ул – боқия / А. Берунӣ. – Душанбе: Ирфон, 1990. – 432 с.
14. Бобомуродов, Ш., Мухторӣ З. Лугати мухтасари истилоҳоти лингвистӣ / Ш. Бобомуродов, З. Мухторӣ. – Душанбе: Маориф, 2016. – 120 с.

15. Бурхонова, Ҳ. Баъзе хусусиятҳои семантикии лексикаи соҳаи кулолӣ / Ҳ. Бурхонова // Мактаби советӣ. – Душанбе, 1982. – №1. – С. 19-21
16. Бурхонова, Ҳ. Оид ба лексикаи соҳаи кулолӣ / Ҳ. Бурхонова // Забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1980. – С. 69 – 77.
17. Виноградов, В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. / В. В. Виноградов. – М., 1975. – С. 10 – 120.
18. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ. 1. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 356 с.
19. Гулназарова, Ж. Меронимия ё ҷузъвожагӣ дар достони «Юсуф ва Зулайхо»-и Абдурраҳмони Ҷомӣ / Ж. Гулназарова // Илм ва фановарӣ. – Душанбе: Сино, 2014. – С. 9-13.
20. Гафуров, Б. Тоҷикон. Ҷ. 1 – 2 / Б. Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1998. – С. 485 – 490.
21. Гафуров, Р. Элементҳои иқтибосии лексикаи туркӣ дар таркиби луғавии забони тоҷикӣ / Р. Гафуров. // Мактаби советӣ. – 1973. – №4. – С. 20 – 23.
22. Давлатбеки Хоча. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миёна / Хоча Давлатбек. – Душанбе, 1998. – 150 с.
23. Джамshedов, П., Мирбобоев А. Иранистика / П. Джамshedов, А. Мирбобоев. – Душанбе, 2017. – 120 с.
24. Додихудоев, Р. Х., Герценберг Л. Г., Таърихи забони тоҷикӣ / Р. Х. Додихудоев, Л. Г. Герценберг. – Душанбе: Маориф, 1988. – 180 с.
25. Ёров, З., Вазиров, К. Сангҳои гаронбаҳои Тоҷикистон / З. Ёров, К. Вазиров. – Душанбе, 1999. – 140 с.
26. Зеҳнӣ, Т. Аз таърихи лексикаи забони тоҷикӣ / Т. Зеҳнӣ. – Душанбе: Дониш, 1987. – 234 с.
27. Исмати, О. Алифбои нав дар Тоҷикистон / О. Исмати. // Инқилоби маданӣ. – 1933. – №8-9 (34-36). – С. 26-32.
28. Исматов, С. М. Тоҷ андар «Шоҳнома» / С. Исматов. – Душанбе, 2009. – 168 с.

29. Калонтаров, Я. И. Инкишофи лексикографияи тоҷик дар солҳои Хокимияти Совети / Я. Калонтаров // Мактаби Совети. – 1978. – №11. – С. 21-24.
30. Камолиддинов, Б. Хусни баён / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 120 с.
31. Камолова, Г. Воҳидҳои луғавии забони адабии дар «Маҷмӯъ-ат-та-ворих» / Г. Камолова // Армуғон. Ҷ. 2 – Душанбе: Дониш, 1971. – С. 7-17.
32. Каримов, А. Хрестоматияи забони паҳлавӣ. / А. Каримов. – Душанбе, 1978. – 146 с.
33. Қодирӣ, С. Истилоҳи саҳеҳ ва қўтоҳ бошад / С. Қодирӣ. // Садои Шарқ. – 1974. – №2. – С. 48-54.
34. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2017. – 126 с.
35. Қосимова, М. Н. Истилоҳоти қадимаи тоҷикӣ / М. Н. Қосимова. – Душанбе, 2007. – 172 с.
36. Қосимова, М. Н. Забони адабии тоҷик дар аҳди Сомониён / М. Н. Қосимова. – Душанбе: Адаб. 1998. – №1 – 3. – С. 12 – 18.
37. Қосимова, М. Н. Мухтасар оид ба истилоҳоти забоншиносии пешини тоҷик / М.Н.Қосимова. – Душанбе, 2003. – 110 с.
38. Қосимова, М. Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои 9 – 10): Китоби дарсӣ барои мактабҳои олии. Қисми 1 / М. Н. Қосимова. – Душанбе, 2003. – 490 с.
38. Қосимова, М. Н. Истилоҳоти қадимаи тоҷикӣ / М. Н. Қосимова. – Душанбе, 2007. – 172 с.
39. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
40. Максудов, Т. Лексика ва фразеологияи шеваҳои тоҷикони Исфара / Т. Максудов. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 180с.
41. Маҳмудов, М. Луғат ва истилоҳоти заргарӣ ва мисгарӣ / М. Маҳмудов // Номаи пажӯҳишгоҳ. – Душанбе. 2007. – № 15-16. – С.27 – 32.

42. Маҳмудов, М., Қўраев Ғ. Луғати шеваҳои забони тоҷикӣ. Қ.1 / М. Маҳмудов, Ғ. Қўраев. – Душанбе, 1997. – 290 с.
43. Маҳмудов, М., Қўраев Ғ. Луғот ва истилоҳоти таҳассусӣ дар ғуишҳои забони тоҷикӣ / М. Маҳмудов, Ғ. Қўраев // Номаи пажӯҳишгоҳ. – Душанбе, 2006. – №13-14. – С. 27 – 32.
44. Маҷидов, Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик. Ҷ. 1. Луғатшиносӣ / Ҳ. Маҷидов. – Душанбе, 2007. – 243 с.
45. Маҷидов, Ҳ. Сермаъноии луғавӣ / Ҳ. Маҷидов. // Маърифат. – 1997. – № 9-12. – С. 7 – 9.
46. Маҷидов, Ҳ. Усулҳои сермаъношавии калимаҳо / Ҳ. Маҷидов // Маърифат. – 1998. – № 1-2. – С. 10 – 13.
47. Маъсумӣ, Н. Асарҳои мунтахаб. Ҷ. 2 / Н. Маъсумӣ. – Душанбе: Адиб, 2005. – 456 с.
48. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ. – Душанбе, 2003. – 230 с.
49. Маъсумӣ, Н. Қаҳонбинӣ ва маҳорат / Н. Маъсумӣ. – Душанбе, 1966. – 280 с.
50. Мирбобоев, А. Муқаддимаи филологияи эронӣ / А. Мирбобоев. – Душанбе, 2015. – 320 с.
51. Мирзоев, А. М. Забони адабиёти классикӣ ва муносибати он ба забони ҳозираи тоҷик / А. М. Мирзоев. // Шарқи Сурх. – 1949. – №4. – С. 7-14.
52. Мурватов, Ҷ. Назаре ба лексикаи кордсозӣ / Ҷ. Мурватов // Забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1980. – С. 89 – 103.
53. Мухторӣ, Қ. Хусусиятҳои луғавию услубии ашъори Рӯдакӣ / Қ. Мухторӣ. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 130 с.
54. Мухторов, А. Сомониён: замон ва макон / А. Мухторов – Душанбе: Сурушан, 1999. – 288 с.
55. Мухторов, З. Лексикаи ирфонии ғазалиёти Саной / З. Мухторов. – Душанбе, 2001. – 137 с.

56. Мухторов, З. Таърихи забони тоҷикӣ / З. Мухторов. – Душанбе: Хумо, 2003. – 152 с.
57. Муҳаммадиев, М. Баъзе хусусиятҳои лексикаи «Шоҳнома» / М. Муҳаммадиев. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2005. – 138 с.
58. Муҳаммадиев, М., Талбакова, Ҳ., Нурмаҳмадов Ю. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик / М. Муҳаммадиев, Ҳ. Талбакова, Ю. Нурмуҳаммадов. – Душанбе, 1997. – 190 с.
59. Муҳаммадиева, Ҳ. Қайдҳо оид ба баъзе хусусиятҳои лексикаи нонвой / Ҳ. Муҳаммадиева // Забоншиносӣ тоҷик. – Душанбе, 1980. – С. 89 – 103.
60. Набиева, Г. В. Инкишофи лексикаи сару либос / Г. В. Набиева // Забоншиносӣ тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1980. – 45с.
61. Набиева, Г. В. Лексика, обозначающая одежду, как источник изучения вопросов таджикской исторической диалектологии / Г. Набиева // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. – Душанбе, 1979. – С. 243 – 245.
62. Набиева, Р. Язык «Таърихи салотини мангития» Мирзо Абдулазима Сомӣ (Лексика ва фразеология) / Р. Набиева. – Душанбе, 1973. – 152 с.
63. Назарзода, С. Забон ва истилоҳот (Андешаҳо дар атрофии забони тоҷикӣ ва ташаккули истилоҳот) / С. Назарзода. – Душанбе: Дониш. 2003. – С. 59-71.
64. Назарзода, С. Нахустин санади меъёрии истилоҳсозии забони тоҷикӣ дар даврони Шӯравӣ / С. Назарзода // Забоншиносӣ. Душанбе. – 2010. – №2, – С.81-97.
65. Назарзода, С. Ташаккули истилоҳоти иҷтимоӣ-сиёсӣ забони тоҷикӣ дар садаи асри XX / С. Назарзода. – Душанбе: Дониш, 2004. – 120 с.
66. Насраддин Тӯсӣ. Меъёр – ул – ашъор / Н. Тӯсӣ. – Душанбе: Ориёно, 1992. – 150 с.
67. Некбахтшоева, С. Р. Истилоҳоти кулоҳ ва гесубандии Вахон / С. Р. Некбахтшоева // Ахбороти Академияи илмҳои Тоҷикистон. – Душанбе. – 2009. – № 1. – С. 31 – 32.

68. Неменова, Р. Л., Қўраев Ғ. Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ. Ҷ. 1. / Р. Л. Неменова, Ғ. Қўраев. – Душанбе, 1980. – 330 с.
69. Неъматов, Н. Давлати Сомониён / Н. Неъматов – Душанбе: Ирфон, 1989. – 304 с.
70. Норматов, М. Муқаддимаи забоншиносӣ / М. Норматов. – Душанбе, 1992. – 240 с.
71. Нуров, П. Истилоҳ ва истилоҳсозӣ дар забони илмии тоҷикӣ (бо замимаи Фарҳанги мухтасари истилоҳоти физика) / П. Нуров. – Душанбе. – 2006. – 314 с.
72. Парвиз Нотили, Хонларӣ. Таърихи забони форсӣ. Ҷ. дувум. / П. Н. Хонларӣ. – Техрон, 1369. – 400 с.
73. Парвиз Нотили Хонларӣ. Таърихи забони форсӣ. Ҷ. сеум / П. Н. Хонларӣ. – Техрон, 1369. – 494 с.
74. Пейсиков, Л. С. Лексикология современного персидского языка / Л. С. Пейсиков. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 206 с.
75. Распопова, В. И. Бронзовые серьги Пенджикента / В. И. Распопова. – М., 1969. – С. 45 – 90.
76. Распопова, В. И. Поясной набор Согда VII – VIII вв. № 4. / В. И. Распопова. – М., 1965. – С. 78 – 98.
77. Расторгуева, В. С., Молчанова Е. К. Среднеперсидский язык / В. С. Расторгуева, Е. К. Молчанова // ОИЯ. – М., 1981. – С. 6-147.
78. Расторгуева, В. С., Эдельман Д. И. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 1 – 2. (1952, 1956) / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – Москва, 1963. – 280 с.
79. Рачабзод, Д. Роҳнамои таълифи корҳои илмӣ / Д. Раджабзод – Душанбе, 2021. – 186 с.
80. Рауфов, Ҳ. Муаррабат дар забони тоҷикӣ / Ҳ. Рауфов // Мактаби советӣ. – 1977. – №5. – С.18 – 21; №8 – С. 23 – 25.

81. Раҳматуллозода, С. Х. Калимасозии исм бо пасвандҳо аз рӯи маводи шеваи чануби шарқии забони тоҷикӣ / С. Х. Раҳматуллозода. – Душанбе. – 2010. – 150с.
82. Раҳмон, Э. Забони миллат – ҳастии миллат / Э. Раҳмон. – Душанбе. – 2020. – 340 с.
83. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Дониш. – 1972. – 180 с.
84. Рустамов, Ш. Оид ба калимасозӣ ва ҳусни сухан / Ш. Рустамов // Садои Шарқ.– 1971. – №6. – С. 114-124.
85. Рустамов, Ш. Як қолиби калимасозии исм / Ш. Рустамов // Масъалаҳои забоншиносӣ. – Душанбе: Дониш. – 1975. – С.42-48
86. Сабзаев, С. М. Забон ва услуби шоирони маорифпарвар / С. М. Сабзаев. – Душанбе: Маориф. – 1991. – 80 с.
87. Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форсии миёна / Д. Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд. – 2001. – 300 с.
88. Саймиддинов, Д. Форсии бостон // Д. Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2007. – 190 с. (Древнеперсидский язык)
89. Саломӣён, М. Вижагиҳои луғавӣ ва маъноии забони ғазалиёти шоирони асрҳои XII-XIV / М. Саломӣён. – Душанбе. – 2020. – 160 с.
90. Саломов, М. Ифодаи маҷоз дар ғазалиёти Ҳофизӣ Шерозӣ / М. Саломов. – Душанбе, 2001. – 137 с.
91. Сергеев, Л. П. Диалектная система чувашского языка: диалектологический атлас / Л. П. Сергеев. – Чебоксары. – 1972. – 464 с.
92. Сирочиддин Алихон Орзу. Чароғи ҳидоят / Алихон Орзу Сирочиддин. – Душанбе. – 1992. – 288 с.
93. Сулаймонов, С. Ибни Сино – падидаи фарҳангӣ ва забони рӯзгори Сомониён / С. Сулаймонов // Фалсафа дар аҳди Сомониён. – Душанбе. – 1999. – С. 190-199.

94. Султонов, М. Б. Истилоҳоти илмии «Китоб – ут - тафҳим»-и Абурайҳони Берунӣ / М. Б. Султонов. – Душанбе: Дониш. – 2003. – С. 3 – 90
95. Султонов, М. Б. Ташаккул ва тақомули истилоҳоти илмии форсӣ – тоҷикӣ (дар заминаи осори илмии асрҳои IX – XI) / М. Б. Султонов. – Душанбе: Дониш, 2008. – 420 с.
96. Султонов, М. Б. Язык науки и терминология / М. Б. Султонов – Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 56 – 120.
97. Турсунов, А. Мулоҳизаҳо роҷеъ ба истилоҳ ва имлои тоҷикӣ / А. Турсунов // Садои Шарқ. – 1967. – №6. – С. 64-76
98. Хаитова, Ш. Несколько слов о золотом веке медицинской терминологии / Ш. Хаитова // Материалы научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава и студентов, посвященной Году образования и технических знаний. Ч. 2. – ТНУ. Душанбе, 2010 – С. 221-225.
99. Хаитова, Ш. Терминотворчество – первая фаза формирования научного стиля национального языка (опыт Ибн Сино и других представителей минувших поколений) / Ш. Хаитова // Вестник ТНУ. – 2012 – №5 (6) – Душанбе. – С. 16-20.
100. Халимов, С. Куниш (феъл) / С. Халимов. Душанбе: ДМТ, 2013. – 190 стр.
101. Ҳалимов, С., Шукурова К. Забони ҳозираи тоҷик (ҳиссаҳои номии нутқ) / С. Ҳалимов, К. Шукурова. – Душанбе, 1988. – 95 с.
102. Ҳалимова, С. Слово «дурафш» (флаг) в «Шахнаме» Абулкасыма Фирдоуси / С. Ҳалимова. // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Выпуск 2(818). – Москва: ФГБОУ во МГЛУ, 2019. – С.153-163.
103. Хаютин, А. Д. Термин, терминология, номенклатура / А. Д. Хаютин // Учебное пособие // А. Д. Хаютин. – Самарканд: Изд-во СГУ, 1972. – 129 с.
104. Хоркашев, С.Р. Ташаккули таркиби луғавӣ ва калимасозӣ / С.Р. Хоркашев. – Душанбе, 2014. – 108 с.

105. Хоҷаев, Д. Хоҷа Ҳасани Нисорӣ ва афкори забоншиносии ӯ / Д. Хоҷаев. – Душанбе: Деваштич, 2004. – 108 с.
106. Ҳошимов, С. Якчанд ҷиҳати семантикии калимаҳои арабӣ дар «Дастур – ул – мулук» / С. Ҳошимов // Вазифаи воҳидҳои забон дар ҷараёни гуфтор. – Душанбе, 1995. – С.141 – 147. (Некоторые семантические особенности арабских слов в «Дастур – ул – мулук». Функции языковых единиц в процессе общения)
107. Ҳусейнов, Х., Шукурова К. Луғати терминҳои забоншиносӣ / Х. Ҳусейнов, К. Шукурова. – Душанбе: Маориф, 1983. – 255 с.
108. Чхеидзе, Т. Д. Именное словообразование в персидском языке. / Т.Д. Чхеидзе. – Тбилиси, 1969. – С. 88-94.
109. Ҷӯраев, Р. Этимологияи сад калима / Р. Ҷӯраев. – Душанбе: Маориф, 1985. – 42 с.
110. Шанский, Н. М. В мире слов / Н. М. Шанский. - М.: Просвещение, 1971. – 214 с.
111. Шарифова, Ф. Хусусиятҳои вожагонии «Кашф – ул – маҳлуб» – и Ђульвирӣ / Ф. Шарифова. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 139 с.
112. Шаропов, Н. Пути развития лексики современного таджикского литературного языка / Н. Шаропов. – Душанбе: Дониш, 1988. – 135 с.
113. Шарофов, Н. Оид ба лексикаи касбу ҳунари забони тоҷикӣ / Н. Шарофов // Масъалаҳои забоншиносӣ. – Душанбе: Дониш, 1983, – с. 56-60.
114. Шарофов, Н., Ҷӯраев Т. Лексикаи касбу ҳунар – сарчашмаи терминологияи техникаи тоҷикӣ / Н. Шарофов, Т. Ҷураев. – Душанбе, 1991. – 92 с.
115. Ширинбонуи, Исматуллоҳ. Дафтари ишқ (Баъзе хусусиятҳои лексикӣ – семантикии ғазалиёти Камоли Хучандӣ) / Ш. Исматуллоҳ. – Душанбе: Ирфон, 2007. – 144 с.
116. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

117. Шокиров, Т. Адиб, забон ва услуб / Т. Шокиров. – Душанбе, 2001. – 176 с.
118. Шокиров, Т. Таджикская юрлингвистика, её задачи и перспективы. Душанбе: Дониш, 2011. – 182 с.
119. Шокиров, Т. Термины мусульманского права в таджикском языке (юрислингвистическое исследование) / Т. Шокиров. – Душанбе: Дониш, 2010. – 116 с.
120. Шукуров, М. Забони мо – ҳастии мо / М. Шукуров. – Душанбе: Маориф, 1991. – 228 с.
121. Шукуров, М. Ш. Истилоҳот ва забони миллӣ. / М. Ш. Шукуров // Садои Шарқ. - 1994. – №2 – С.3-19.
122. Шукуров, М. Назаре ба таҳаввули принципҳои истилоҳсозии тоҷикӣ / М. Шукуров // Ахбори АФ РСС Тоҷикистон. Серияи шарқшиносӣ, таърих, филология. – 1991. – №4 – С.3-9.
123. Юсуфов, А. Истилоҳоти тиббии иқтибосӣ дар «Хидоят- ул-мутааллимин фи-т-тиб»-и Ахавайнии Бухорӣ / А. Юсуфов. – Душанбе: Деваштич, 2003. – С. 10-40.
124. Юсуфов, Ҳ. Шарҳи баъзе калимаҳои архаистии таърихӣ дар асарҳои Айнӣ / Ҳ. Юсуфов // Армуғони олимони ҷавон. – Душанбе: Дониш, 1966. – С.196 – 201.
125. Эшнӣёзов, М. Диалектологияи тоҷик / М. Эшнӣёзов. – Душанбе, 1979. – 100 с.
126. Эшнӣёзов, М. Лаҳҷашиносии тоҷик / М. Эшнӣёзов. – Душанбе, 1996. – 220 с.

II. СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ:

127. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1 / В.И. Абаев.– М.; – Л.,1958. – С. 3 – 100.
128. Абдуллашиди Таттавӣ. Мунтахаб – ул – луғот / Таттавӣ Абдуллашид. – Душанбе: Сарредаксияи ЭМТ, 2003. – 790 с.

129. Айнӣ, С. Луғати нимтафсилаи тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик / С. Айнӣ // Куллиёт. Ҷ. 12. – Душанбе, 1976. – С. 23 – 558.
130. Алиакбар, Деххудо. Луғатнома. Ҷ. 9. / Деххудо Алиакбар. – Техрон, 1341. – 500 с.
131. Алиакбар, Деххудо. Луғатнома. Ҷ. 15. / Деххудо Алиакбар. – Техрон, 1341. – 396 с.
132. Алиакбари Орзу. Чароғи ҳидоят / О. Алиакбар. – Душанбе, 1993. – 236 с.
133. Ализода, И. Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома». / И. Ализода. – Душанбе, Адиб., 1992 – 280 с.
134. Анварӣ, Ҳ. Фарҳанги фишурдаи суҳан. Ҷ. 1. / Ҳ. Анварӣ. – Техрон: Суҳан, 1386. – С. 30-80.
135. Анварӣ, Ҳ. Фарҳанги фишурдаи суҳан. Ҷ. 2. / Ҳ. Анварӣ. – Техрон: Суҳан, 1386. – С. 220-300.
136. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М., Русский язык, 1984, – 763 с.
137. Гиёсуддин, Муҳаммад. Гиёс–ул–луғот. Ҷ.1. / Муҳаммад Гиёсиддин. – Душанбе: Адиб, 1987. – 490 с.
138. Гиёсуддин, Муҳаммад. Гиёс–ул–луғот. Ҷ.2. / Муҳаммад Гиёсиддин. – Душанбе: Адиб, 1988. – 480 с.
139. Деххудо, А. Луғатнома. Ҷ. 18. / А. Деххудо. – Техрон, 1365. – С. 140-200.
140. Каримов, А. Словарь пехлевийских гетерограмм / А. Каримов. – Душанбе, 1988 – 54 с.
141. Қошғарӣ, Маҳмуд. Девон–ул–луғот–ул–турк / М. Қошғарӣ. – Тошкент: Фан, 1992. – 462 с.
142. Муҳаммад, Бурҳониддин. Бурҳони қотей. Ҷ. 1, 2 / Бурҳониддин Муҳаммад. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 497 с.
143. Муҳаммад, Муин. Фарҳанги форсӣ // Муҳаммад Муин. – Техрон, 1356. – С. 45 – 123.
144. Персидско – русский словарь. Т.1. – М.: Рус. яз., 1985. – 800 с.
145. Персидско – русский словарь. Т.2. – М.: Рус. яз., 1985. – 864 с.

146. Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т.1. / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М., 2000. – 327 с.
147. Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Том 2. / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 502 с.
148. Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Том 3. // В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 502 с.
149. Стеблин – Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка / И. М. Стеблин – Каменский. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 478 с.
150. Фарҳанги Амид (Ҳасани Амид): дар ду чилд. Чопи шашум. – Техрон, 1351 / 1973. – С. 65-100 (25 ҳазор вожагонро ифода мекунад)
151. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – М.: СЭ, 1969. – 951 с.
152. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – М.: СЭ, 1969. – 949 с.
153. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – Душанбе, 2008. – 708 с.
154. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – Душанбе, 2008. – 708 с.
Таджикского
155. Ҳофизӣ, Убаҳӣ. Тухфат – ул – аҳбоб // Ҳофизӣ Убаҳӣ. – Душанбе: Адиб, 1992. – 320 с.
156. Энциклопедияи адабиёт ва санъат. Ҷ.1. – Душанбе, 1988. – 864 с.
157. Энциклопедияи адабиёт ва санъат. Ҷ.2. – Душанбе, 1990. – 872 с.
158. ЭСТ. Ҷ.1. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1978. – 672 с.
159. ЭСТ. Ҷ.2. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1980. – 678 с.
160. ЭСТ. Ҷ.3. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1981. – 678 с.
161. ЭСТ. Ҷ.4. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1983. – 678 с.
162. ЭСТ. Ҷ.5. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1984. – 678 с.
163. ЭСТ. Ҷ.6. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1986. – 678 с.
164. ЭСТ. Ҷ.7. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1987. – 678 с.
165. ЭСТ. Ҷ.8. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1988. – 592 с.

166. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. – 327 с.
167. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2002. – 327 с.
168. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2005. – 327 с.
169. Этимологический словарь иранских языков. Т. 4. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2007. – 327 с.
170. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». Вып. 2 / отв. ред. Г. Ф. Благова. – М.: Индрик, 2000. – Сс. 55, 168, 253 – 257, 311, 381, 401, 560.
171. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». Вып. 2 / отв. ред. Г. Ф. Благова. – М.: Индрик, 2000. – С. 154.

III. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ:

172. Абдуллаев, Н. Ш. Формирование таджикской астрономической терминологии космонимии: дис. канд. филол. наук: 10.02.02. / Абдуллаев Нариман Шакирович. – Душанбе, 1979. – 149 с.
173. Абдулфайзов, С. Лексико-семантический анализ дипломатических терминов таджикского языка: дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Абдулфайзов Саиднуриддин. – Душанбе, 2013. – 174 с.
174. Абодуллоева, С. Ономастика «Фарснаме» Ибна ал-Балхи: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Абодуллоева Сафина. – М., 2010. – 25 с.
175. Байзоев, А. М. Забони «Донишнома»-и Абуали ибни Сино (истилоҳот ва калимасозӣ): дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Байзоев Азим Мухаммадиевич. – Душанбе, 1992, – 219 с.
176. Бобомуродова, М. У. Этнолингвистическая характеристика лексики женских украшений в таджикском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22. / Бобомуродова Махбуба Умроновна. – Душанбе, 2012. – 26 с.

177. Вахобов, Т. Социолингвистические аспекты развития таджикского литературного языка (20 – 30 – х годов XX в.): автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.22 / Вахобов Толиб. – Душанбе, 2006. – 44 с.
178. Джумаев, М. О. Лексико – семантические и словообразовательные особенности арабских заимствований в прозе Абдурахмана Джами (на примере «Нафхот – ул – унс» и «Бахористон»): дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Джумаев Мехроб Одинаевич. – Душанбе, 2023 – 380 с.
179. Джураев, Т. К. Отраслевая техническая терминология современного таджикского языка (в сопоставлении с русским, персидским и дари): автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.20 / Джураев Тухта Кодырович. – Душанбе, 2010. – 46 с.
180. Исматов, С. Анализ лексики, обозначающей головные уборы в «Шахнаме» Фирдавси: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Исматов Саъди. – Душанбе, 2004. – 24 с.
181. Истамова, М. Лексика швейного и вышивального искусства в Самаркандских говорах таджикского языка: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Истамова Мархабо. – Душанбе, 1983. – 21 с.
182. Каландаров, С. Д. Арабские заимствованные слова в «Наводир-ул-вакое» Ахмада Дониша: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Каландаров Сарабек Давлатёрович. – Душанбе, 2006. – 24 с.
183. Каримов, С. Р. Лингвокультурологический анализ лексики украшений и драгоценных камней на основе письменных памятников таджикского литературного языка X-XII веков: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Каримовсамариддин Рахматуллоевич. – Душанбе, 2023. – 32 с.
184. Касимов, О. Х. Лексика «Шахнаме» Абулькасима Фирдавси: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.22 / Касимов Олимджон Хабибович. – Душанбе, 2011. – 54 с.
185. Мухаммадиева, Х. Н. Профессиональная и бытовая лексика кулинарного искусства в таджикском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Мухаммадиева Хамида Насимовна. – Душанбе, 1979. – 21 с.

186. Нуров, П. Г. Таджикская научно – техническая терминология: теоритический и прикладной аспекты: дис. д-ра филол. наук: / Нуров Пирмахмад Гулович. – Душанбе, 2017. – 415 с.
187. Розиков, Б. А. Лексика ювелирного и медницкого мастерства в таджикском языке (по материалам лексики худжандских и уратюбинских мастеров): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Розиков Бозорбой Абдурахимович. – Худжанд, 2000. – 22 с.
188. Сабзаев, С. М. Лингвистическое исследование суфийской терминологии таджикско–персидской прозы XI – XII вв.: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.08 / Сабзаев Саидкул Миралиевич. – Душанбе, 1996. – 42 с.
189. Саидов, Х.А. Дипломатическая терминология в таджикском и английском языках: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.20 / Саидов Халимджон Азизович. – Душанбе, 2013 – 174с.
190. Саймиддинов, Д. Лексика среднеперсидского языка: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.20. / Саймиддинов Додихудо. – Душанбе, 1998, – 38 с.
191. Сулаймонов, С. Становление арабской и таджикской философской терминологии (на базе философского наследия Ибни Сины): автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.22. / Сулаймонов Саидрахмон. – Душанбе, 1997 – 55 с.
192. Турахасанов, К. Ш. Формирование таджикской медицинской терминологи (на материале первоисточников медецинского наследия IX – XI вв.): дис. д-ра филол. наук: 10.02.22 / Турахасанов Кодиркул Шодикулович. – Душанбе, 2022. – 345 с.
193. Усманова, С. У. Лексика орнаментации текстиля в таджикском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Усманова С.У. – Душанбе, 1971. – 24 с.
194. Фатима, Асад. Семантические особенности отраслевых терминов в «Наводир–ул–вакоеъ» Ахмада Дониша: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Фатима Асад. – Душанбе, 2014. – 21 с.
195. Хоркашев, С. Р. Лексико – семантический и морфологический анализ предметной лексики в южных и юго – восточных говорах таджикского языка:

автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.22 / Хоркашев Сахидод Рахматуллоевич. – Душанбе, 2015. – 53 с.

196. Халимова, С. Ш. Профессиональная лексика в произведениях Сайидо Насафи: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Халимова Сафаргул Шарифовна. – Душанбе, 2002. – 25 с.

197. Халимова, М. Лексика, обозначающая понятия «одежда» в таджикском языке (на основе материалов говора Худжанда и его окрестностей): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Халимова Матлуба. – Худжанд, 2002. – 24 с.

198. Хомидов, Д. Р. Лингвистические исследование гидронимов региона исторического проживания таджиков в Мавераннахре: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.22 / Хомидов Дилмурод Раджабович. – Душанбе, 2018. – 53 с.

199. Шафоатов, А. Н. Таджикская спортивная терминология: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Шафоатов Азал Нусратович. – Душанбе, 2009. – 24 с.

IV. ИСТОЧНИКИ:

200. Абуабдуллохи Рӯдакӣ. Ашъор / Рӯдакӣ Абуабдуллох. – Душанбе: Адиб, 2007. – 371 с.

201. Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 479 с.

202. Османов, М.-Н. Родник жемчужин: Персидско-таджикская классическая поэзия / сост. М.-Н. Османов. – Душанбе: Маориф, 1986. – 446 с.

203. Фарханги ашъори Рӯдакӣ. – Душанбе: Адиб, 1990. – 210 с.

204. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шохнома. Ҷ.1. / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 475 с.

205. Фирдавсӣ, Абулқосим Шохнома, Ҷ. 2 / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 475 с.

206. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шохнома. Ҷ. 3 / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 477 с.

207. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шохнома. Ҷ. 4 / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 475 с.
208. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шохнома. Ҷ. 5 / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 476 с.
209. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шохнома. Ҷ. 6 / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 476 с.
210. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шохнома. Ҷ. 7 / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 473 с.
211. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шохнома. Ҷ. 8 / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 475 с.
212. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шохнома. Ҷ. 9 / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 476 с.
213. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шохнома. Ҷ.10 / Абулқосим Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 411 с.
214. Улуг-заде, С., Улуг-заде, Н. Сказания из «Шахнаме» / пересказ С. Улуг-заде, пер. Н. Улуг-заде. – Душанбе: Адиб, 1989. – 384 с.